ВЛАДИМІРЪ ЛИДИНЪ

ОТСТУПНИКЪ

РОМАНЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЛИТЕРАТУРА“
РИГА, ЦЕРКОВНАЯ УЛ. 4-я

„НАША БИБЛІОТЕКА“
XXVII

Вл. Лидинъ

ОТСТУПНИКЪ

РОМАНЪ

Вступительная статья **Петра Пильскаго**

Портретъ автора работы худ. **А. П. Апсита**

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЛИТЕРАТУРА“
РИГА, ЦЕРКОВНАЯ УЛ. 4-а
1928

Типографія „Vārds“, Рига,
Бл. Плавучая ул. № 24.
Телефонъ 2-3-4-0-9.

Вл Лидинъ

О романѣ „ОТСТУПНИКЪ“

Совѣтская жизнь однообразна, однотипна, одноцвѣтна, сѣрая, одинаковая до тоски, до одичанія, до ужаса. Одна и та же почва, одни и тѣ же корни, и тѣ же всходы, и одни и тѣ же плоды. Чьей бы рукой ни вращалось зеркало, — отраженія тоже одни и тѣ же. Разные слои, различныя профессіи, но уклады, понятія, жизненная практика, образъ мыслей, образъ дѣйствій одни и тѣ же.

Это — во всемъ: въ отношеніяхъ, въ сужденіяхъ, отрицаніяхъ, симпатіяхъ, это — въ „вопросахъ пола“ и любви, и въ случайныхъ сближеніяхъ и столь же случайныхъ бракахъ.

Н. Никандровъ рисуетъ намъ среду писателей, Пантелеймонъ Романовъ показываетъ бытъ интеллигенціи, психологію юнаго жениха, интеллигентную женщину прежде и теперь, бракъ втроемъ, трехъ женъ у одного мужа.

Сергѣй Малашкинъ выводитъ типы молодыхъ комсомольцевъ и комсомолокъ, ихъ дни и вечера, ихъ увеселенія и оргіи, ихъ безстыдство и послѣднее паденіе, ихъ мрачную тоску, жизненные тупики, безысходность, горькіе концы. Въ романѣ „Отступникъ“ Вл. Лидинъ беретъ среду ВУЗ'овцевъ, знакомитъ съ этимъ бытомъ, моралью, дѣлами и судьбой студентовъ и студентокъ.

Совершенно различные писатели, различные литературные темпераменты, у каждаго своя манера, у каждаго изъ нихъ свое собственное, личное отношеніе

къ власти, людямъ, жизни, но картины неизмѣнны, выводы одинаково мрачны, вращающееся зеркало отражаетъ одни и тѣ же лица, — все ту же грубость, элементарность, животность, безнравственность и грязь.

Романъ „Отступникъ“ ошеломляетъ.

Сравнительно съ Сергѣемъ Малашкинымъ авторъ этого романа Вл. Лидинъ гораздо культурнѣй, конечно, опытнѣй, богаче красками, глубже въ своихъ захватахъ. Въ романѣ все сдержанно. Вся книга кажется спрессованной. Въ ней почти нѣтъ лишнихъ страницъ.

Лидинъ никого не обличаетъ и ничего не подчеркиваетъ. Онъ объективенъ. Если гдѣ-нибудь выражается его личное отношеніе къ своимъ героямъ, то и это ощущается только въ его симпатіяхъ, а не осужденіяхъ. Здѣсь можно разслышать жалость и сочувствіе, — и нигдѣ нѣтъ даже отдаленнаго намека на авторское презрѣніе и негодованіе.

Этому роману даришь свою вѣру безъ колебаній: такъ онъ искренень, такъ онъ убѣдителенъ, такъ ясно и отчетливо звучатъ въ немъ голоса чистой, жизненной правды.

Въ „Отступникѣ“ Вл. Лидинъ даетъ яркую галлерею интересныхъ типовъ, картину нравовъ совѣтской молодежи. Теперь, впрочемъ, она называется тоже по иному, и слово „молодежь“ на коммунистически - поэтическомъ языкѣ именуется „молоднякъ.“

Новый бытъ создался и въ студенчествѣ. Кстати: тамъ упразднили и слово „университетъ“. Въ СССР не университеты, а ВУЗ'ы и рабфаки. Тоже, должно быть, красивѣй, а, главное, понятнѣй.

Выработался новый типъ студента. У него ничего общаго съ прежнимъ. Романъ Вл. Лидина производитъ потрясающее впечатлѣніе. „Отступникъ“ несетъ тяжкую жуть. Потрясаютъ не отдѣльныя картины, не тотъ или иной типъ — нѣтъ! — здѣсь давитъ и душитъ сама атмосфера, отравленная звѣринымъ дыхомъ, пропитанная запахомъ гніенія.

Многія и многія страницы романа переживаются читателемъ, какъ зрѣлище ужаса. Романъ правдивъ и безпристрастенъ, — это чувствуется во всемъ. Въ

немъ нѣтъ никакой утрировки. Краски Лидина мягки. Но ото всѣхъ описаній, отъ всего совершающагося вѣетъ берлогой, застѣнкомъ или публичнымъ домомъ.

Безъ чувства брезгливости и содраганія нельзя читать объ этихъ юношахъ и дѣвушкахъ, ихъ ночахъ, ихъ развлеченіяхъ, неряшливыхъ связяхъ и нравственной распущенности.

Бездумно и, конечно, безъ всякаго внутренняго колебанія Вѣра Никольская сходится со студентомъ Кирилломъ Безсоновымъ, тотчасъ же послѣ перваго знакомства. Тутъ нѣтъ никакихъ иллюзій, никакого чувства, нѣтъ даже простого влеченія, — какое-то сплетеніе наивности и откровенной грубости, животной похоти и случайности.

Но грубо все: тонъ бесѣдъ, оголенная философія пола и любви, вульгарны и грязны наслажденія, пошлы развлеченія.

Вмѣстѣ съ ученицами театральной школы студенты устраиваютъ вечеринку. Изъ-за занавѣски маленькой комнаты выпорхнули двѣ дѣвицы. На одной былъ шелковый черный костюмъ на подобіе мужского фрака, на другой — нѣсколько пестрыхъ полосъ, скрѣпленныхъ однѣми бретельками и перехватами, и подъ „лощадиные низкіе стоны и вопли“ рояля, „подъ это стихійное бѣшенство дѣвицы, спарившись въ оцѣпененіи, затопали на мѣстѣ ногами и стали судорожно топтаться, приникая другъ къ другу колѣнями и выворачивая икры“. Потомъ какой-то молодой человѣкъ съ накрашеннымъ ртомъ, „раскарячивъ ноги“, схватилъ одну изъ дѣвицъ, — „мигомъ перевернулъ ее въ воздухѣ и она усѣлась къ нему на плечи верхомъ“. Въ алкогольномъ чаду, съ неизмѣнной бутылкой казенной водки, охваченный удручающей скукой, проводитъ свои вечера унылый „молоднякъ“.

„Отступникъ“ — романъ опустошенныхъ душъ. Тамъ нѣтъ ничего. Какъ измѣнилось все, какъ все испоганилось! По сравненію съ недавнимъ, рядомъ со студентами Чирикова, Гарина-Михайловскаго, Леонида Андреева, даже Бориса Гегидзе, эти новые „вузники“, эти персонажи Лидина кажутся мрачными при-

видѣніями. Они могли бы казаться злѣйшимъ вымысломъ, если бы чрезъ все повѣствованіе его, проникая и освѣщая, не пронизывалась деликатная авторская правдивость, несомнѣнная искренность и даже боль.

Но и половая распущенность, и вульгарность, и угарный чадъ, — вся эта печать безнадежности еще не самое страшное въ этомъ быту и взаимныхъ отношеніяхъ.

Настоящій, воистину, невѣроятный ужасъ кроется уже не въ простомъ развратѣ. Да, Вѣра Никольская — цинична.

— Все равно, — объясняетъ она нагло и откровенно, — какъ ни верти, а потянетъ тебя ко мнѣ, Кириллъ . . . а драму разводить—лучше не приходи. Пришлись другъ къ другу пока — и ладно, а тамъ поглядимъ, какъ и что . . .

Да и самъ Кириллъ Безсоновъ, студентъ, начинающій поэтъ, опускающійся человѣкъ, стоящій на порогѣ отчаяннаго преступленія, тоже относится къ Никольской опрощенно и цинично и, „насыщаясь, на нѣсколько дней отходилъ отъ этой женщины, даже не вспоминая о ней". Да, здѣсь во всемъ цинизмъ, грязь и мертвящій холодъ, — холодъ жизни, холодъ и грязь общежитій, холодъ отношеній. И въ этомъ замороженномъ, загаженномъ воздухѣ берлоги и норы вызрѣваютъ страшные типы, рождаются каторжные планы, и студентъ Кириллъ Безсоновъ, еще недавній идеалистъ, вмѣстѣ со Свербеевымъ рѣшаютъ ограбить своего профессора Челищева.

На это они идутъ не въ юношескомъ порывѣ, — это совсѣмъ не шиллеровскіе разбойники, не закружившіяся молодыя головы, не зажегшееся молодое сердце. Они вынашиваютъ свой планъ спокойно, лелѣютъ его, долго разрабатываютъ до мелочей, вступаютъ въ настоящій заговоръ съ сапожникомъ Фескинымъ, дѣлаютъ предварительный осмотръ профессорской квартиры, тщательно изучаютъ расположеніе комнатъ, росписаніе часовъ, характеръ жильцовъ, ведутъ себя какъ сознательные преступники: ни колебаній, ни предостереженій совѣсти, ни стыда, ни жалости.

Все жестоко и послѣдовательно.

И какъ проста и тоже холодна философія пола и мораль Вѣры Никольской, такъ же проста въ своей грубой отчетливости и теорія Свербеева.

— Если по настоящему хочешь взять жизнь и славу — не лаптемъ добывать, — нужны деньги прежде всего . . .

— Безъ денегъ мы ничто, пролетаріи безъ цѣпей, и цѣпей даже нѣту, чтобы терять ихъ.

Такъ они разсуждаютъ, мыслятъ, такъ они понимаютъ жизнь и ея цѣли.

Въ этомъ мірѣ угрюмости, скудости и грязи гибнетъ, кончая съ собой, чистая и тоненькая Таня Агурова. Гибнетъ, падая все ниже и ниже, проходя отъ обмана и подлога чрезъ шантажъ къ грабительскому замыслу, несчастный и безвольный Кириллъ Безсоновъ, и всю жизнь здѣсь направляютъ жестокіе и свирѣпые Свербеевы и Куреповы, сильные своей безпринципностью, убѣдительные въ своей простой, незамысловатой и страшной логикѣ.

Гнуснымъ навѣтомъ, дерзкой клеветой, дикой карикатурой на молодость и ея красоту должны были бы показаться эти картины романа, но все — правда, все — вѣрно, ибо все — результатъ и плодъ совѣтчины, совѣтской системы, новой совѣтской морали, коммунистической „идеологіи“, ленинскаго евангелія.

Ограбить профессора — неслыханно и ужасно, но... Но, вотъ, предо мной спеціальный „Студенческій“ номеръ „Красной Панорамы“. Луначарскій объясняетъ, что „профессура впадала въ грѣхъ классовой (ахъ, конечно, „классовой“) антипатіи къ новому студенчеству“.

Ну, а если „антипатія“, то стоитъ ли задумываться надъ такими пустяками, какъ налетъ на профессорскую квартиру?

О, конечно, половое разгильдяйство — мерзко, но... Но—опять: въ томъ же студенческомъ номерѣ нѣкій Евг. Панфиловъ весьма развязно и вполнѣ откровенно готовъ повѣдать свою несложную мораль:

„А покуда жизнь проста,
Юность безъ причала —
Такъ цѣлуй дѣвчатъ въ уста,
Чтобы закачало".

Рядомъ съ этими признаніями, въ свѣтѣ честнаго и талантливаго романа Лидина, предъ этими поражающими картинами развращенности, упадочности и безпримѣрной уголовщины пріобрѣтаютъ не то ироническій, не то дьявольскій смыслъ признанія знаменитаго наркома Семашко:

— Рабочій классъ выдѣляетъ лучшую часть своей молодежи для поступленія въ ВУЗ'ы!

Онъ объясняетъ, — для чего и зачѣмъ понадобится эта „лучшая" часть:

— Для того, чтобы сдѣлать изъ нея командировъ арміи строителей соціализма. Для того, чтобы вмѣстѣ съ ними строить соціализмъ.

И если до сихъ поръ мы успѣли узнать строителей соціализма въ настоящемъ, теперь мы познакомились и со строителями будущаго. Это — выразители звѣринаго начала, разсчетливые циники, свирѣпые добытчики, это плѣненные звѣри въ совѣтской клѣткѣ, гдѣ все — скудость, все грязь, озвѣрѣлыя пасти, заговоры шайки и оскаленный, безпощадный матеріализмъ, захватничество и стяжаніе. Героизмъ умеръ. Прежній студентъ исчезъ безъ отклика и слѣда. Тамъ были мечты, идеализмъ, молодая удаль и молодая грусть. Здѣсь — жадность, оголенность и волчья хватка. Такъ и должно быть, — этого хотѣли, этого добивались, это и есть осуществленіе завѣтнаго лозунга:

— Предоставимъ небо воробьямъ, а сами обратимся къ землѣ.

Петръ Пильскій.

И близъ меня передъ концомъ
Родной опять раздастся звукъ!
И стану думать я, что другъ
Иль братъ, склонившись надо мной,
Отеръ внимательной рукой
Съ лица кончины хладный потъ,
И что вполголоса поетъ
Онъ мнѣ про милую страну.

М. Лермонтовъ—„Мцыри".

I

Въ пятомъ часу этого оттепельнаго, памятнаго Кириллу Безсонову дня, профессоръ заканчивалъ лекцію по машиностроенію. Широкимъ размахомъ руки набрасывалъ онъ на доску мѣловыя параболы и окружности, сухо временами постукивая мѣломъ, вычерчивая чертежъ, — и всѣ студенты, сто-полтораста женщинъ и мужчинъ, нахохлившись надъ своими тетрадями, заносили въ нихъ эти формулы, схемы и вычисленія. Есть такіе предзимніе оттепельные дни въ октябрѣ: бѣлесыя утра дымятся труднымъ туманомъ, и въ окаянномъ сумракѣ и испареніяхъ земли утопаютъ огромные мокрые города, съ ненастными крышами, съ озябшими, торопящимися, озлобленными людьми-одиночками, плетущими въ туманахъ нить своего городского круженія. Тогда кажется это круженіе безцѣльнымъ, да и вся жизнь — придуманной для обидъ, непріятностей и взаимнаго озлобленія.

Профессоръ Челищевъ читалъ студентамъ курсъ по машиностроенію, это былъ одинъ изъ сложнѣйшихъ и трудныхъ курсовъ, и когда легкокрылыми ласточками взлетали изъ профессорскихъ рукъ бѣлыя

цифры формулъ, трудно было въ ихъ легкомъ полетѣ уловить тяжелую мѣрную поступь будущихъ громоздкихъ механизмовъ. Профессоръ Челищевъ, бывшій военный инженеръ, очень выхоленный, прекрасно сѣдѣющій на вискахъ, удачливый изобрѣтатель — любилъ этотъ полукругъ стриженыхъ и лохматыхъ головъ, мучительно вникающихъ въ сложность его небрежной игры на доскѣ, въ блистательную эманацію его знаній. Онъ любилъ еще легкіе перекаты своего баритона, который мягко вникалъ въ самые дальніе углы аудиторіи, и студенты, особенно женщины, бесѣдуя съ нимъ, всегда ощущали нѣкое, совсѣмъ безобидное и даже пріятное скорѣе, смущеніе. И сейчасъ, слушая его, многіе вникали скорѣе не въ формулы, а именно въ звукъ его голоса, въ стремительный взмахъ надъ доской небольшой и бѣлой руки.

Кириллъ Безсоновъ, вначалѣ старательно заносившій въ тетрадь схемы и цифры, вдругъ какъ-то тоже задумался, слушая профессорскій голосъ, глядя поверхъ головъ на туманную, въ крылатыхъ дугахъ и кривыхъ, исписанную доску. Сырой и мутный день, сизо слѣпнущій за высокими окнами, въ который какъ бы плыла теперь глухимъ кораблемъ аудиторія, готовясь въ пять часовъ войти въ вечернюю пристань, негромкіе раскаты профессорскаго баритона, сухой шелестъ страницъ, — все стало на мигъ невѣсомымъ, необычайно зыбкимъ, и было пріятно ни во что ни вникать и ни къ чему не прислушиваться, отдаваясь этому минутному забвенію. Безсоновъ подперъ рукой свою отяжелѣвшую, по-крестьянски золотую голову, задумался, профессоръ колыхнулся, сдвинулся съ мѣста и плавно поплылъ надъ доской; вслѣдъ за тѣмъ, описавъ кривую, онъ опустился на то же мѣсто. Сверху, по рукамъ товарищей, поползла записка, записка ударила Безсонова по носу и упала передъ нимъ на тетрадь. Безсоновъ оглянулся, сзади улыбались, онъ развернулъ записку. Писалъ Свербѣевъ:

„Не спи, дружище. Жизнь прекрасна. Если у тебя есть цѣлковый, она можетъ быть еще прекраснѣе. Не уходи послѣ лекціи, выйдемъ вмѣстѣ. Есть удивительныя новости".

Безсоновъ оглянулся снова. Свѣсивъ длинный свой носъ, сверху улыбался Свербѣевъ. Профессоръ Челищевъ повысилъ голосъ; онъ продолжалъ говорить, собирая свои записки, и всѣ вокругъ тоже зашумѣли тетрадями, зашевелились, — Челищевъ заканчивалъ лекцію.

Студенты жили въ огромномъ общежитіи, передѣланномъ изъ богадѣльни, длинные угрюмые коридоры были бездонны, въ концѣ каждаго мутной панорамой синѣло окно, а въ комнатахъ богадѣлокъ стояли студенческія койки, и на чертежныхъ доскахъ были распяты калька и чертежи. Семейные жили отдѣльно; молодежь — по нѣскольку — вмѣстѣ. И вечеръ означился желтымъ скучнымъ свѣтомъ одинокихъ лампочекъ въ коридорахъ, сизой чернотою за окнами и трудовой студенческой жизнью, протянутой дальше въ занятія, въ скудный чай изъ кружекъ, въ невеселый говорокъ мандолинъ—все, какъ всегда, въ скученномъ и казенномъ домѣ, гдѣ годы проходятъ въ ученьи, гдѣ каждую весну начинается отлетъ на родину, въ провинцію, на лѣтнюю практику, и гдѣ осенью коридоры жужжатъ отъ осенняго слета, въ которомъ лѣтній загаръ смѣняется днями учебы и городскимъ студенческимъ житіемъ.

Свербѣевъ ждалъ у подъѣзда, и они вышли вмѣстѣ въ эту раннюю и промозглую сизь. Мелкая водяная пыль сѣялась, обвисая у ноздрей и рѣсницъ, и въ этомъ туманѣ болѣзненными ржавыми опухолями вздувались фонари, скудно освѣщая вокругъ водянистый болотный мракъ.

— Я тебѣ не зря написалъ, Кирюшка — сказалъ Свербѣевъ; онъ близко шмыгнулъ своимъ угреватымъ утинымъ носомъ. — Жизнь, братъ, прекрасная штука, надо только умѣть ее подмять. Учеба — учебой, а жизнь — жизнью. Впрочемъ, зайдемъ въ пивную, я тебѣ все объясню.

Студенты долго шли по мокрой Бахметьевской.

— Вотъ она, наша благодѣтельница, — сказалъ Свербѣевъ, наконецъ. — Тутъ, братъ, такой цыган-

скій хоръ, что плакать захочешь. Зайдемъ и облегчимъ души.

Кириллъ Безсоновъ зашелъ за нимъ слѣдомъ въ пивную; былъ еще ранній часъ, многіе столики были пусты; они сѣли возлѣ самой эстрады, и Свербѣевъ заказалъ пива.

— Я вѣдь пива не пью, — Безсоновъ снялъ кепку и привычно тряхнулъ головой, забрасывая назадъ свои золотые волосы.

— А я развѣ, думаешь, пью? Такъ, чтобы провести время и цыганъ послушать.

И Свербѣевъ подперъ обѣими руками голову въ сѣромъ клѣтчатомъ шлюпикѣ и весело посмотрѣлъ на Безсонова цвѣлыми своими и по-гусиному пустыми глазами. Со Свербѣевымъ у Кирилла Безсонова не было дружбы или особой какой-нибудь близости, — но какъ-то случилось такъ, что Свербѣевъ именно къ себѣ приблизилъ его съ первыхъ же дней точно полюбился ему золотой паренекъ, пахнущій еще немудрою тишиною провинціи. И такъ повелось, что сталъ Свербѣевъ какъ бы его вожатымъ по огромному и безпріютному для затерянной души городу. Свербѣевъ жилъ отдѣльно на Бронной, и Безсонову было пріятно, что есть для него человѣческій уголъ въ большомъ этомъ городѣ, куда можетъ придти онъ хотя бы въ праздникъ, когда пустѣетъ общежитіе, и праздничное одиночество паутиною виситъ въ углахъ, — у Свербѣева всегда были люди, у него часто бывали женщины, студентки, они по мужски дымили папиросками, и все-таки за этимъ мужскимъ — было женское, то-есть то, что зналъ Безсоновъ въ себѣ, какъ жаркую силу. И потому къ Свербѣеву его неизмѣнно тянуло, а главное — умѣлъ Свербѣевъ плыть въ жизни, какъ хотѣлъ, — напористо и всегда побѣдительно. И сегодня, получивъ отъ него записку, Безсоновъ былъ втайнѣ радъ, хоть и рѣшилъ провести этотъ вечеръ въ занятіяхъ.

Служитель принесъ двѣ бутылки пива и блюдечко съ моченымъ грохомъ.

— Корнеевское пиво никогда не совѣтую, отъ него голова болитъ... а трехгорное отличное, — сказалъ Свербѣевъ. — И ну ка намъ воблочки, что-ли!

Онъ стукнулъ кружкой о кружку, отпилъ и покрутилъ головой.

— Чудная вещь, братъ, бабы... у каждой своя фантазія, совершенно удивительно. Ты вотъ ничего не знаешь, пиво пьешь, а тутъ такія дѣла развертываются!... Ахъ, братъ, жизнь, жизнь... хитрый механизмъ, ничего болѣе, и правъ тотъ, кто перехитритъ. Да, я думаю, ты и самъ догадался, о чемъ я хочу сказать?

И Безсоновъ испуганно почти и искренно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я не знаю, Свербѣевъ...

— Говорю я о Танѣ... о Татьянѣ Агуровой. Вотъ тебѣ и карія очи!... Нѣтъ, Кириллъ, я теперь ни въ какую невинность не вѣрю. Я вѣдь знаю, какъ ты по Татьянѣ шуришься...

Безсоновъ вдругъ покраснѣлъ:

— Пустяки говоришь ты, Свербѣевъ...

И Таня Агурова возникла въ немъ снова такой, какой онъ видѣлъ ее у Свербѣева мѣсяцъ назадъ. Таня — маленькая студентка, въ красной, точно пламенѣющей кофточкѣ, съ каштановымъ кружкомъ мальчишески-подстриженныхъ волосъ, съ густо-синими, почти черно синими глазами, сдвинутыми чуть сурово тонкой морщинкой, и съ той особенно милой неправильностью находящихъ другъ на друга зубовъ, которая даетъ улыбкѣ необъяснимое очарованіе. Онъ видѣлъ ее нѣсколько разъ, ни разу они не сказали другъ другу ни слова, но воспоминаніе о ней было жарко, и, можетъ быть, Свербѣевъ былъ правъ, что Таня стала первой его, Безсонова, городской и горькой мечтой.

— Ты пей пиво и слушай, — сказалъ Свербѣевъ еще. — И эту свою чистоту ты брось. Никому не нужно. Времена нынче дырявыя. Я, по совѣсти, порадовался, что у тебя съ Таней можетъ выйти роман-

чикъ. Очень вы подходите другъ для друга... она черненькая, а ты золотой — такъ тебя и зовутъ: золотой паренекъ. Да дѣло, оказывается, обернулось иначе.

Свербѣевъ разодралъ ломтикъ воблы, пожевалъ и сказалъ:

— Мы вотъ студенты, профессора насъ учатъ... грызёмъ гранитъ науки, а между прочимъ нашими товарками пользуются профессора. Имѣю достовѣрныя свѣденія, что у Татьяны неблагополучно съ Челищевымъ.

И Безсоновъ внезапно почувствовалъ, какъ кровь колюче и жарко точно ополоснуло его до самыхъ корней волосъ.

— То-есть, какъ съ Челищевымъ? — спросилъ онъ погодя, и, запрокинувъ кружку, пилъ минуту, не отрываясь, чтобы скрыть загорѣвшееся лицо.

Свербѣевъ покидалъ въ ротъ гороху.

— Съ профессоромъ Челищевымъ у Татьяны романъ... дѣло самое простое и, по существу, человѣческое. Но можемъ ли мы, Кириллъ, такъ спокойно отдавать нашихъ товарокъ для профессорскихъ удовольствій?...

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ, — сказалъ Безсоновъ поспѣшно и самъ не понялъ, почему же нѣтъ и какъ могли бы этому они помѣшать. Со стукомъ поставилъ на столъ онъ опорожненную кружку.

—Вообще, другъ, если ты пріѣхалъ въ Москву жить чистюлькой, то тебя городъ слопаетъ черезъ три мѣсяца. Тутъ надо каждому самого себя доказывать, а не докажешь, катись!...

Отъ хмѣля, отъ того, что сказалъ ему Свербѣевъ о Танѣ, отъ всей этой солодово дымной пивной Безсоновъ ощутилъ необыкновенную легкость въ вискахъ, точно отвердѣвшій костякъ вдругъ картонно и пріятно промялся, онъ все откидывалъ назадъ свои золотыя пряди, и Таня, только минуты передъ этимъ мучившая далекою нѣжностью, стала зыбкой и словно не существующей.

— Въ чемъ дѣло? — сказалъ онъ нетвердо и грубо. — И зачѣмъ ты говоришь мнѣ объ этомъ, Свербѣевъ... я не сватъ и не братъ.

— Вотъ это и есть самая твоя человѣческая слабость, а не сила... такъ разсуждать, каждый тебя обретъ, кому не лѣнь. Нѣтъ, Кириллъ, главное долженъ ты помнить, что сейчасъ все позволено... все, другъ! Насъ война и революція хорошо перепахали. Потому что иначе какъ жить, если себѣ не все позволить? Гранитъ науки? Ладно. Предположимъ, разгрызъ ты этотъ гранитъ... а дальше что? Становишься инженеромъ. Попадаешь въ перепроизводство. Нужно сто, положимъ, инженеровъ, а насъ три тысячи. Сто устроятся съ хлѣба на квасъ, а двѣ тысячи девятьсотъ пожалуйте на выносъ. Или въ канцелярію счетоводомъ въ лучшемъ случаѣ, или диспетчеромъ, что ли... на станцію Лихоборы куданибудь. Житьишко съ канарейкой... женишься, конечно, отъ скуки, дѣтишки пойдутъ... а на станціи Лихоборы тоска сивая, вѣтеръ, окаянство, только по проходящимъ поѣздамъ за чужой жизнью и слѣди. Нѣтъ, братъ, я себя на такой ладъ не строю. Я жизни хочу, чтобъ жить не хуже другихъ, чтобъ бабъ вокругъ меня красивыхъ до чорта было... а вѣдь сейчасъ красавого бабья сколько хочешь, лопатами бери!

И Свербѣевъ, склонивъ къ Безсонову длинный свой носъ, мигнувъ пустымъ глазомъ, сказалъ:

— Пойдемъ вмѣстѣ, Кирюшка, отъ души предлагаю... Ты мнѣ сразу по мѣркѣ пришелся, какъ тебя увидалъ. Такому парню въ сыростй пропадать! Ты меня, главное, слушай... я въ гражданской войнѣ отъ Сибири до Варшавы прошелъ, отъ партизанъ до поляковъ. Я всему цѣну знаю и жизнь почемъ стоитъ — знаю.

Онъ совсѣмъ развеселился и потребовалъ еще пива. И Безсонову тоже стало какъ-то небывало легко, онъ забылъ о главномъ — о Танѣ, и сейчасъ одно было только — Свербѣевъ, который обѣщалъ ему необыкновенную жизнь, а какъ могла стать необыкно-

венною жизнь — не стоило думать, хорошо зналъ тотъ свою побѣдоносную линію. Пиво, котораго Безсоновъ обыкновенно не пилъ, очень легко и забвенно туманило голову, и все хотѣлъ и забывалъ спросить, что же это значитъ — вмѣстѣ итти, развѣ, не одинако идутъ они сейчасъ другъ подлѣ друга, но Свербѣевъ же самъ разъяснилъ ему все:

— Ты отъ своего счастья никогда не отказывайся, вотъ главное. Понравился ты бабѣ — бери бабу, съ умомъ, конечно, чтобы себя не связать. Деньги, случится, сами въ руку идутъ, бери деньги, опять-таки съ умомъ, потому что разныя бываютъ деньги. А главное — иди плечомъ впередъ и никого не жалѣй. Пожалѣешь — затопчутъ. Не жалѣй и иди, подвернется кто — ты его плечикомъ легонько; не сойдетъ — толкони посильнѣе и не оглядывайся. Вотъ философія, братъ. А прочему ничему не вѣрь. Разныя жалкія сказки люди сочиняютъ. А теперь о самомъ главномъ...

Но тутъ на эстрадѣ произошло нѣкоторое замѣшательство, и на сцену повылѣзали цыгане. Цыгане сразу принесли съ собой легчайшее оживленіе. Женщины съ густѣйшими бровями, въ красныхъ и желтыхъ шаляхъ, худыя и чахлыя, позванивая браслетами, какъ цѣпями, и среди нихъ сама Настя Воробьева, смуглой семипудовой опарой. Неспѣшно стали разсаживаться женщины въ рядъ. Вислощекіе, какъ пойнтера на стойкѣ, мужчины, съ закрученными въ кольца усами, выстроились позади. Гитара въ лентахъ покрякала, посучила голосъ — и меленько зашлась въ переборахъ. Высокая худая цыганка, крайняя слѣва, повела хоръ. Почти безучастно, глядя мимо людей черными знойкими глазами, она запѣла рѣзкимъ и непріятнымъ вѣтровымъ своимъ голосомъ, отъ котораго какъ бы свѣжѣе стало вокругъ; такъ безучастно и пронзительно довела она свою пѣсню до той минуты, когда громадою голосовъ обрушился хоръ вослѣдъ. Высоко и гортанно вознеслась здѣсь, въ пивной, цыганская пѣсня, и медвѣжья возня мужскихъ голосовъ позади почти торжественно оттѣняла

ея ликующую тоску. И вдругъ въ затихающій провалъ голосовъ запѣла сама Настя Воробьева. Голосомъ низкимъ, словно слова ектеньи въ утренней церкви, пошла она ворошить эту тоску, а цыгане позади все вторили, и гитара въ лентахъ, какъ свадебная кобыла, клонилась туда — назадъ, пока окончательно не подавилась и не оборвалась струннымъ взрывомъ. Цыгане принесли съ собой гортанную и пѣвучую тоску, подъ которую легко было хмѣлѣть, и Кириллъ Безсоновъ облокотилъ затяжелѣвшую голову на руку. А Свербѣевъ все слушалъ, длинный его носъ колыхался въ тактъ, и онъ сказалъ, наконецъ, и покрутилъ головой.

— Ахъ, сволочи, до чего хорошо поютъ!.. Ну, такъ слушай, Кирюшка, о главномъ. Можешь ты Таню въ два счета заполучить, если приналяжешь. Никакого счастья у Татьяны съ Челищевымъ, конечно, нѣтъ, а такъ игра одна и голубиный бредъ... Понялъ? И если по-серьезному примешься, можешь въ большихъ дуракахъ оставить Челищева... А ко всему этому долженъ ты знать, Кириллъ, что у профессора Челищева денегъ до чорта... онъ за два изобрѣтенія получилъ, да въ пяти комиссіяхъ засѣдаетъ, да лекціи въ институтѣ. Стѣсняться съ нимъ нечего!

Но тутъ снова запѣла Настя Воробьева, опять зарокотала гитара, и прежняя худая цыганка, такъ же безучастно шевеля плечами, одними плечами, страшно мелко, точно въ приступѣ маляріи, пошла навстрѣчу цыгану съ гитарой, который съ такимъ любострастіемъ бередилъ и щипалъ струны, словно развращалъ малолѣтнюю. И все покрывалось той же гортанной и упоительной тоской. Безсоновъ послушалъ пѣсню, уронилъ свою золотую голову, и Таня представилась ему необычайно желанной, можетъ быть, именно потому, что теперь, послѣ разсказа о ней Свербѣева, становилась она какъ-то доступнѣй, ибо была съ ней связана уже нѣкая тайна.

Они просидѣли въ пивной еще часа два, пока густо не утонула она въ дыму и въ человѣческихъ

испареніяхъ, и вышли на ту же промозглую и туманную улицу, не показавшуюся имъ угрюмой. Они отошли отъ пивной, остановились у фонаря, надъ которымъ мошкарой кружился мельчайшій дождь, и Свербѣевъ сказалъ:

— Такъ вотъ, значитъ, завтра, въ воскресенье, приходи ко мнѣ часовъ въ пять. Тутъ мы всѣ дѣла и обдумаемъ. А можетъ, подойдетъ Татьяна.

И Безсоновъ горячо и немедля отвѣтилъ:

— Приду обязательно.

Здѣсь, подъ фонаремъ, они простились, Свербѣева сразу всосалъ туманъ, а Кириллъ Безсоновъ съ тѣмъ же все безпричиннымъ и тоскующимъ ликованіемъ побрелъ назадъ, въ сырь и дождь, сѣтями несомый предзимнею сутолкой.

II

Восемь дней валила метель, забѣлила городъ тишиной и смиренностью, а потомъ, когда грянула оттепель, занавѣсило сплошнымъ ливнемъ, закисѣлило улицы, размяло, замызгало, и всталъ городъ во всей своей первоначальной основѣ — въ грѣхѣ, человѣческомъ паскудствѣ и угрозахъ недобрыхъ дѣлъ. Въ такіе дни, съ бычьими желтыми и налитыми кровью глазами закругляютъ трамваи скучный полукругъ городского своего странствія, гигантской отсырѣвшею саламандрой извивается у остановокъ толпа, шмыгаютъ черезъ колдобины улицъ одиночки мужчины съ повязанными шарфами горлами, да изъ пивной, вмѣстѣ съ паромъ и солодовой изжогой ударитъ хоръ подъ бубенчики и совсѣмъ занесшуюся лихую гармошку.

Кириллъ Безсоновъ вышелъ изъ общежитія въ воскресенье подъ вечеръ. Весь день онъ вычерчивалъ для зачета схему перекиднаго моста, и весь день изъ всѣхъ этихъ цифръ, расчетовъ консоли и параболическихъ фермъ возникало нѣчто ужасно туманящее, отъ

чего разлетались цифры воробьиной стайкой, — задумчивое и по-дѣтски серьезное, съ непобѣдимо-синими и густыми глазами, со стриженымъ кружкомъ мальчишескихъ коричневатыхъ волосъ. Отъ того, что сказалъ ему вчера о Танѣ Свербѣевъ, стала она не дальше, не враждебнѣе, а именно ближе, хотя почему, собственно, онъ не ужаснулся всему, а принялъ все это какъ нѣчто совсѣмъ обычное, могъ врядъ ли онъ себѣ объяснить. Можетъ быть, потому, что изъ безплотной и воображаемой, словно приснившейся однажды, стала Таня понятнѣе, грѣховнѣе и по-человѣчески зримой. Впрочемъ, все это приходило весь день такими обрывками и клочками, такъ затемнялось чертежами и цифрами, и такъ, въ свою очередь, затемняло эти цифры и чертежи, что къ вечеру, вовсе запутавшись въ этомъ, онъ съ наслажденіемъ окунулся въ туманъ.

Онъ долго и не спѣша шелъ по улицамъ и дышалъ холодной сыростью, постепенно вывѣтривавшей всю дневную его душевную кутерьму.

Съ горькой и зыбкой нѣжностью онъ думалъ, что сегодня, можетъ быть, снова увидитъ Таню, и онъ думалъ еще о томъ, что хорошо такъ, въ городской и тѣсной неволѣ, создать свою единственную мечту. Онъ прошелъ много улицъ и вышелъ наконецъ на Тверскую. Много народа, несмотря на туманъ и хлябь, шло по Тверской въ этотъ часъ. Черные проворные такси съ клейкимъ клеенчатымъ хлюпомъ проносились мимо, парочки уѣзжали въ заваленный мозглотою Петровскій паркъ, и тѣсная праздничная толпа приникала къ желтымъ освѣщеннымъ витринамъ съ картинками кинематографической фильмы; около фонарей и витринъ кружилась сырость, падавшая съ небесъ, а дальше была сизая туманная полутьма, въ которой безполезно осенними лунами набухали фонари. Изрѣдка изъ этой тьмы возникала свѣтящаяся доска съ краснымъ милицейскимъ жезломъ и надписью: „Осмотритесь по сторонамъ прежде, чѣмъ перейти улицу“, — но изъ тумана по сторонамъ такъ ревѣли и стонали гудки, что надо было перебѣгать поскорѣй безъ оглядки,

скача черезъ лужи. У Страстного, возлѣ павильона для ожиданія, въ подземелье котораго торопливо ныряли мужчины, а другіе, застегиваясь на-ходу, съ достоинствомъ поднимались навстрѣчу, — возлѣ павильона густо гуляли простуженныя женщины въ платочкахъ и шляпкахъ и напѣвали очень независимо, а на афишныхъ тумбахъ стая крокодиловъ терзала въ водѣ пожилого мужчину,элегически нырявшаго между нихъ.

Кириллъ Безсоновъ перешелъ площадь, миновалъ угрюмаго и безголоваго Пушкина и пошелъ вдоль бульвара, у боковыхъ проходовъ на который воспаленно наяривались и мигали косо-срѣзанныя красныя стекла, угрожающія трамваемъ. Свербѣевъ жилъ на Малой Бронной, въ одномъ изъ тупичковъ, гдѣ издавна селилась студенческая безбытная братія. Мѣнялись времена, умирали студенческія хозяйки, уплотнялись квартиры, а студенческія логова оставались тѣми же, съ той же керосинкою на окнѣ и видѣніями студенческихъ голодныхъ мечтаній. И тутъ, въ переулкахъ, гдѣ была уже совсѣмъ арктическая темнота, Безсоновъ провѣрилъ въ себѣ окончательно то, что дикой кутерьмой бушевало въ немъ со вчерашняго вечера. Дѣло было, конечно, не въ Танѣ и не въ нѣсколькихъ съ нею встрѣчахъ, когда они не сказали другъ другу ни слова, а въ томъ, что онъ, Кириллъ Безсоновъ, жадно тосковалъ въ этомъ городѣ по человѣческой душѣ. Онъ затосковалъ еще съ первыхъ мѣсяцевъ своего одиночества здѣсь, и, конечно, рано или поздно нужно было вообразить про кого то, что это и есть та самая осуществленная городская мечта. Такъ случилось съ Таней, Таня поразила его, она была непохожа на тѣхъ занятыхъ товарокъ, полуженщинъ полумужчинъ, небрежныхъ въ обращеніи, а зачастую въ одеждѣ и даже любви. Въ ней была цѣломудренная опрятность, большое женственное, очень хрупко и поэтому плѣнительно смотрѣвшее изъ дѣтскаго облика, синихъ глазъ и маленькаго серьезнаго рта. И теперь, когда онъ узналъ о ней нѣчто, совершенно не вязавшееся съ этимъ ея обликомъ, — нѣчто, что должно было бы его ужаснуть и отвратить отъ нея, онъ съ

удивленіемъ въ себѣ обнаружилъ, что это его нисколько не ужаснуло и не отвратило, а только какъ-то горячѣе, и поэтому страшнѣе въ грѣховной своей пламенности приблизило къ ней. Онъ подумалъ о томъ, что, можетъ быть, сейчасъ увидитъ ее, заволновался и ускорилъ шаги.

Онъ вошелъ, наконецъ, въ подъѣздъ, сталъ подыматься по лѣстницѣ, на лѣстницѣ воняло мускусомъ кошекъ, и у дверей на третьемъ этажѣ, среди безчисленныхъ указаній, кому и какъ звонить, написано было, что звонить Свербѣеву коротко восемь разъ. Онъ восемь разъ нажалъ порыжевшую кнопку, за дверью противно залаяла какая-то мелкотравчатая собаченка, и Свербѣевъ, спустя минуту, открылъ ему дверь.

— А, Кириллъ . . . какъ разъ про тебя говорили, — онъ провелъ его мимо кухни, словно въ сумрачной лабораторіи алхимиковъ, въ ней шипѣло и гудѣло съ десятокъ примусовъ, въ коридорѣ стояли шкафы и корзинки, и Свербѣевъ привелъ его въ самый тупикъ. Комнатешка Свербѣева была кегельбаномъ въ длину, и въ комнатѣ на кровати, по-мужски нога на ногу, сидѣла женщина и курила. Женщина быстро посмотрѣла на Безсонова, глаза у нея были сѣровато-размытые и чѣмъ-то безстыдные; она была по бабьему корепаста и скорѣе красива, если бъ не грубость чертъ.

— Вѣра Никольская, — сказала она голосомъ чрезвычайно низкимъ, похожимъ на баритонъ, — а вы и есть Безсоновъ? Только что говорили о васъ.

Смутившись, поспѣшилъ Безсоновъ забраться въ ущелье между диваномъ и шкафомъ.

— Ты Вѣрочки не бойся, — Свербѣевъ сказалъ очень вразумительно, — хорошій товарищъ и тоже студентка, только по другому цеху, художница.

И Кириллъ Безсоновъ увидѣлъ, что Вѣра Никольская продолжаетъ смотрѣть на него тѣмъ же размытымъ и необъяснимо примѣрчивымъ взглядомъ.

— Да постой, куда ты въ уголъ забрался? . . Выѣзжай-ка братъ, — и Свербѣевъ за ногу вмѣстѣ со стуломъ выдвинулъ на середину его. — Вотъ это и

есть тотъ самый золотой паренекъ, о которомъ я тебѣ говорилъ, Вѣрка, — сказалъ онъ еще. — Хоть бы ты его человѣкомъ сдѣлала. Своди его, что ли, къ поэтамъ . . . благо онъ стихами, кажется, промышляетъ.

— Вы и стихи пишете? — спросила Вѣра Никольская густо, — вотъ это отлично, — хотя что было отличнаго въ этомъ, такъ и не пояснила она.

Отъ всей этой странной встрѣчи Безсоновъ сразу затихъ, — впрочемъ, уже часъ спустя онъ освоился, женщина говорила просто и грубовато, да и вся она была грубовато-сколоченной, сбитой изъ подстриженыхъ своихъ жестковатыхъ волосъ той неопредѣленной окраски, которая ни свѣтла, ни рыжа, хриповатости, мужской манеры сидѣть и курить, а въ общемъ, красивая крѣпкая баба, съ которой обойтись ежели круто по-мужски, то можно подъ этой всей хриповатостью и мужскою повадкой извлечь горячее бабье нутро.

— Надо тебѣ прежде всего узнать городъ, какой онъ есть, — сказалъ Свербѣевъ еще, — а для этого дѣла лучше Вѣрки тебѣ никого не найти. Она всѣ ходы и дыры знаетъ, хочешь къ поэтамъ, хочешь къ актерамъ, — все это надо увидѣть тебѣ, Кириллъ, не думай ты, пожалуйста, что вся Москва на Бахметьевской, и самое что ни на есть главное — это расчеты мостовъ . . . Это, братъ, вздоръ! Наука наукой, а жизнь жизнью. Я изъ твоего же добра исхожу . . . больше жизни увидишь, больше къ ней аппетиту получишь.

— Что жъ я готовъ, конечно . . . — отвѣтилъ Безсоновъ чуть растерянно, — послѣ зачета у меня время будетъ. А, конечно, любопытно Москву посмотрѣть, — и сейчасъ же онъ понялъ, что сказалъ очень по-провинціальному и фальшиво и опять замолчалъ, но тутъ снова вмѣшался Свербѣевъ, вновь завязалъ онъ узелокъ разговора, и дальше все пошло складно.

Свербѣевъ вскипятилъ чаю, они пили чай и толковали о разномъ, и женщина эта, говорившая просто

грубовато, перестала смущать. Она училась на плакатномъ отдѣленіи, дѣлала плакаты, и со всею своей толщинкой и хриповатостью стала она домашней побабьему, хоть и приникалъ иногда странный ея и безстыдный взглядъ къ Безсонову такъ вплотную, что вопреки его волѣ — ненужно, а скорѣе и жарко проливался въ него Въ общемъ, вышло такъ, что уговорились . они пойти вмѣстѣ на вечеръ къ поэтамъ и что Безсоновъ зайдетъ къ ней въ среду тутъ же на Бронной, поблизости. По мужски на прощанье тряхнула Вѣра Никольская руку, и Свербѣевъ проводилъ ее до дверей.

— Ты на Вѣрку смотри со вниманіемъ, — сказалъ онъ, вернувшись. — Эта баба съ понятіемъ . . . настоящая современная баба. Главное, горизонтъ у нея не бабій ... а я хочу, Кириллъ, чтобы ты человѣкомъ по-настоящему сдѣлался. Въ наше время человѣкомъ не быть, жизнь тебя не только обгонитъ, да еще въ колесо свернетъ. А у насъ дѣла могутъ развернуться невѣроятныя, братъ . . . если ты, конечно способнымъ окажешься. А я думаю, что окажешься, я тебя съ перваго раза почувствовалъ.

Свербѣевъ говорилъ и точно клевалъ его своимъ длиннымъ носомъ, и сейчасъ же сказалъ онъ о главномъ, острѣе всего толкнувшемъ Безсонова въ сердце.

— А я вѣдь тебя зачѣмъ нынче звалъ, Кириллъ... ничего ты о Свербѣевѣ по-настоящему не понимаешь! А все дѣло въ томъ, что придетъ сейчасъ сюда Татьяна Агурова . . . зайдетъ она на минутку, за книжкой, а тебѣ какъ разъ уходить въ это время, вотъ и выйдетъ, что увяжешься ты ее проводить.

И Безсоновъ почувствовалъ снова огромную дружбу и благодарность къ этому человѣку. Снова тотъ наполнялъ его жизнь страннымъ и взволнованнымъ безпокойствомъ, котораго самъ онъ боялся въ себѣ и котораго все же ожидалъ съ дичайшею жадностью, несмотря ни на что. И дальше этотъ вечеръ у Свербѣева поплылъ для него въ взволнованномъ и необыкновенномъ туманѣ. Таня Агурова, съ озяб-

шимъ милымъ лицомъ, показавшимся ему прекраснымъ, пришла сюда, въ это логово, она присѣла на край постели всего на минуту, одинъ только разъ взглянула она на него, но этотъ простенькій взглядъ глубоко его всколыхнулъ, и уже минуты спустя, не помня себя, онъ вышелъ съ ней вмѣстѣ на улицу.

— Вамъ направо или налѣво? — спросила она.

Онъ отвѣтилъ:

— Направо . . . — и сейчасъ же добавилъ, ужаснувшись своей неоправданной смѣлости: — То есть туда, куда и вамъ . . . я васъ провожу.

Таня ничего не отвѣтила, и они пошли вмѣстѣ. Угрюмая полутемная Бронная казалась великолѣпной и освѣщенной необычайно. Они прошли нѣсколько переулковъ и вышли на Патріаршіе пруды. Прудъ дымился, точно тамъ, въ разселинѣ города, работали какія-то дьявольскія паровыя машины; деревья пустынно обвисали надъ нимъ волосьями покинутыхъ дѣвъ. Таня Агурова пошла тише, они шли теперь рядомъ, и разъ на поворотѣ, при свѣтѣ фонаря, однимъ только глазкомъ взглянула она на него — очень грустно и выжидательно, какъ ему показалось. Кириллъ Безсоновъ снялъ кепку, и такъ дальше онъ шелъ съ непокрытою головой Она опять искоса поглядѣла на него грустнымъ и милымъ взглядомъ и сказала:

— Надѣньте . . . простудитесь.

Но онъ не надѣвалъ кепки, золотые лучики фонарей пронзали сизый туманъ, они свѣтились необычайно, и Кириллъ Безсоновъ проговорилъ, глядя на этотъ лучистый, и золотой и мучительный свѣтъ:

— Мнѣ Свербѣевъ сказалъ, что вы сегодня зайдете . . . пустое вѣдь дѣло какъ будто — зашли и ушли, и я вмѣстѣ съ вами иду, и вы со мной ни о чемъ даже не говорите, словно меня и нѣтъ. А я надняхъ думалъ, можетъ случиться, что вотъ если пришлось бы когда-нибудь проводить васъ домой . . . — и засмѣялся.

— Вы совсѣмъ меня вѣдь не знаете, — она сказала и какъ бы нахмурилась, но онъ отвѣтилъ ей искренно, какъ могъ и умѣлъ.

— А развѣ надо обязательно знать, чтобы радоваться человѣку? . . Я вамъ съ перваго раза обрадовался, хотя и ни полслова мы не сказали другъ другу.

Она выслушала все это и ничего не отвѣтила. Они прошли еще нѣсколько переулковъ, и въ тупичкѣ, у маленькой пузатой церковки, Таня сказала коротко: — Мнѣ сюда, — но въ этотъ мигъ показалось ему, что хотѣла она сказать нѣчто бо̀льшее. — И она ушла.

Онъ остался одинъ у маленькой черной парадной, легкое пожатіе еще лежало въ его рукѣ, и словно хранила ладонь милый и ускользающій запахъ. Съ сердцемъ, полнымъ мучительнаго тепла и жалости, какихъ никогда онъ въ себѣ не зналъ (съ такими же точно, развѣ, какія испыталъ онъ однажды, въ мальчишествѣ, къ дѣвочкѣ Варенькѣ), ушелъ Безсоновъ отсюда. Онъ шелъ по Садовой, бо̀льшой туманной рѣкой плыла Садовая, но въ этой пустынѣ уже не чувствовалъ онъ всецѣлаго своего одиночества.

И, можетъ быть, потому, что это — только придуманная имъ мечта, было все это и щемяще и пронзительно, какъ никогда.

III

Кириллъ Безсоновъ, еще съ сиротскихъ мальчишескихъ лѣтъ, зналъ одно для себя — сокрытое ото всѣхъ прибѣжище. Простая рябая дѣвка, напѣвавшая нѣсни въ его сиротскіе годы, заронила въ него тоску по пѣсенному и тайному складу, когда обычныя и простыя слова слагаются въ неповторимыя сочетанія. Онъ писалъ стихи тайно, для себя, и самое сокровенное въ жизни его — были именно эти тетради, куда забирался онъ въ горькіе и одинокіе для себя часы.

Въ маленькомъ городкѣ, гдѣ онъ родился и росъ, въ прирѣчномъ городкѣ, какихъ множество на Руси, мало кто зналъ горькую и блаженную эту отраву, — и первыхъ людей, засѣявшихъ въ немъ пѣсенную тоску и мечту о человѣческомъ словѣ, запомнилъ онъ, какъ первыхъ своихъ водителей по жизни.

Въ этомъ городкѣ родился онъ въ ту невеселую пору, когда трудно прощалась съ землей талая сырая зима. Былъ, навѣрное, коричневый снѣгъ, какъ всегда въ эту таль, и пахло постомъ и великой весенней прирѣчною грустью. Онъ родился въ родильномъ томъ охровомъ домѣ, въ которомъ погубили его мать и откуда холоднымъ мартовскимъ утромъ везъ его отецъ, держа неумѣло въ рукахъ пестрый узелъ. Въ этомъ узлѣ было то, что оставила ему на прощанье жена, загубленная въ охровомъ домѣ казеннымъ равнодушіемъ къ чужой жизни. И этотъ первый и утренній путь изъ роднльнаго дома и всю спеленутую свою и начальную жизнь запомнилъ Кириллъ изъ разсказовъ отца такъ же, какъ если бы самъ наблюдалъ ее со стороны. Вѣроятно, многое было и не такъ, многое въ дальнѣйшемъ восполнилось мальчишескимъ воображеніемъ, — но первая сызмала грусть по женщинѣ, по матери, которую ему не пришлось узнать, — можетъ быть, и запѣла въ немъ эта грусть первыми пѣвучими строчками.

Отецъ везъ его въ одѣялѣ на старомъ извозчикѣ, улицы внизъ подъ взгорье коричнево были примаслены, какъ всегда въ постъ, навозъ рыжѣлъ, и мальчишки на площади уже продавали подснѣжники. Отецъ молчалъ всю дорогу, его опустѣвшіе глаза были какъ птичьи клѣтки, откуда вылетѣли живыя теплопухія хлопотуньи, и теперь все было смѣшано, кормъ разсыпанъ, и птичій пухъ долго бившихся птицъ лежалъ на рѣшетчатомъ донцѣ. Рѣка подъ мостомъ была въ полыньяхъ, у полыней сидѣли вороны, и бабы у берега полоскали бѣлье въ ледяной водѣ. Извозчикъ долго везъ черезъ городъ, лошадь дымилась, да отецъ и не торопилъ его. Дома, въ пустой неприбранной комнатѣ третьяго этажа, глядѣвшей окнами въ пустын-

ность сѣверныхъ невеселыхъ небесъ, онъ положилъ узелъ на кровать и раскуталъ: живъ ли сынъ и не задохнулся ли въ одѣялѣ? Нѣтъ, онъ былъ живъ, маленькое коричневое существо, у котораго были уже ногти на пальцахъ, тонкіе волосики на вискахъ и пупочекъ, перевязанный ниточкой. Тогда отецъ сталъ возлѣ него на колѣни и затрубилъ ржавымъ голосомъ, которымъ трубятъ мужчины, не умѣющіе рыдать. Стоя возлѣ постели, онъ облилъ коричневую ножку сына слезами, тотъ проснулся, хныкнулъ и тоненько залился въ отвѣтъ. Это былъ неслыханный здѣсь, въ холодной, по мужскому неприбранной комнатѣ, голосъ человѣка, принесеннаго кровью и женской судьбою въ подарокъ этой талой туманной землѣ, и отецъ поднялся вдругъ во весь ростъ, лохматый, черный, сутулый; онъ дико глядѣлъ на сына, помоталъ головой и сказалъ страшнымъ растрепаннымъ голосомъ:

— Не погублю, нѣтъ! Не погублю сына.

И въ этотъ часъ въ пустой зарѣчной квартирѣ возникла лютая мужская воля, лютая воля къ жизни, онъ свезъ черезъ день жену на монастырское кладбище, въ сумерки онъ вернулся домой, его рабочія тяжелыя руки были безсильно разжаты и въ красной бахромѣ были глаза. Такъ остались они вдвоемъ на землѣ — отецъ и сынъ, которому далъ онъ уже имя — Кириллъ, — и горькіе вѣтры весны пустынно носились надъ городомъ и грохотали желѣзомъ. Въ этотъ вечеръ разсказывалъ много отецъ о своихъ невеселыхъ дняхъ, онъ наливалъ изъ бутылки въ стаканъ, выпивалъ и нюхалъ корочку хлѣба, и круглый его кадыкъ ходилъ взадъ и впередъ. Кириллъ лежалъ сытый и серьезный, его кормила сосѣдка Арина Ивановна большой желтой грудью съ коричневымъ соскомъ, и у него былъ молочный братъ, который тоже сосалъ такую же длинную другую ея грудь. Онъ лежалъ и слушалъ отца, говорилъ тотъ о жизни и щурился, разглядывая стаканчикъ на свѣтъ.

— Ты, Кирилка, дурашка, а я вотъ тебѣ разскажу, что значитъ рабочая кровь . . . рабочая кровь —

значитъ, не поддавайся никакой ты бѣдѣ, потому что, если поддастся бѣдѣ рабочій человѣкъ, кому же будетъ тогда онъ нуженъ! Нѣтъ, рабочему человѣку полагается работать, пока не сотрется нарѣзка, а какъ стерлась нарѣзка — спѣта рабочая пѣсенка и уступай свое мѣсто другому.

Онъ поднималъ стаканчикъ и принимался пѣть страшнымъ спаленнымъ голосомъ тихую пѣсню, но ничего у него не выходило изъ пѣсенки, тогда клалъ онъ голову на руки и такъ засыпалъ. Кирилла кормила лѣвой грудью сосѣдка Арина Ивановна: онъ былъ по счету тринадцатый, котораго она кормила, и была у нея къ нему сучья жалость, какъ къ слѣпому щенку. Думала она то же, какъ и всѣ, что лучше бы безъ матери ему помереть, но онъ разѣвалъ ротъ, онъ хотѣлъ ѣсть, въ немъ была уже первородная жажда жизни, и чужое теплое молоко стало ему материнскимъ. Онъ былъ некрасивъ, заморенъ, головастъ и жаденъ, объѣдалъ своего молочнаго брата, и женщина отнимала у него грудь и говорила: — Не насытишься, жадина . . . и жизнь то тебѣ не въ жизнь, а сосешь, торопишься, скажи пожалуйста. — Она была добрая женщина, она дала ему первые соки жизни, и никогда онъ не могъ вспомянуть ее худымъ.

Утромъ отецъ уходилъ на заводъ. Заводъ сыро ревѣлъ на разсвѣтѣ, у него была сырая желѣзная глотка, и Кириллъ оставался одинъ въ пустой заѣчной квартирѣ. Онъ привыкалъ къ одиночеству. Онъ былъ покоренъ и зналъ сроки. Арина Ивановна приходила перестелить или сунуть ему въ ротъ свой длинный и благословенный сосокъ. Потомъ она отняла его отъ груди, молочному брату больше надо было жить, чѣмъ ему, онъ поболѣлъ животомъ и сталъ пить всякое молоко, лишь бы давали. Кириллъ рано выползъ изъ теплаго своего тряпья, вѣроятно, была въ немъ сиротская эта живучесть, онъ ползалъ по полу, на который спускала его Арина Ивановна, тогда поднималъ его отецъ, возвращаясь, какъ кутенка, дулъ его глаза, онъ морщился и мигалъ, онъ былъ очень жалокъ и некрасивъ, но казался отцу прекраснымъ; онъ дулъ

ему въ глаза и не могъ на него насмотрѣться, у него росъ сынъ, его смѣна, сынъ остался жить, и сыну нужна была мать.

— Мамка тебѣ нужна, Кириллъ, обязательно мамка . . . безъ мамки не вырастить.

Онъ женился черезъ годъ на сырой неопрятной женщинѣ, чулочницѣ съ сосѣдняго двора. Она вползла сюда со своей пряжей, мотками и спицами, она наполнила комнату запахомъ сырости и сразу не взлюбила пасынка: она была бездѣтна и любила покой, и какая могла быть у нея охота возиться съ чужимъ зеленолицымъ дитемъ?

Кириллъ росъ быстро, сиротскіе годы идутъ проворно, нѣкому любоваться и нѣкому пестовать, онъ научился самоукомъ ходить, и четыре его дѣтскихъ года легли на плечи десятилѣтіемъ. Вечерами втрѣчалъ онъ отца на лѣстницѣ, возлѣ окна, откуда видна рѣка въ дыму и полыньяхъ. Онъ зналъ это предвечернее время, когда возвращался отецъ, онъ выходилъ незамѣтно на лѣстницу, ждалъ его тамъ у окна и обнималъ его длинныя ноги. Тогда отецъ поднималъ его на руки, онъ цѣловалъ его въ дѣтскій затылочекъ, онъ говорилъ: — Сынушка мой, — такимъ щемящимъ голосомъ, что слезы начинали катиться у нихъ обоихъ, онъ несъ его наверхъ, тѣсно прижавъ къ себѣ, и только въ эти минуты знали они, что принадлежатъ безраздѣльно другъ другу.

Въ другое время отецъ не ласкалъ его, онъ былъ хмуръ, озабоченъ, и новая жена медленно поворачивалась въ комнатѣ, она была тучна и мало-подвижна, и потерянной мечты не искалъ въ ней отецъ.

Шести лѣтъ Кириллъ узналъ страшное дѣло человѣческаго грѣха. Странный человѣкъ пришелъ разъ къ мачехѣ. Онъ былъ высокъ, узкоголовъ, съ длинными красными губами: онъ былъ кожевенникъ съ сосѣдняго двора. Отъ него пахло сыромятью, и красныя губы его сразу стали непріятны Кириллу. Кожевенникъ сказалъ:

— Ого, мальчонка какъ выросъ! . . живуча дѣтва, что ни говори.

На мачехѣ была новая шаль въ розовыхъ цвѣтахъ, она съ утра напомадила голову, и къ чаю принесъ кожевенникъ большіе желтые бублики. Кириллу тоже дали бубликъ, онъ былъ всегда голоденъ и прожорливъ, онъ сѣлъ на лѣстницѣ на окно и грызъ прохладныя зернышки тмина. Доѣвъ этотъ бубликъ, ушелъ онъ смотрѣть, какъ ломается ледъ и трогается рѣка. Сырые пронзительные вѣтри дули; ночью ломало ледъ, и теперь тяжелыя глыбы сдвигались, онѣ трещали и осыпались стекломъ, и это была первая запѣвка весны. Онъ долго стоялъ и смотрѣлъ на рѣку; множество бродило тутъ мальчишекъ, — онъ ни съ кѣмъ не дружилъ; вечерѣло. Онъ сильно продрогъ и сталъ возвращаться домой. Онъ поднялся по лѣстницѣ наверхъ, открылъ обитую дверь, и тутъ увидѣлъ онъ нѣчто столь страшное, что едва не закричалъ во весь голосъ. Кожевенникъ душилъ мачеху на постели, онъ былъ неистовъ, и Кириллъ вдругъ услышалъ, что она смѣется и стонетъ, голова ея была откинута въ сторону, и закаченные глаза не видали его. Былъ ли это первый инстинктъ жизни, первородное таинство, которое бродитъ въ крови, — онъ не крикнулъ, онъ медленно отступилъ и вышелъ на лѣстницу; сердце его застывало, ничего онъ не понялъ, но зналъ, что мачеха поступила безстыдно, что кожевенникъ съ красными губами — недругъ отца, плечи его содрогнулись, и онъ заплакалъ. Онъ плакалъ, не зная о чемъ, но онъ зналъ, что мачеха все осквернила, что въ комнатѣ случилось, — было страшное и недоброе дѣло, и онъ задыхался отъ тоски, которой прежде не зналъ. Эту свою тоску, первую и терпкую, какъ полынь, Кириллъ Безсоновъ запомнилъ на всю дальнѣйшую жизнь.

Онъ сидѣлъ въ темнотѣ на окнѣ и видѣлъ, какъ вышелъ кожевенникъ и спустился внизъ неспѣша. Онъ закурилъ на площадкѣ, и Кириллъ увидѣлъ еще его вывернутыя красныя губы и рѣдкіе ехидные зубы. Что могъ разсказать онъ отцу? Что онъ зналъ? Зналъ онъ только, что его обидѣлъ кожевенникъ, — и здѣсь, въ темнотѣ, дождавшись возвращенія отца, онъ

обнялъ его длинныя ноги. Лицомъ у его лица, рыдая отъ тоски и обиды, онъ разсказалъ ему про все, что увидѣлъ. Отецъ слушалъ его, лица его не было видно. Наконецъ, дослушавъ его до конца, онъ взялъ его за руку и отвелъ къ сосѣдкѣ Аринѣ Ивановнѣ.

— Ничего не долженъ знать малецъ, — сказалъ онъ Аринѣ Ивановнѣ и ушелъ; онъ обѣщалъ вернуться за нимъ. Арина Ивановна дала ему кусокъ пирога съ морковью. Они сидѣли вдвоемъ — Кириллъ и молочный его братъ Валеріанъ — грызли хрусткую корочку и болтали ногами; они были — дѣти; имъ шелъ седьмой годъ. Отецъ вернулся не скоро. Лицо его было страшно и сине, онъ взялъ сына за руку и повелъ за собой. Въ комнатѣ пахло уксусомъ. Мачеха по глаза была повязана платкомъ; съ запухшей нижней губой, она завязывала въ узелъ какія то вещи и не поднимала глазъ, округлыхъ по-кошачьему прежде. На утро снесъ отецъ ея вещи внизъ, она опять перебиралась къ себѣ, въ сосѣдній дворъ, — и снова они оставались вдвоемъ въ большой комнатѣ. Рыжее весеннее солнце было пушисто; за ночь ледъ прошелъ, теперь неслись по рѣкѣ рѣдкія льдины, скучиваясь въ затонѣ. Холодомъ и весной лились ручьи. Кириллъ ничего не спросилъ отца, куда ушла мачеха. Они были снова одни.

Отецъ завернулъ въ узелокъ хлѣба, яицъ и соли, онъ надѣлъ на него новую шапку, и они пошли за руку въ городъ. Тутъ во второй разъ въ жизни повезъ его отецъ на извозчикѣ. Чьи то бѣлые спугнутые голуби висѣли въ небѣ сиреневой кистью; въ черныхъ шапкахъ гнѣздъ въ прирѣчныхъ садахъ кричали грачи. Извозчикъ не торопился, лошадь его была словно рѣпей, бѣжала она неспѣша, развѣсивъ уши. Они долго шли сырымъ кладбищемъ, у самой стѣны лежала мать. Бѣлый крестъ былъ надъ нею; у могилы стояла вода. Отецъ снялъ шапку, онъ сталъ у могилы, прямо на мокрую глину, и Кириллъ тоже сталъ рядомъ съ нимъ у могилы. Здѣсь лежала та, которая дала ему жизнь, далеко пѣли весенніе пѣтухи. Онъ зналъ, что надо очень грустить и пла-

кать, но была весна, и бѣлый ангелъ стоялъ на сосѣдней могилѣ; онъ смотрѣлъ на ангела и думалъ, какъ тяжело тому махать такими огромными крыльями, навѣрное, летаетъ онъ, какъ аистъ, и клалъ за отцомъ поклоны. Онъ думалъ еще о томъ, что ушла мачеха, теперь можно снова бѣгать по комнатѣ, строить изъ стульевъ крѣпость и водить послюненнымъ пальцемъ по стекламъ оконъ такъ, чтобы они визжали. Наконецъ, поднялся отецъ, поднялся и онъ. Они сѣли рядомъ на скамейку. Отецъ сказалъ:

— Нѣтъ, Кирилка, матери тебѣ второй не найти, проживемъ какъ-нибудь и безъ бабы.

Они поѣли вмѣстѣ на свѣжемъ вѣтрѣ; никогда необычайно такъ вкусенъ не былъ хлѣбъ. Вслѣдъ за отцомъ поцѣловалъ Кириллъ холодную мокрую землю, покрывавшую мать, — и опять рука объ руку пошли онъ вмѣстѣ отсюда въ большую и уже весеннюю жизнь.

IV

Кириллъ Безсоновъ по этому первому кругу жизни навсегда запомнилъ людей, ставшихъ водителями мальчишескихъ его и удивительныхъ мечтаній. Однимъ изъ этихъ людей — была Катька-гулящая, первое существо, согрѣвшее человѣческой теплотой его одиночество. Катька-гулящая стояла разъ въ воротахъ, у нея были синіе добрые глаза, чуть раскосые, и толстыми пальцами придерживала она на груди платокъ. Она посмотрѣла на него и сказала:

— Да ты чей же, мальчонка? Ужели Безсонова? Да такъ и штанамъ недолго съ тебя упасть. Ахъ, сиротское твое дѣло!

Ему показалось, что это очень стыдно, если Катька гулящая жалѣетъ его, про Катьку говорили мальчишки, что взрослые съ нею днемъ не здороваются, и онъ сказалъ ей грубое слово. Но она все же пошла за нимъ, она зашила его тряпье, изъ котораго

онъ выпадалъ, она остановила на немъ свое бабье сердце, не нашедшее въ жизни пристанища, и то, что онъ былъ запущенъ, угрюмъ, патлатъ и одинокъ и никому не нуженъ, привязало ее къ нему. Она была тоже одинока и никому не нужна. Она коротала въ развратѣ и одинокости свой бабій бездѣтный вѣкъ, ея румяное лицо — не зналъ онъ еще тогда, что значитъ румяна — было въ милыхъ рябинкахъ, и это она приручила впервые его колючее и нелюдимое сердце. Она приходила въ полдень, отоспавшись послѣ ночи, когда начиналась ея трудовая работа, садилась напротивъ, складывала на животѣ толстыя руки и говорила:

— Начало жизни — бе словно... Понялъ, чучело? Бе слово — это значитъ, что каждый человѣкъ долженъ умѣть писать-читать. Писать не такъ важно, потому что письмо за тебя и другой напишетъ, — а вотъ, главное, книжки читать. Станетъ тебѣ грустно или забота сверебитъ сердце, и читаешь ты книжку про заморскую страну. Страна — голубая и люди голубые, и самъ то ты, чучело, голубымъ становишься. А голубому и жить легче.

Эту рябую, никому ненужную дѣвку запомнилъ онъ на своемъ пути, она приходила его обшивать, она мыла ему уши, заросшія коноплей, поучая великой вѣрѣ въ прекрасную жизнь, въ которой легко и вольно жить человѣку и въ которой поютъ люди пѣсни, и ни у кого нѣтъ такихъ ужасныхъ разодранныхъ штановъ, какъ у него, Кирилла Безсонова. Въ ночномъ ея бесшабашіи жила безмѣрная тоска по опрятности, у нея были проворныя спорыя руки бѣлошвейки, и она говорила, обшивая его.

Человѣкъ безъ чистоты, какъ часы безъ стекла. Пропустишь пыль — всѣ колеса разъѣстъ, какъ часы— сначала начнутъ отставать, а потомъ и вовсе станутъ.

Она зашивала его тряпье, выметала пыль въ комнатѣ и пѣла полевыя, невеселыя, деревенскія пѣсни, Кириллъ не сказалъ отцу, что ходитъ къ нимъ Катька-гулящая, зналъ онъ, что старшіе ея сторонятся, приходила поутру, убирала спокойно комнату, ей нужно

было убирать чье то жилье и о комъ то заботиться. Она научила Кирилла буквамъ и складамъ, она первая научила его той чудесной отравѣ, когда можно уйти отъ людей и обидъ, и ея бабьи руки, которымъ нужно было пестовать дитя и которыя несли въ міръ только ложь обольщенія, ея бабьи руки — единственныя руки, обласкавшія его сиротское одиночество.

Кириллъ Безсоновъ зналъ, что никогда не забудетъ того безчеловѣчнага дня, когда ушла изъ жизни эта его безкорыстная, многогрѣшная спутница. Она ушла такъ же просто, какъ пѣла свои полевыя пѣсни, и двойной флаконъ нашатырнаго спирта навсегда убаюкалъ ее. Чего она не приняла на землѣ, — какого позора иль неисправимой обиды? — была въ ней эта ширококостая рѣшимость, и бабьи спокойныя руки открыли пузырь съ нашатыремъ. За ней пріѣхала карета съ крестомъ на стѣнкѣ и съ колокольчикомъ, въ который звонилъ кучеръ, и на желтыхъ холщевыхъ носилкалъ увидѣлъ Кириллъ ея толстыя ноги въ незастегнутыхъ башмакахъ и рваную шубу, закрывшую горой распухшее тѣло. Она не вернулась въ домъ, снова онъ остался одинъ, но онъ зналъ уже голубую отраву мечты, и вмѣстѣ съ Бовой-королевичемъ на пестрой линючей обложкѣ помянулъ онъ недолгаго и рябаго мечтателя.

Иногда давалъ отецъ ему деньги, и на деньги эти покупалъ онъ книжки у Макара Макарыча въ его замѣчательной лавкѣ въ проломѣ воротъ. У Макаръ Макарыча боберъ воротника былъ рыжевытертъ колючимъ его подбородкомъ; на подбородкѣ росла сѣдая щетинка, и легкими своими свистѣлъ онъ замѣчательно тонко. Макару Макарычу было, навѣрное, тысяча лѣтъ; онъ сидѣлъ всегда посреди лавки въ огромномъ креслѣ съ высокой спинкой, передъ нимъ стоялъ чайникъ, и въ полутемной лавкѣ пахло сыростью книгъ, старинными переплетами и неизъяснимымъ запахомъ старой печатной бумаги. Макаръ Макарычъ потиралъ о боберъ колючимъ подбородкомъ, онъ говорилъ съ чайникомъ, и чайникъ былъ — вѣрнымъ его собесѣдникомъ.

— Книга — есть жемчужина жизни. Человѣкъ истлѣваетъ со всѣми своими грѣхами, книга же—вѣчна. Книга, покрытая плѣсенью, крѣпче вина. Всякій думаетъ, что дѣлаетъ великое дѣло жизни, а только то, что останется въ книгѣ, есть дѣйствительно великое дѣло, прочее же все — юдоль человѣческая.

Сначала Кириллъ боялся, когда начиналъ говорить со своимъ чайникомъ Макаръ Макарычъ, чайникъ дымилъ носикомъ, а потомъ онъ узналъ, что говоритъ Макаръ Макарычъ лишь съ тѣми, кто любитъ сырой и вѣчный запахъ его книгъ, — и здѣсь, въ полутемной лавченкѣ въ воротахъ, восполнилъ онъ голубыя мечтанія, которыя, какъ первое сѣмя, засѣяла въ немъ Катька-гулящая. Онъ полюбилъ сырую тишину этого міра, онъ лазилъ по шаткой стремянкѣ подъ самый потолокъ и, сидя на верхней ступенькѣ, сокрушался надъ судьбою печальной Эстелы и пламеннаго Мнеморина, твердя про себя обольстительныя и мало-понятныя строки:

Я вижу — слабый ульмъ безъ помощи растетъ,
Его колеблетъ вѣтеръ, вода изъ корня рветъ.
Упалъ, пріявъ покой въ награду.
Духъ мой, надѣюсь я, то жъ въ жизни обрѣтетъ.

Макаръ Макарычъ говорилъ ему снизу:

— Отыщи-ка, другъ, морскія похожденія адмирала Нахимова . . . прочти книгу объ адмиралѣ Нахимовѣ и ты узнаешь на что способенъ человѣкъ, который не дорожитъ своей жизнью ради судьбы родины. А знаешь ли ты, что означаютъ подобные люди?

Кириллъ сидѣлъ наверху и смотрѣлъ на желтый рѣпный кружокъ его лысины, подбитой жемчужнымъ ободкомъ волосъ.

— Подобные люди, — поднималъ костяной палецъ Макаръ Макарычъ къ его ногѣ, — означаютъ, что суть они—пузыри земли, по слову Шекспеара,— и легкое его по-птичьему продолжало свистѣть еще минуту.

Здѣсь, на перекладинахъ жидкой стремянки, восполнилъ Кириллъ свое одиночество, онъ былъ тихій де-

сятилѣтній книголюбъ и усердный слушатель, и Макаръ Макарычъ могъ говорить съ нимъ обо всемъ и свистѣть своими дырявыми легкими, сколько захочетъ. За три этихъ года множество книгъ прочелъ онъ въ лавкѣ Макара Макарыча, его не волновали уже судьба несчастной Эстеллы и морскія похожденія адмирала Нахимова, здѣсь прочелъ онъ „Сказку о рыбкѣ и рыбакѣ“ и „Кавказскаго плѣнника,“ и, отсюда, изъ проломныхъ воротъ, изъ сырой прекрасной темницы Макара Макарыча, открылся ему тотъ удивительный міръ, о которомъ мечтала въ своихъ рябоватыхъ мечтахъ несчастливая Катька-гуляющая.

Онъ пришелъ разъ къ Макару Макарычу въ золотѣющій полдень, рѣка голубѣла и дрожала на солнцѣ, и золотыми голубями носились въ синевѣ кресты прирѣчныхъ церквей. Въ лавкѣ была полутьма и прохлада, Макаръ Макарычъ сидѣлъ со своимъ чайникомъ и говорилъ ему неспѣша:

— Что есть богатство человѣка? Думалъ ли ты когда-нибудь объ этомъ, другъ?

Кириллъ влѣзъ на стремянку и сѣлъ на верхне перекладинкѣ.

— Богатство человѣка заключается въ томъ, чтобы не желать никакого богатства. Примѣромъ можетъ служить Мельхиседекъ . . . — Кириллъ досталъ съ верхней полки сырую книжечку барона Брамбеуса, — и Макаръ Макарычъ внизу продолжалъ:—Ты помнишь, что изрекъ прощаясь съ жизнью, сѣдой Мельхиседекъ? — какъ сказано у господина Боратынскаго. — Рабомъ родился человѣкъ, рабомъ въ могилу ляжетъ, и смерть ему едва ли скажетъ, зачѣмъ онъ шелъ долиной . . . — Тутъ легкія его стали свистѣть, они засвистѣли какъ-то пронзительно, дольше обыкновеннаго; они посвистали, и продолжать онъ не сталъ. Онъ сидѣлъ въ креслѣ и глядѣлъ на чайникъ. Кириллъ читалъ на стремянкѣ Брамбеуса. Они долго молчали; уже чайникъ пересталъ дымить носикомъ. Вдругъ дверь отворилась и вошелъ неизвѣстный человѣкъ въ картузѣ съ прямымъ козырькомъ. Онъ спросилъ Макара Макарыча:

— Есть у васъ алгебра?

Макаръ Макарычъ ему не отвѣтилъ: онъ спалъ. Тогда человѣкъ дернулъ его за рукавъ и снова спросилъ.

— Есть у васъ алгебра?

Кириллъ поднялъ было голову отъ книги, и внезапно человѣкъ внизу сказалъ какъ-то негромко и очень спокойно:

— А вѣдь старикъ-то померъ!

Тутъ снесло внизъ Кирилла, онъ увидѣлъ одинъ голубой глазокъ, глядѣвшій мимо, и ячменную желтизну щекъ Макара Макарыча . . . Такъ онъ и умеръ здѣсь, какъ сидѣлъ со своимъ чайникомъ, его учитель и другъ, и два дня спустя проводилъ онъ его напослѣдокъ. Мало народу провожало Макара Макарыча, а многихъ онъ просвѣтилъ, многіе стали студентами и даже профессорами, и никто не пришелъ его проводить. Золотѣла весна, первыя колючія стрѣлы выпускали кусты, тихо распушился городъ садами и грачи кружились надъ прошлогодними гнѣздами.

V

Въ эту весну Аринѣ Ивановнѣ привезли на побывку племянницу Вареньку. Кириллъ ее встрѣтилъ на лѣстницѣ спустя много дней, когда уже по-домашнему сбѣгала она съ ведромъ. Она была очень худа, тонконога, ей шелъ пятнадцатый годъ, но глаза у нея были во все лицо, и глазъ такихъ, навѣрное, не было ни у кого. Онъ посмотрѣлъ на нее и спросилъ:

— Вы — Варенька?

Она отвѣтила:

— Да.

Онъ сказалъ:

— А я — Кириллъ Безсоновъ.

Она смотрѣла на него удивленно. Тогда онъ сказалъ еще:

— Я, — Кириллъ, молочный братъ Валеріана.

Вдругъ она улыбнулась: навѣрное, онъ былъ смѣшонъ, картузъ былъ ему малъ, изъ-подъ него торчали золотые вихры. Все же онъ не убѣжалъ. Они стояли на лѣстницѣ и смотрѣли другъ на друга. Наконецъ, онъ снова сказалъ:

— Мнѣ четырнадцать лѣтъ, а вамъ сколько?

Она отвѣтила:

— Пятнадцатый.

Тогда пролился онъ ливнемъ:

— Валеріанъ не умѣетъ читать, онъ ничего не читалъ, а у меня много книгъ, и я всѣ ихъ прочелъ... а вы читаете книги?

Варенька любила читать книги, и они уговорились, что онъ тоже дастъ прочесть ей всѣ книги, какія есть у него. Съ этого дня началась его новая дружба. Аринѣ Ивановнѣ некого было посылать въ лавочку и некому было стирать бѣлье Валеріану. Варенька бѣгала въ лавочку, была за няньку для маленькихъ и стирала Валеріану бѣлье, у нея были проворныя руки, и она тоже была сирота.

За домомъ сейчасъ же теплѣлъ тишиною садикъ: онъ былъ зажатъ заборами, въ саду были дикія яблоньки, осенью обраставшія гусеничною паутиной, садикъ былъ дикъ и заброшенъ, никто не приходилъ сюда. Здѣсь можно было много думать, вспоминать Макара Макарыча и встрѣчаться съ Варенькой. Варенька прибѣгала сюда днемъ на полчасика, когда уходила Арина Ивановна изъ дому. Отъ нея пахло кухней, и березовыя стружки запутывались въ тонкихъ ея волосахъ. Онъ приносилъ сюда книги, здѣсь плечо-о-плечо прочли они „Сказку о рыбакѣ и рыбкѣ“ и читали они содрагаясь, „Князя Серебрянаго“, а надъ ними лился сквозь гусеничную паутину горячій полдень, и тихо золотѣла щека Вареньки, какъ нѣжное осеннее яблоко. Много замѣчательныхъ книгъ прочли они съ Варенькой въ это лѣто, черезъ годъ отецъ отдавалъ учиться на заводъ, и Кириллъ дочитывалъ послѣднія книги своей мальчишеской вольной жизни. И здѣсь, въ саду, впервые случилось такъ, что стало вдругъ зъ ихъ жизни все, какъ бываетъ лишь въ книгахъ, — и знали

ли они, что отсюда, изъ ихъ полудѣтскихъ встрѣчъ, изъ сказокъ о Балдѣ и о рыбкѣ протянется черезъ всю жизнь первая горечь и первая горьчайшая тоска встревоженнаго сердца?

На яблонькахъ завязался дичокъ, лѣто надломилось, и костяною пуговицей пришитъ надъ садомъ былъ мѣсяцъ. Днемъ разъ не пришла сюда Варенька, онъ тщетно прождалъ ее съ книгой, и вечеромъ пришелъ онъ сюда вторично подумать и погрустить. Прохладно пахнулъ табакъ въ сосѣднемъ саду. Кириллъ сидѣлъ на скамейкѣ и думалъ, отчего не пришла Варенька днемъ — навѣрное, весь день не пускала ее Арина Ивановна; глупая такса Мирка лаяла у воротъ. И вдругъ увидѣлъ онъ, что идетъ сюда Варенька, шла она тихо, она не думала, что встрѣтитъ его и сѣла рядомъ молча. Онъ спросилъ ее горько:

— Варенька, отчего не пришла ты днемъ?

Тогда худенькія ея плечи вздрогнули, и внезапно она разразилась, она плакала и зажимала лицо ладонями, и ужасъ жалости и отчаянія сокрушительно сдавилъ его сердце. Онъ хваталъ ее за мокрыя руки, она отнимала ихъ, сквозь слезы они говорили другъ другу словами печали и радости, и въ этотъ вечеръ поклялись они, что никогда не забудутъ одинъ другого. Потомъ сидѣли оба съ мокрыми щеками, плечо къ плечу, и Варенька говорила ему:

— Я тоже тебя люблю. Я всегда буду читать вмѣстѣ съ тобою книги. Тетенька уѣзжаетъ въ Казань, я должна ѣхать съ нею. Если бъ ты былъ большой, ты бы женился на мнѣ . . . я все бы для тебя дѣлала, мы вмѣстѣ читали бы и жили бы вмѣстѣ...

Онъ говорилъ ей, что въ будущемъ году поступаетъ въ ученье на заводъ, все равно онъ никого никогда не будетъ больше любить, она подождетъ его только четыре года, а восемнадцати лѣтъ мужчины могутъ жениться, тогда онъ пріѣдетъ за нею въ Казань и возьметъ ее съ собой навсегда. Полосы слезъ застыли на ихъ щекахъ, сердце его ломилось отъ счастья и невыразимой боли, и хрупкій осенній мѣсяцъ лился надъ ними смуглымъ желтѣющимъ свѣтомъ.

Въ эту осень снялась Арина Ивановна со всѣми своими сундуками, перинами и птичьими клѣтками, она уѣзжала въ Казань, и въ птичьей клѣткѣ она увозила съ собой его залетную сиротскую птицу.

Варенька уѣхала, она заронила въ него первую взрослую тоску, и книги не утѣшали его. Онъ думалъ о томъ, какъ за Варенькой пріѣдетъ въ Казань, какъ будутъ они всегда вмѣстѣ, и восхитительныя сновидѣнія смѣняли меркнущій день.

Въ квартиру Арины Ивановны пріѣхали новые люди — хозяинъ бондарной мастерской съ женой; они были безъдѣтны, много шкафовъ и пустыхъ комодовъ втащили по лѣстницѣ къ нимъ. Бондарь былъ маленькій, рыже-багровый, въ люстриновомъ пиджачкѣ; утромъ уходилъ онъ въ свое завѣденіе, и дома оставалась жена. Она пѣла высокимъ голосомъ пѣсни и скучала у окна. Она была высока, бѣлолица, и малиновка въ алой жилеткѣ подпѣвала ей и сыпала ей на проборъ конопляныя зерна. Въ сосѣднемъ дворѣ, въ трепальномъ завѣденіи, Кириллъ видѣлъ часто, какъ въ длинныхъ пыльныхъ сараяхъ треплютъ пеньку трепачи; трепачи выбивали пеньку, работницы обчищали ее деревянными гребнями и волокли пуками подъ прессъ; прессъ мялъ ее и давилъ, и межъ тяжелыхъ пеньковыхъ бунтовъ подъ навѣсомъ — была тишина и тѣнь. Въ часы солнцепека, въ обѣденную пору истомы, отдыхали работницы на бунтахъ, трепачи пробирались къ нимъ, женщины были разомлѣлы, вяло визжали и били ихъ по рукамъ. И потомъ наступала вдругъ тишина: солнце лилось, куры лежали въ пыли, — онъ не зналъ, что дѣлается тамъ, на бунтахъ, но сердцу его было тѣсно, и зыбкое блаженное пламя теплилось въ него. Когда уѣхала Варенька, онъ пересталъ заглядывать къ трепачамъ. Варенька была легкая, стеклянная, а здѣсь — было смутное, тяжело бродящее въ четырнадцатилѣней крови, и сердце отъ этого билось не такъ, какъ должно было биться.

Онъ уходилъ теперь обѣдать одинъ въ извощичій трактиръ, возлѣ пристани. Трактиръ былъ въ подвалѣ, въ немъ было душно и накурено и, распоя-

савшись, сидѣли большіе синіе извозчики, цилиндры ихъ съ бляхами стояли рядомъ, извозчики наливались чаемъ, вытирали лбы, и половые въ полотняныхъ грязныхъ штанахъ высоко несли надъ плечомъ расписные пузатые чайники. Онъ ѣлъ свой нехитрый обѣдъ за пятнадцать копѣекъ, которыя оставлялъ ему отецъ, слушалъ степенные извозчичьи разговоры и проникался уваженіемъ къ этимъ людямъ, которые знали городъ, какъ птичью клѣтку, всѣ дома и многихъ замѣчательныхъ людей. Они возили докторовъ и купцовъ, и актеровъ, знали кто съ кѣмъ путается и кто на чей счетъ живетъ, и въ пыльныхъ ихъ бородищахъ запутывались замѣчательныя вещи.

Иногда съѣдалъ онъ на гривенникъ щей, а на пятачокъ покупалъ папиросъ, онъ шелъ домой неспѣша, курилъ и сплевывалъ горькую слюну. Жена бондаря сидѣла у окна, подперѣвъ подбородокъ, у нея были круглыя дуги бровей, и глаза ея были потуплены — такъ чуть-чуть потуплены, словно солнце и зной щемили ихъ. Разъ Кириллъ поглядѣлъ на окно, на розовые голые ея локти, — и приспущенные глаза поднялись, они тоже поглядѣли на него и улыбнулись. Они глядѣли на него и улыбались, и онъ почувствовалъ вдругъ, какъ та же зыбкая тоска, какая въ немъ поднималась, когда видѣлъ онъ, какъ отдыхаютъ работницы на пеньковыхъ бунтахъ, залила его горячо,— а глаза смотрѣли на него и тайно улыбались, она опустила голову внизъ, и губы ея шевелились, словно что-то она говорила. Тогда липкій отъ пота, стыда и волненья — онъ толкнулся пребольно объ уголъ воротъ и убѣжалъ въ садъ . . . Онъ сидѣлъ въ саду и думалъ о Варенькѣ, онъ хотѣлъ думать о томъ, какъ поѣдетъ за нею въ Казань и увезетъ ее съ собой навсегда, но онъ думалъ о женѣ бондаря, сердце его колотилось неистово, и со лба бѣжалъ потъ. Отчего шевелились ея губы и что она говорила? И отчего улыбались ея глаза — тайно, словно подъ занавѣской?

Онъ снова увидѣлъ жену бондаря черезъ день; она лежала въ окнѣ щекой на рукахъ, она поглядѣла на него и спросила:

— Какъ тебя зовутъ

Онъ отвѣтилъ:

— Кириллъ.

— Почему ты всегда смотришь наверхъ? — Онъ стоялъ внизу и молчалъ. — Я тебѣ нравлюсь?

Опять потъ полилъ по его лицу; ему было стыдно, и онъ не могъ убѣжать.

— Что же ты молчишь? Сколько тебѣ лѣтъ?

Онъ отвѣтилъ:

— Пятнадцать.

Она сказала снова:

— Помоги мнѣ вытрясти коврикъ. — Онъ молчалъ. — Почему ты молчишь все? Не хочешь, я другого кого нибудь попрошу.

Тогда онъ сказалъ:

— Не надо никого, я справлюсь и самъ.

— Такъ зайди ко мнѣ.

Онъ побѣжалъ по лѣстницѣ наверхъ и едва не задохнулся. Она открыла ему дверь и стояла передъ нимъ, улыбаясь.

— Какъ же ты запыхался, — глаза ея смотрѣли на него безстыдно, розовыя губы все улыбались; она взяла его за руку и повела за собой. Большая дубовая кровать стояла посреди спальни; въ зеркалѣ онъ увидѣлъ худого парня, очень рослаго и похожаго на него: глаза его черно запали, и золотые вихры нелѣпо торчали. Внезапно бѣлая рука женщины легла ему на вихры. Женщина сказала:

— Что же, ты никогда не причесываешься, развѣ?

И она взяла со столика гребень. Она долго разбирала его волосы гребнемъ, онъ стоялъ передъ нею, онъ видѣлъ близко ея грудь и не смѣлъ поднять глазъ; незнаемое тепло шло отъ женщины. Наконецъ, она сказала:

— Вотъ такъ.

Тогда увидѣлъ онъ въ зеркалѣ другого парня, онъ былъ причесанъ на проборъ, и рука женщины лежала на его плечѣ. И парень въ зеркалѣ поднялъ вдругъ свою руку и коснулся бѣлой женской руки. Онъ коснулся этой сухой теплой кожи, и горячее дыханіе жен-

щины почти жгло его ухо. Тогда быстро онъ повернулся назадъ, онъ увидѣлъ совсѣмъ близко притушенные глаза женщины, смотрѣвшіе ему въ подбородокъ. И онъ сдѣлалъ такъ, какъ дѣлали трепачи во дворѣ, онъ обнялъ женщину и прижался къ ней. Онъ весь дрожалъ, прижимаясь, женщина гладила одной рукой его волосы и тихонько смѣялась, она не отталкивала его и смѣялась, она сказала, наконецъ, очень спокойно:

— Погоди. Я закрою дверь.

Она закрыла дверь и вернулась; она остановилась возлѣ дубовой постели и закинула руки за голову. Она долго выгибалась такъ назадъ, закинувъ за голову руки, кровь прилила къ ея лицу, и тогда не онъ, а кто-то третій, быстро подбѣжалъ къ ней и перехватилъ ее руками у поясницы . . .

Онъ убѣжалъ домой и легъ ничкомъ на постель. Постелъ, комната, міръ пылали, плыли. Гдѣ была Варенька — и была ли она? Варенька навсегда уплывала, какъ легкое зыбкое облако полдня, и за нею вослѣдъ уплывалъ тотъ, кто по-мальчишески грезилъ на садовой скамейкѣ, зажатой между досчатымъ заборомъ. Узнанный, мужской, суровый и побѣдительный міръ пришелъ въ этотъ полдень на смѣну . . .

И новый парень, причесанный на проборъ, увидѣлъ вдругъ, что отцовскіе сапоги не по ногѣ ему и изношены, и онъ понялъ, что можно лихо вставить папироску наискось въ ротъ, и въ остальной глубинѣ полдневнаго зеркала можно обнимать, не блѣднѣя, притихшую женщину, какъ не обнималъ ее, навѣрное, никогда бондарь, и быть настойчивымъ по-мужски . . .

Въ этотъ годъ, наканунѣ весны, умеръ отецъ. Онъ догоралъ люто, въ его туберкулезной груди бушевали страшныя силы жизни, онъ не хотѣлъ уходить, онъ противился изо всей силы, — и все же по веснѣ онъ ушелъ. Кириллъ Безсоновъ узналъ въ эту весну послѣднее одиночество. Все же отецъ — былъ живою и близкой душой, мужскою упорною волею сберегъ онъ восковую свѣчу его жизни, и ради сына отказался отъ жены и отъ женщины. Было талое предмартье,

туманные дни, — въ эти туманы уходилъ отецъ навсегда. Его схоронили на томъ же кладбище, гдѣ лежала жена, рядомъ съ ней, рядомъ съ каменнымъ ангеломъ, который тщетно пытался взмахнуть тяжелыми крыльями. Стоя возлѣ могилы отца, зналъ Кириллъ, что теперь вполнѣ положила жизнь ему на плечо свою холодную руку. Онъ вернулся одинъ въ пустую квартиру, сталъ у окна, и меньше всего могъ онъ думать о томъ, какъ теперь будетъ жить одинъ. Именно въ этотъ годъ стали ему ближе всего завѣтныя тѣ простыя тетради, куда заносилъ онъ поющія строки своего одиночества.

Ему было пятнадцать лѣтъ, его вихры закурчавились въ золотую розсыпь волосъ. И въ эту весну пріятель отца, токарь Ягодкинъ, устроилъ его ученикомъ на заводъ. У Ягодкина была синяя бритая губа и черные проворные глазки подъ большими очками. Онъ привелъ разъ Кирилла къ себѣ и посадилъ его передъ собой.

— Ну, какъ же теперь будешь ты жить? — спросилъ онъ погодя. — Учиться надо. Другія времена пришли, недаромъ война бушуетъ . . . большія будутъ дѣла!..

— Я учусь, какъ могу.

Онъ былъ пока въ выучкѣ въ токарномъ отдѣленіи; въ токарномъ отдѣленіи съ пронзительнымъ визгомъ вытачивали станки самыя тонкія штучки—штучки эти были нужны для войны. Онъ пришелъ на заводъ и увидѣлъ, какъ все здѣсь прилажено, какъ каждый болтъ крѣпитъ общую стройку, и онъ почувствовалъ уваженіе къ человѣческому труду. Человѣкъ трудился, придумывая всю эту головокружительную систему, и люди трудились, давая этой системѣ жизнь. Здѣсь открылось ему все, чему училъ его Макаръ Макарычъ — о запечатлѣнномъ словѣ человѣка и о многихъ его дѣлахъ. Дома онъ сколотилъ себѣ полку и собралъ въ рядокъ книги, какія остались у него отъ Макара Макарыча. Онъ былъ теперь одинъ вполнѣ — самъ съ собой, со своимъ одиночествомъ и пѣснями, которыя слагалъ для себя. Женѣ бондаря давно онъ наскучилъ, въ флигель пере-

ѣхалъ музыкантъ изъ оркестра, у него были длинные волосы и бархатный пиджакъ, и музыкантъ терзалъ вечерами сердце жены бондаря волторной, вопившей человѣческимъ голосомъ. Кириллъ поскучалъ по женщинѣ и отвыкъ.

— Учиться нужно много, братъ, если хочешь стать человѣкомъ . . . тутъ самоукомъ не сдѣлаешь ничего. А начало пройдешь, тогда дорога тебѣ не указана, — иди куда самъ захочешь.

Этого замѣчательнаго человѣка, простого токаря и безкорыстнаго друга, Кириллъ Безсоновъ запомнилъ въ томъ же ряду своихъ первыхъ вожатыхъ. Былъ Ягодкинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые дошли однимъ только своимъ чутьемъ до человѣческой высшей ступени. Разъ подъ вечеръ привелъ онъ къ нему нескладнаго и носатаго парня, парень былъ — студентъ Лебедкинъ, за неспособность къ войнѣ служилъ онъ санитаромъ въ военномъ лазаретѣ, и студентъ Лебедкинъ сталъ первымъ его, Кирилла, наставникомъ. И жизнь сложилась — между заводомъ, между вечерними этими часами, когда помогалъ Лебедкинъ ему вгрызаться въ биномы и въ синтаксисъ, и между завѣтными часами досуга и одиночества, завѣтными потому, что именно въ эти часы легко и пѣвуче слагались пѣсни. Эти свои тетради со стихами Кириллъ не показывалъ никому, скрывалъ онъ даже ихъ отъ Лебедкина, приносившаго съ собой запахи іодоформа и неизбывныхъ страданій людей, разбитыхъ войною. Въ этомъ угреватомъ человѣкѣ съ шеей въ фурункулахъ былъ неизсякаемый источникъ познаній, онъ словно поставилъ себѣ узнать все въ этомъ мірѣ до конца и онъ могъ говорить о чудесахъ міросозданія, о биномахъ Ньютона и о русской начальной письменности такъ же просто, какъ о своихъ лазаретныхъ дѣлахъ и о томъ, что ожидаетъ Россію послѣ войны.

Онъ исчезъ съ первымъ зовомъ о прекращеніи войны, онъ появился въ городѣ снова только два года спустя, когда уже шла революція, и Кириллъ увидѣлъ впервые приказъ, подписанный его именемъ. Тогда онъ разыскалъ его въ простуженномъ зданіи бывшаго

городского архива, онъ простоялъ въ очереди къ нему на пріемъ два часа. Лебедкинъ былъ такой же — линючій и угреватый, только на шеѣ, отъ недоѣданія, вѣрно, было побольше фурункуловъ, и Лебедкинъ сдѣлалъ для него то, о чемъ мечталъ Ягодкинъ и о чемъ мечталъ онъ, Кириллъ Безсоновъ, для себя, какъ о невозможномъ. Онъ устроилъ его на рабфакъ и онъ устроилъ далѣе, что заводъ, на которомъ тридцать лѣтъ работалъ старикъ Безсоновъ, — заводъ помогъ Кириллу Безсонову уѣхать изъ прирѣчнаго этого городишки въ большой столичный городъ учиться.

На знакомой досчатой платформѣ грустно и накрѣпко простился съ Ягодкинымъ Кириллъ. Въ послѣдній разъ заглянулъ онъ въ черные глазки за большими очками, и этого чужого ему человѣка, который безкорыстно сдѣлалъ столько для него, оставилъ онъ съ горечью неутолимой утраты. Онъ долго махалъ ему изъ окна вагона; проплылъ назадъ городъ, въ которомъ прошли его первые годы, въ которомъ оставались могилы самыхъ близкихъ, самыхъ нужныхъ людей, сползла назадъ сѣрымъ тесомъ знакомая нищета Прирѣчья, и осеннія поля разстелились по сторонамъ безрадостными колючими жнивьями. Подавивъ въ себѣ грусть, сдвинувъ брови, Кириллъ Безсоновъ долго, до ночи, стоялъ у окна вагона. Онъ ѣхалъ отсюда съ упорной мыслью, съ упорной волей — учиться, съ упорной жаждой труда и преодолѣнія жизни. И огромный городъ встрѣтилъ его два дня спустя — толчеей, прекрасной московскою осенью, вечерне блистающими дождемъ камнями мостовыхъ и неповторимымъ первымъ волненьемъ, когда вошелъ онъ, наконецъ, въ студенческое общежитіе, чтобы жить здѣсь и устраиваться на долгіе годы ученья.

Такъ этой осенью, невѣроятно и непохоже на все, что зналъ онъ доселѣ, началась для Кирилла Безсонова заново жизнь.

VI

За городомъ выросъ пустынный кварталъ
На почвѣ болотной и зыбкой
Тамъ жили поэты . . .

А. Блокъ.

Наканунѣ среды Свербѣевъ напомнилъ, что Вѣра Никольская будетъ ждать завтра къ восьми. Въ сущности, зачѣмъ условился онъ съ чуждой ему этой женщиной пойти на вечеръ къ поэтамъ? Стихи Безсоновъ писалъ для себя, глубоко и потаенно они возникали въ немъ, а здѣсь нараспѣвъ и вслухъ читаютъ другъ другу, нисколько не стыдясь и не стѣсняясь этихъ своихъ, мучительныхъ для него, признаній. Въ среду съ утра онъ много работалъ передъ зачетомъ, но уже съ шести вечера необъяснимо и даже волнующе стало мучить его ожиданіе; и въ началѣ восьмого, такъ и не сумѣвъ побороть это чувство, онъ вышелъ изъ общежитія. Вѣра Никольская жила въ большой холодной комнатѣ студіи, на стѣнахъ висѣли необычайные плакаты, красные и рыжіе, — все это была ея работа. На желѣзной печуркѣ стоялъ чайникъ, столь закоптѣлый, что казался утварью какихъ-то миновавшихъ вѣковъ.

— Заходите, Безсоновъ, — сказала она какъ-то широко и очень свободно, совсѣмъ какъ мужчина мужчинѣ, — скидавайте пальтишко, успѣемъ къ поэтамъ и въ девять. Вы стихи захватили? Все равно заставятъ читать, у насъ каждаго новичка заставляютъ. Да чего вы смущаетесь? Я не кусаюсь, ей-Богу. Не скромница, скрывать нечего, но сама не набрасываюсь... — Она говорила это и словно оглаживала очень спокойнымъ и чуть насмѣшливымъ прищуромъ своихъ глазъ.

И Безсоновъ почувствовалъ вдругъ, что не ужасается онъ не-женской всей этой грубости, а слушаетъ женщину съ волнующимъ любопытствомъ. Было въ ней, во всемъ ея смутномъ обликѣ какое-то безстыдство, которое тайно тревожитъ, — и, чтобы отвлечь

себя отъ этого, самому ему противнаго въ себѣ безпокойства, онъ заставилъ себя думать о Танѣ. Такой, какой проводилъ онъ ее тогда отъ Свербѣева — съ милой и чуточку скорбною прядкой на щекѣ изъ-подъ шапочки, съ дѣвичьимъ профилемъ и очаровательной неправильностью находящихъ другъ на друга зубовъ, — такой, хотѣлъ онъ, чтобы возникла она въ этой комнатѣ, но въ комнатѣ пахло сырою известкой, красками и близостью совсѣмъ чужой, непонятной и все же его волнующей женщины. Впрочемъ, Никольская не стала его больше испытывать, она не спѣша одѣлась, и вскорѣ они вышли отсюда. Вечерняя Бронная оплеснула ихъ гнилью тумана и зеленой сочащейся влагой газовыхъ фонарей. Онъ шелъ чуть впереди и видѣлъ сбоку, что женщина смотритъ впередъ, загадочно щурясь и словно усмѣхаясь всему, что думаетъ и чувствуетъ онъ сейчасъ. Четверть часа спустя пришли они къ поэтамъ. Лохматый и дикій человѣкъ, въ холщевой курткѣ, съ галстукомъ бабочкой, съ угрюмыми глазами недопившаго или перепившаго человѣка, стоялъ на лѣстницѣ; губы у него были лиловыя отъ чернильнаго карандашика, который сосалъ онъ, какъ карамельку.

— Здравствуй, Вѣрка, — сказалъ онъ, совершенно блуждая въ какихъ-то своихъ отвлеченьяхъ,—кого привела? Ваша фамилія, товарищъ? Больше пяти минутъ не читать, у насъ сегодня восемнадцать человѣкъ выступаютъ.

— Я не собираюсь читать, — сказалъ Безсоновъ въ полномъ смущеніи,—я пришелъ только слушать,— но дикій человѣкъ поглядѣлъ на него равнодушно пустыми глазами.

— Нельзя отказываться отъ выступленій, не по-товарищески... — и на листкѣ на колѣнѣ, уже вовсе отсутствуя, сталъ записывать свои очередныя дѣла.

Поэтессы, съ янтарными четками на впалой груди, стриженыя по-мальчишески, съ начесанными съ ушей напередъ серпами волосъ; дѣвушки, которыхъ встрѣчалъ иногда онъ на улицѣ: въ какихъ-то пестрыхъ картузикахъ, въ шерстяныхъ — зеленыхъ и

красныхъ — яркихъ носочкахъ поверхъ чулокъ, съ губами въ пламени отъ кармина, онѣ блуждали неспѣшно и сами себѣ нараспѣвъ говорили стихи; подростки, мечтательно вникающіе въ эти распѣвы, съ расширенными, словно отъ наркотиковъ, глазами — ученицы студій и стиховѣдческихъ школъ; молодые люди съ достойною сухощавостью, въ роговыхъ очкахъ преимущественно — вожди и мэтры, со скромной медлительностью посвященныхъ проходящіе сквозь ряды учениковъ; и главное — вся эта молодежь въ бобриковыхъ курткахъ, въ шинелишкахъ, въ польтишкахъ на собачьемъ мѣху, уже завороженная славой, возможностью находить основу жизни въ стихахъ, слетѣвшаяся мошкарою на свѣтъ бутафорскихъ лампъ, — такимъ возникло передъ нимъ это сборище. Въ залъ набивались, занимали мѣста на окнахъ; Вѣра Никольская увѣренно провела его сквозь толпу. Они сѣли на деревянной скамейкѣ въ углу у стѣны, и Безсоновъ ощутилъ очень близко то же самое тепло, отъ котораго часъ назадъ на мансардѣ такъ туманно зашлось его сердце. Случайно или нарочно, сидѣла Вѣра близко къ его плечу, и съ удивленіемъ уловилъ онъ въ себѣ, что это теперь не отвращаетъ его, а какъ бы жарче тревожитъ.

Скоро въ залу набрались вплотную и затерли проходъ. Мэтры заняли мѣста за круглымъ столомъ. Прежній дикій человѣкъ неистово зазвонилъ въ колокольчикъ. Собраніе было открыто. Томный молодой человѣкъ, слабый, какъ былинка, съ подхваченными короткими брючками и въ сѣренькихъ гетрахъ, вышелъ впередъ. Сцѣпивъ опущенныя руки, онъ сталъ изгибаться, какъ страдающая Антигона, и вдругъ запѣлъ, обрывая слова, ломая руки и выворачивая плечи въ непоправимомъ отчаяніи. Двѣ дѣвушки рядомъ съ Безсоновымъ смотрѣли на него восхищенно; дѣтскими пальцами онѣ поправляли выпадавшія прядки волосъ. Наконецъ, поэтъ выплеснулъ все, что его мучило, и потупился скромно. Дѣвушки рядомъ захлопали неистово. Колокольчикъ всхлипнулъ и предсѣдатель прервалъ овацiи. Минуту спустя юноша запѣлъ

поэму о голодѣ. Сбоку, сзади дышали жарко; нѣкоторые слѣдомъ шевелили губами. Мэтры неподвижно, съ суровыми лицами, какъ врачи на консиліумѣ, сидѣли полукругомъ. И поэта-былинку смѣнилъ рыжій, угрюмый юноша съ презрительно опущеннымъ ртомъ. Ставъ въ полоборота, презирая, словно выплевывая слова, онъ сталъ ихъ цѣдить — это были стихи объ уличныхъ кабакахъ, о бандитахъ и сутеренахъ, и все это называлось „Баллада о финскомъ ножѣ". Поэтъ процѣдилъ балладу, не поклонился, хотя очень хлопали сзади, и даже мэтры похлопали пальцами, и поэтесса съ прозрачными, словно бутылочными, глазами и съ мальчишески-остриженной головой, глядя поверхъ въ космическія какія-то пространства, стала извлекать изъ себя стихи съ такимъ мучительствомъ, какъ будто пророчествовала или рѣшала сложнѣйшія вычисленія.

И пошли смѣнять другъ друга поэты и поэтессы, простачки, читавшіе нараспѣвъ съ костромскимъ или волжскимъ о̀каньемъ, потряхивая крестьянскими волосами, дѣвицы, разминавшія на нёбѣ стихи, какъ тянучки, и молодые проворные люди, которыхъ можно увидѣть во всѣхъ модныхъ мѣстахъ, которые всегда отлично одѣты и выбриты, всегда съ красивыми женщинами, нигдѣ не служатъ, считаются поэтами и неизвѣстно на что существуютъ. Такъ слушалъ Безсоновъ всѣ эти завыванья и голубиные стоны, смѣнившіе неожиданно привычный кругъ формулъ, расчетовъ консоли и параболическихъ фермъ, а рядомъ была чужая и случайная женщина, которая уже запросто прижималась къ его плечу, — и именно въ эти часы волнующій кругъ чертежей и расчетовъ казался страшно далекимъ, а то, что происходило вокругъ, — необычайно важнымъ и поучительнымъ. Особенно же волнующимъ для него было то, что всѣ эти люди вокругъ обладали чудеснымъ и таинственнымъ даромъ, надъ добычей котораго столько онъ бился, — даромъ пѣсни и слова. Онъ такъ увлекся всѣмъ этимъ, что даже не понялъ, когда по списку назвали вдругъ его имя, но Вѣра Никольская стала толкать въ плечо, а

дикій человѣкъ хлопалъ въ ладоши и обращался къ нему надъ толпой:

— Ваше слово, Безсоновъ! . .

Тогда онъ поналъ все и ужаснулся; прижавъ къ груди руку, онъ сталъ ему было доказывать что-то умоляющимъ голосомъ, но его не слушали и хлопали въ ладоши, а дикій человѣкъ подошелъ, взялъ его за руку и потащилъ за собою къ эстрадѣ. И минуту спустя Безсоновъ увидѣлъ кругъ человѣческихъ лицъ, десятки женскихъ глазъ, какой-то черный и многоглазный провалъ, сгрудившійся вокругъ него, отъ волненія и ужаса мгновенно облился онъ потомъ, а человѣкъ позади шипѣлъ ему яростно:

— Да читайте же, чортъ возьми . . . будетъ ломаться!

Онъ стоялъ растерянно и потиралъ мокрыя ладони, — и онъ понялъ, что нужно читать, что бы ни вспомнилось, потому что иначе его засмѣютъ... Напрягая мучительно память, ничего не могъ онъ припомнить — и вспомнилъ, наконецъ. Это были стихи о близкихъ, о городѣ, гдѣ шумѣло его дѣтство, и о ржи, которая не цвѣтетъ въ городахъ. Почти закрывъ глаза отъ отчаянія, не слыша собственныхъ словъ, онъ прочелъ это. Сразу заплескались ладоши: стихи понравились — они были грустны, и оттого что отъ ужаса онъ себя не слыхалъ, онъ прочелъ ихъ взволнованно и хорошо, вѣроятно. Онъ хотѣлъ вернуться на мѣсто, но его не пустили, опять человѣкъ прошипѣлъ позади: — „Читайте на бисъ“, — и онъ вспомнилъ другіе стихи . . . Такъ, залитаго потомъ, со слипшимися на лбу прядями, мучили его цѣлыхъ десять минутъ и, наконецъ, отпустили. Не видя людей, въ туманѣ онъ вернулся на мѣсто. И сейчасъ же крѣпкая женская рука значительно и жарко пожала его руку, точно были связаны между собою они не первые мѣсяцы. Въ туманѣ же, не видя людей, онъ вышелъ отсюда съ Вѣрой. Хорошо опахнула тьма сыростью. Наслаждаясь, подставилъ онъ изнемогающее лицо этому ея отеческому дуновенію. Шелъ дождь, заливая унынiемъ засыпающій городъ, и поэты расхо-

дились — въ Замоскворѣчье, Бутырки, Хамовники, какъ бы раздвигая это дождливое марево неугасаемымъ свѣтомъ стиховъ и мечтаній.

VII

Вѣра взяла его подъ руку, и неумѣло шелъ съ нею онъ рядомъ.

— Ужасно, что я сегодня читалъ! — сказалъ онъ, искренно ужаснувшись себѣ, какъ рѣшился и могъ это сдѣлать.

Но Вѣра приникла къ его локтю, она посмотрѣла на него блестящимъ глазомъ, женственно теплѣвшимъ подъ яркой шапочкой.

— Прекрасно читали, искренно, не ломались, — сказала она нараспѣвъ, — и то, что она не осудила его поступокъ и даже одобрила, дѣлало ближе ее и милѣй, — да и по правдѣ былъ ли этотъ поступокъ настолько ужасенъ? Онъ никогда не читалъ стиховъ для другихъ, а вотъ теперь онъ прочелъ ихъ вслухъ и ничуть не хуже, чѣмъ остальные, ему аплодировали, и женщина, которая идетъ съ нимъ сейчасъ, хвалитъ его талантъ. А вдругъ впрямь — талантъ, блестящая возможность вознести себя талантомъ, а не зарывать его въ чертежи и кривые. И онъ подумалъ въ эту минуту объ общежитіи, о студенческихъ трудовыхъ и безрадостныхъ будняхъ, — и, въ сущности, правъ Свербѣевъ: а что же ожидаетъ ихъ дальше? Перепроизводство . . . диспетчерство съ канарейкой на маленькой станціи? — А тутъ — талантъ, можетъ быть, слава, связанная съ е г о единственнымъ именемъ, — не инженеръ-транспортникъ, какихъ сотни, а поэтъ — одинъ среди тысячъ, то есть, не гвоздь, затерянный въ этомъ огромномъ городѣ, а составная блестящая часть его славы . . . Впрочемъ, онъ думалъ объ этомъ въ томъ же смутномъ туманѣ, головокружительно и до невозможности зыбко.

Они прошли по бульвару и вышли къ Страстному. Машинально сѣлъ Безсоновъ слѣдомъ за Вѣрой въ трамвай, почему-то рѣшивъ, что ѣдутъ они вмѣстѣ къ Бахметьевской, и только тогда, когда стали срываться назадъ незнакомыя и худо освѣщенныя улицы, удивленно спросилъ онъ ее:

— Куда же мы ѣдемъ?

Вѣра молчала очень хитро и затѣмъ сказала, не торопясь:

— Увидите . . . я васъ нарочно хочу съ однимъ человѣчкомъ свести: это Куреповъ, кино-механикъ. Когда вы сегодня читали стихи, мнѣ пришла въ голову мысль . . . вамъ вѣдь деньги нужны? Попробуйте сняться въ кино. Многіе студенты работаютъ здѣсь, а я помогаю писать декораціи. Сейчасъ ставятъ историческую фильму . . . можетъ быть подойдете для роли молодого боярина, Куреповъ посмотритъ и все сразу скажетъ. А деньги вамъ пригодятся.

Конечно, могъ бы крѣпко Безсоновъ задуматься, почему этой женщинѣ можетъ быть важно, есть ли деньги у него или нѣтъ, и уже во всякомъ случаѣ не этого ради везетъ она его ночью къ Петровскому парку, чтобы показать какому-то кино-механику. Но онъ не могъ сейчасъ до конца продумать все это, его чувства были въ смятеніи, словно жизнь сорвалась въ этотъ вечеръ съ оси, и теперь, чѣмъ дальше будетъ она нестись, тѣмъ естественнѣй и великолѣпнѣй . . .

Трамвай скоро опустѣлъ, сталъ сверлить зеленѣющія улицы, деревья сумрачно пошли по сторонамъ. Вѣра поднялась, у зеленаго огонька остановки они сошли. Улица была совсѣмъ пустынна и незнакома. У большого и словно нежилого строенія со множествомъ стеколъ Вѣра позвонила увѣренно. Минуту спустя имъ открыли, и они вошли въ это зданіе. Стеклянный ночной ковчегъ, сумрачно отражавшій въ стеклахъ зеленую мглу окраинныхъ фонарей, оказался павильономъ для съемокъ. Человѣкъ, ихъ впустившій, зажегъ тысячесвѣчную лампу, слѣпительнымъ фіолето-

вымъ свѣтомъ она оплеснула чешую стеколъ, картонныя декораціи, золоченую мебель, бутафорію, груду боярскихъ костюмовъ, пюпитры съ угольными лампами и змѣями проводовъ, аппараты для съемки, — всѣ нѣдра этой загадочной фабрики.

Механикъ Куреповъ жилъ здѣсь, до пріисканія квартиры, на кожаномъ старомъ диванѣ, похожемъ на дилижансъ. Куреповъ былъ головастъ, малъ ростомъ, съ монгольскими глазками и во френчикѣ какого-то удивительнаго горчишнаго цвѣта; на голенастыхъ ногахъ у него были рыжія краги бутылками. Онъ не удивился ничуть ночному этому посѣщенію, быстро поглядѣлъ на Безсонова, точно прикинулъ его на ладони, и повелъ за собой, мимо огромнаго и затѣйливаго боярскаго дома, сколоченнаго из фанеры и планокъ. Безсоновъ осторожно шагалъ черезъ сонные удавы проводовъ, смутно волнуясь отъ всего невиданнаго этого зрѣлища, и вдругъ за боярскимъ домомъ увидѣлъ Свербѣева . . . Свербѣевъ шелъ навстрѣчу и улыбался стѣснительной и длинной улыбкой, словно смущенный тѣмъ, что обнаружили его въ этомъ убѣжищѣ.

— Это хорошо, Вѣрка, что ты его сюда притащила, — сказалъ онъ и обнялъ Безсонова за плечи, — надо, братъ, все видѣть въ жизни, а можетъ и кое-что изъ всего этого выкроишь . . . Вотъ тебѣ, Куреповъ, бояринъ — лучше не сыщешь.

Опять его примѣрилъ Куреповъ, сощуривъ монгольскій глазокъ.

— Бородку бы отпустить, режиссеръ съ руками возьметъ . . . а хорошъ, ничего!

Всѣ сѣли позади боярскаго дома вокругъ стола, ни столѣ стояли картонныя золоченыя фляги и чарки, но Куреповъ быстро смахнулъ все это, и минуту спустя бутыль русской горькой увѣренно смѣнила картонныя фляги; затѣмъ онъ быстро ободралъ колбасу, нарѣзалъ ее, досталъ огурцовъ, — и ужинъ у Куренова начался.

— Ты, Кирюшка, не робѣй . . . все это будто чудно по-первоначалу, а главное, держи знакомство

съ Куреповымъ. Куреповъ у режиссера правая рука, — и безцвѣтно и длинно подмигнулъ ему глазомъ Свербѣевъ.

Куреповъ налилъ пузатыя рюмки ваньки-встаньки, всѣ чокнулись, и онъ сказалъ Безсонову благоволительно:

— Ну, что же, выпьемъ за наше знакомство, бояринъ . . . а бояринъ сойдетъ, можетъ, и почище что подвернется. Тутъ съ десятокъ студентовъ этимъ живутъ. А у кого есть способности, тѣ и въ артисты выходятъ . . .

Водка была горькая, отвратительная на вкусъ, содрогнувшая по-первоначалу. Впрочемъ, минуту спустя стало очень тепло. Вгрызаясь въ огурецъ, обстоятельно говорилъ между тѣмъ Свербѣевъ:

— Почаще бы такъ встрѣчаться . . . живемъ по-берложьи, лекціи да зачеты, а когда же по человѣчьи жить? Пять лѣтъ на вузъ, а потомъ лѣтъ пять, пока не пристроишься, это къ тридцати пяти жизнь начинать . . . Нѣтъ, не согласенъ, чертежи чертежами, а жизнь жизнью!..

И сейчасъ же съ готовностью его поддержалъ Куреповъ:

— А не жить, такъ и кругозору никакого не будетъ. Какой же безъ кругозору ты инженеръ?!

Опять выпили за инженеровъ и за кругозоръ. И теперь Кириллъ Безсоновъ тоже почувствовалъ, что хочетъ жить именно такъ—широко и побѣдительно, — въ колѣняхъ его отъ вина начиналась блаженная слабость, какъ-то замѣчательно длинно и обѣщающе улыбался Свербѣевъ, пророчилъ славу Куреповъ, если только найдутся способности, а Вѣра смотрѣла на него такъ, будто давно ужъ рѣшенъ былъ вопросъ объ его способностяхъ, объ его славѣ и обо всемъ, что туманно возникло передъ нимъ въ сегодняшній вечеръ. Затѣмъ онъ пилъ, уже не содрогаясь, вся эта огромная зала становилась еще необъятнѣй, словно куполомъ само было небо — такъ плотно своимъ облачнымъ чревомъ лежало оно на стеклянной крышѣ, а Свербѣевъ все кивалъ ему и кивалъ, и

близко и по-новому волнующе было тепло женщины, руку которой онъ пожималъ подъ столомъ, — и, главное, все было очень добро, невыразимо добро къ нему. Затѣмъ Свербѣевъ внезапно поднялся, онъ обнялъ его и дружески повелъ за собой, онъ привелъ его къ другому дивану, стоявшему въ сторонѣ, шепнулъ: — „Отдохни-ка, Кирюшка", — и съ благодарностью ощутилъ Безсоновъ блаженство отъ этихъ пружинъ, легчайше подъ нимъ колыхнувшихся, и отъ покоя, просторно воскрылившаго надъ нимъ. А все неслось и неслось — забвенно и примиряюще, и это было такъ блаженно и странно, что онъ засмѣялся отъ грусти. Слышалъ онъ затѣмъ сквозь весь этотъ горькій туманъ, какъ поетъ Свербѣевъ, и, вѣроятно, Вѣра Никольская щиплетъ густыя струны гитары и онъ совсѣмъ не могъ для себя отдѣлить того времени, когда вдругъ оказалось, что потушенъ фіолетовый огромный фонарь, видно зеленоватое небо надъ крышей, а рядомъ съ нимъ на диванѣ знакомое то же и невѣроятное тепло . . . Онъ протянулъ впередъ свои руки и встрѣтилъ руки, которыя тотчасъ замкнулись кольцомъ у него на плечахъ, а женщина — губы къ губамъ — говорила что-то безсвязно и торопливо, увѣряя, умоляя, ликуя . . . Съ недоумѣніемъ и ужасомъ онъ тщился понять, о чемъ говоритъ ему женщина, и зыбкій бредъ неистово застлалъ этотъ голосъ.

Въ шестомъ часу утра, вѣроятно, потому, что съ скрежетомъ пронесся первый трамвай, Безсоновъ добрелъ со сна до широкой стеклянной стѣны. За стѣною былъ садъ, уже разсвѣтало, шелъ дождь, дорожки были сыры, и осенняя жухлая зелень болѣзненно зеленѣла въ этомъ разсвѣтѣ. Онъ долго смотрѣлъ въ этотъ садъ и на синѣющій дождь, и утро улыбалось туберкулезной улыбкой. Позади, на широкомъ диванѣ, въ стынущемъ къ утру большомъ стеклянномъ павильонѣ, спала Вѣра Никольская. Женщина, которую онъ видѣлъ дважды въ жизни и которая въ эту ночь стала близкой ему. Безъ раздумій, очарованія и даже простого влеченія. Ну, что же, мужская случай-

ная встрѣча, о которой не стоитъ раздумывать . . . Въ родѣ жены бондаря въ мальчишествѣ. Но вѣдь была не только жена бондаря, была еще Варенька . . . и есть, наконецъ, то удивительное существо, которое только два дня назадъ провожалъ онъ по Бронной и для котораго такъ страстно хотѣлъ онъ собрать себя цѣликомъ. Но пусть даже правъ въ своихъ догадкахъ Свербѣевъ, развѣ для него, Безсонова, это что-нибудь значитъ, когда неутоляемой мечтой наполнила она его жизнь? А сейчасъ, послѣ того, что случилось съ нимъ въ эту ночь, можетъ онъ развѣ къ ней подойти съ прежнимъ и нетронутымъ миромъ своей души? Такой же, какъ всѣ, или хуже, — и онъ тотчасъ представилъ себѣ, какъ весело засмѣялся бъ Свербѣевъ надъ нимъ, если бъ узналъ эти утреннія покаянныя его мысли. Ну, что жъ, каждый ощущаетъ по-своему, а онъ съ мальчишества себя пріучилъ къ уединенной мечтѣ, какъ къ тайнымъ тѣмъ пѣснямъ, которыми ни съ кѣмъ никогда не дѣлился. Но тутъ же онъ вспомнилъ вчерашній вечеръ, успѣхъ, какіе-то непостижимые зовы жизни, впервые для него зазвучавшіе, и раскаянье, мучительно томившее только что, постепенно истаяло, все было — разнообразно, очень ново и завлекательно, настоящая жизнь, которой не зналъ онъ доселѣ . . . И легкій восторгъ отъ того, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него лежитъ ему покорная женщина, — легкій восторгъ по-мужски всколыхнулъ его сердце. Неслышимо онъ вернулся къ дивану. Вѣра спала, холодѣя утреннимъ сномъ. Воспаленно смотрѣлъ онъ на обвялый ротъ женщины, восхищаясь немыслимымъ совершеніемъ сновъ. Она вздохнула, открыла глаза и затаенно и долго на него поглядѣла, еще погруженная въ бушующія ночныя видѣнія.

VIII

Три дня спустя послѣ этой ночи, оставшейся туманнымъ проваломъ, въ которомъ изжога отвращенія къ себѣ такъ тѣсно свилась съ необыкновеннымъ волненьемъ, — три дня спустя Кириллъ Безсоновъ

пріѣхалъ въ этотъ же стеклянный павильонъ. Въ павильонѣ шла съемка, фіолетовыми солнцами горѣли юпитера, и множество бояръ въ длиннополыхъ кафтанахъ, похожіе на церковныхъ пѣвчихъ, отдыхали на диванахъ и поѣдали бутерброды въ бумажкахъ. Механикъ Куреповъ, который вызвалъ сюда его черезъ Свербѣева, въ синемъ рабочемъ балахонѣ, озабоченно и потно налетѣлъ на него и потащилъ къ режиссеру. Стоя на стульяхъ, режиссеръ вопилъ на толпу статистовъ, изображавшихъ опричниковъ. Опричниковъ потѣшали скоморохи съ гусельками, въ самомъ дѣлѣ веселые разбитные ребята, — но опричники веселиться не умѣли и лѣзли толпой въ аппаратъ. Режиссеръ, въ замѣчательномъ сѣромъ пиджакѣ съ накладными карманами и въ шерстяныхъ зеленыхъ чулкахъ до колѣнъ, съ такимъ неистовствомъ размазывалъ волосы на своей головѣ, точно стремился ихъ выдрать совсѣмъ. Отбушевавъ, наконецъ, съ опричниками, онъ соскочилъ со стульевъ, очень театрально схватилъ Безсонова за руку и потащилъ его къ свѣту. Здѣсь, отступивъ на шагъ, оглядѣлъ его онъ въ подробностяхъ и дальше понесся разбивать статистовъ на группы.

— Дѣло сдѣлано, кажется . . . поздравляю, — минуту спустя шепнулъ на ходу Куреповъ.

Взволнованный и счастливый, остался Безсоновъ одинъ въ сторонѣ. Онъ ѣхалъ, убѣждая себя, что только нужда и необходимость найти работу сюда его гонятъ, и не хотѣлъ сознаться себѣ, что нѣчто иное, сильнѣе денегъ и важнѣе работы, влечетъ его этой дорогой, — именно тѣ необычайные зовы, которые въ невозможномъ туманѣ возникли передъ нимъ три дня назадъ на вечерѣ у поэтовъ . . . Эти три дня онъ пытался вернуться къ работѣ, онъ съ упорствомъ и даже торжествомъ побѣдителя вычерчивалъ свои чертежи, готовясь къ зачету, — но властно звучали какія-то новыя пѣсни голосами чудесныхъ побѣдъ, и въ эти дни писалъ онъ стихи, грудившіеся въ немъ неотступно и застилавшіе и чертежи и близкій зачетъ. Въ дѣтствѣ о запечатлѣнномъ человѣческомъ словѣ

говорилъ Макаръ Макарычъ ему, и, можетъ быть, звѣзда его, Кирилла Безсонова, жизни — именно въ томъ, чтобы запечатлѣвать это неповторимое слово, въ томъ, чтобы быть носителемъ возвышенныхъ образовъ, — а не рядовымъ инженеромъ на транспортѣ, безъ имени, безъ памяти о немъ и безъ высокихъ свершеній . . . И сейчасъ, оставшись одинъ въ сторонѣ, глядя на фіолетовыя и нестерпимыя свѣтила угольныхъ лампъ, слушая ихъ загадочный нервическій трескъ, — онъ переполнялся восторгомъ, оттого что отнынѣ будетъ тоже причастенъ къ этому міру.

И новый міръ открылся, позвалъ и плѣнилъ. Безсоновъ положилъ себѣ вести подготовку къ зачету одновременно съ работой на съемкахъ. Но часы, назначенные для репетицій и съемокъ, растягивались иногда на весь день, онъ возвращался въ общежитіе, пьяный отъ возбужденія и усталости, ему нравилось уже бродить въ часы репетицій въ костюмѣ и гримѣ, съ приклеенной бородой, подолгу въ зеркалѣ изучать свое измѣненное и прекрасное въ гримѣ лицо, ступать въ мягкихъ цвѣтныхъ бутафорскихъ сапогахъ, преображаться, играть, — хотя такихъ же, какъ онъ, здѣсь были десятки, и настоящіе актеры не знали ихъ даже въ лицо. Но ему казалось теперь, что онъ въ ихъ же актерскомъ ряду, и на репетиціи разъ, встрѣтивъ Вѣру Никольскую, больше всего возликовалъ оттого онъ, что можетъ полноправно уѣхать съ ней вмѣстѣ отсюда, какъ всегда уѣзжали актеры съ кѣмъ-нибудь изъ артистокъ. Съ этого дня продолжились его отношенія съ Вѣрой. Они уѣхали вмѣстѣ отсюда, и дальше все было такъ, какъ должно было быть, но у нея на мансардѣ увидѣлъ онъ осеннее мужское пальто — и внезапно загорѣлся отъ ярости. Вѣра поглядѣла на него очень спокойно размытыми своими глазами, она отряхнула пепелъ и сказала вопросительно даже:

— А какое тебѣ дѣло, Кириллъ? Мало кто у меня бываетъ, а ты не думай, пожалуйста, совсѣмъ не хочу я, чтобъ думалъ ты такъ — что одинъ только ты у меня бываешь . . . А то начнешь еще сцены устраивать! Я для семейныхъ дѣлъ не гожусь.

Скучно. Не понимаю я, какъ это могутъ женщины съ однимъ волынку тянуть... встрѣчаться, ожидать, мучиться, письма писать.

Она говорила грубо и, можетъ быть, чуть бравировала своей грубостью. Впрочемъ, она сейчасъ же добавила:

— А ты не ершись, пожалуйста... Ты мнѣ нравишься, есть въ тебѣ еще свѣжесть какая-то, и, если только ты безъ мужского этого самолюбія обойдешься, можемъ мы съ тобой хорошо спѣться. Дѣтей рожать и съ однимъ на всю жизнь сходиться—это я успѣю всегда. Есть у насъ, положимъ, еще студентки-дурехи, которыя съ однимъ сошлись, дѣтей нарожали, примусъ качаютъ, въ очередяхъ въ дѣтской консультаціи стоятъ... а у дѣтей поносъ, ревутъ по ночамъ, пеленки мочатъ... тоска какая!..

Она говорила все это, стряхивала пепелъ и по мужски качала ногой. И какой-то огромной холодной пустыней возникла передъ Безсоновымъ вся эта ея холостая мансарда, его грѣхъ безъ любви съ этой женщиной—для которой ни въ чемъ нѣтъ запрета, и съ которой, быть можетъ, даже Свербѣевъ былъ близокъ... Онъ уперся руками въ столъ и спросилъ ее, внезапно наполняясь восторженной ненавистью:

— А со Свербѣевымъ ты, можетъ быть, тоже жила?

Она подняла одну бровь, качнула головой и отвѣтила, усмѣхнувшись:

— Отчего же... Свербѣевъ — настоящій мужчина, не очень только красивъ, но женщины красоты и не ищутъ.

Онъ даже поперхнулся отъ своего презрѣнія и ужаса передъ этой спокойной женщиной, съ такимъ великолѣпнымъ равнодушіемъ говорившей о самыхъ постыдныхъ и невозможныхъ вещахъ,—но она курила и говорила не спѣша:

— Очень глупо принимать все это такъ драматически... Я тебѣ не обязана была отчетомъ, могла и ничего не говорить, а сказала просто потому, что полагала, что и ты не можешь думать иначе, если ты

студентъ и передовой человѣкъ. А въ тебѣ вонъ еще — мужикъ живетъ, собственникъ, кулачокъ бабій, тебѣ къ бабѣ въ придачу огородъ и корова нужны...

И вдругъ за этой враждебной и даже ненавистной ему теперь женщиной, за всей ихъ позорной и ничѣмъ не оправданной близостью, возникло то — теплоглазое, удивительное существо, которому такъ пустынно онъ измѣнилъ за эти короткіе дни и которому съ такой большой и томительной радостью могъ бы онъ принести дары предстоящей славы и новаго зова жизни. Ей могъ бы разсказать онъ о всемъ, и она бы все поняла, потому что Таня — именно та ускользающая и, можетъ быть, придуманная мечта, которую вспоилъ онъ въ себѣ въ своемъ одиночествѣ . . . Онъ ничего не сказалъ этой женщинѣ въ отвѣтъ на ея признаніе и четверть часа спустя ушелъ отсюда, полный этой вновь возникшей мечты и крутого рѣшенія — никогда сюда не вернуться.

Дожди за недѣлю прошли, смѣнились морозцами. Морозцы каляно подсушили пыль, предзимніе вѣтры вздымали вихри этого городского и колючаго праха и на бульварѣ завивались въ легкія смерчи. Кириллъ Безсоновъ шелъ по бульвару, муть очищалась въ немъ морознымъ холодѣющимъ вѣтромъ; у Пушкина на скамейкѣ сидѣли два человѣка, одинъ показался знакомымъ, Безсоновъ вглядѣлся въ него и узналъ того самого дикаго человѣка въ холщевой курткѣ, который встрѣтилъ его у поэтовъ. На человѣкѣ была теперь круглая шапка изъ собачьяго мѣха, и издали еще помахалъ онъ рукой, приглашая подсѣсть.

— Въ среду очередное собраніе, не забудьте, — сказалъ онъ посвященно, словно былъ Безсоновъ давнимъ сочленомъ; Безсоновъ горячо, было, дрогнулъ отъ благодарности, но сейчасъ же тотъ сталъ его знакомить съ сосѣдомъ:

— Знакомьтесь, Безсоновъ ... навѣрное слышали про критика Донцева?

У Донцева была густѣйшая борода, въ которой дремуче запутался онъ цѣликомъ, какъ въ греней овчинѣ. Необычайный верблюжій чапанъ долженъ

былъ дополнять славянскій этотъ—наперекоръ всѣмъ стихіямъ — обликъ.

— Крестьянскій поэтъ?—сказалъ онъ необыкновенно благостнымъ голосомъ. — Давно въ Москвѣ?

— Нѣтъ, я изъ рабочихъ... то-есть мой отецъ былъ рабочимъ, — сказалъ Безсоновъ поспѣшно и почему-то смутился.

— Что-жъ, заходите ко мнѣ, батюшка... потолкуемъ. Если талантъ есть, поможемъ на первыхъ порахъ... всѣ прошли черезъ Донцева, такъ-то, батюшка!

Въ дремучей бородѣ голубѣли бирюзовые линючіе глазки, но эти глазки показались Безсонову прекраснѣе многихъ видѣнныхъ глазъ. Донцевъ вытащилъ книжечку и записалъ карандашомъ ему адресъ. Такъ, на бульварной скамейкѣ, въ вѣтряный ноябрьскій день, судьба его освящалась серьезно на новое и невѣроятное цвѣтеніе.

IX

Въ пятницу вечеромъ, поборовъ свою нерѣшимость, Безсоновъ пришелъ къ Донцеву на квартиру. Донцевъ жилъ въ огромномъ, неряшливомъ домѣ, это былъ корпусъ дома-кавчега съ тысячью жителей, во дворѣ катали десятки дѣтскихъ колясокъ, мальчишки гоняли колеса, и множество татаръ въ разныхъ концахъ взвывали тоскующими голосами. Такая же громадная и неряшливая комната была и у Донцева, на полкахъ стояли до верху книги, но книги были всѣ какія-то потрепанныя, точно жеванныя, и на столѣ лежали пыльныя залежи рукописей съ загнутыми углами. На Донцевѣ была вышитая пестрая тюбетейка, въ которой походилъ онъ на торговца старьемъ. Въ сосѣдней комнатѣ жена качала грудного младенца, другой — вылитый папаша, съ пятилѣтней немоложавостью, держался у двери. Такъ же благостно, словно каждое слово обмакивалъ онъ предварительно въ постное масло, Донцевъ велѣлъ Безсонову сѣсть.

— Ну те-съ, — сказалъ онъ, какъ врачъ, — принесли? Читайте, батюшка. И нечего, нечего . . . читайте и все тутъ. Разговаривать будемъ потомъ.

Мучительно все же стыдясь, ходя для этого и пришелъ онъ сюда, Безсоновъ досталъ изъ кармана тетрадь. Теперь онъ дѣлалъ обдуманно то, что недѣлю назадъ казалось ему невозможнымъ, но съ того вечера у поэтовъ все это открылось, какъ возможное и даже обольщающее, — и такъ же неумѣло, съ жестами, которые были совсѣмъ ненужны, началъ читать онъ Донцеву. Донцевъ подперъ голову рукой и водилъ своимъ толстымъ носомъ, какъ бы слѣдуя за нимъ по строкамъ, затѣмъ онъ шумно вздохнулъ, сронивъ крошки со своей бороды, и сказалъ:—„Дальше". — И Безсоновъ прочелъ еще. Наконецъ, онъ кончилъ. Донцевъ оторвалъ руку отъ лба, посмотрѣлъ на него кукольными бирюзовыми глазками и сказалъ сокрушенно:

— Талантъ, батюшка . . . честное слово, талантъ! Еще поработать надъ формой — и можете завоевать мѣсто въ литературѣ. Постойте ка, я васъ къ себѣ въ словарь занесу.

Онъ выдвинулъ длинный ящикъ съ бѣлыми карточками, порылся и на бѣломъ картонномъ листкѣ сталъ записывать — имя, возрастъ, мѣсто рожденія... Затѣмъ онъ вставилъ карточку на свое мѣсто въ длинномъ лоткѣ, и Безсоновъ былъ занесенъ окончательно въ списки безсмертныхъ. Этимъ, однако, не кончилось его свиданіе съ Донцевымъ. Донцевъ снялъ свою тюбетейку, надѣлъ оленій треухъ и очень торжественно и совершенно неоспоримо сказалъ ему:

— А теперь пойдемъ вмѣстѣ въ нашъ литературный кружокъ. Я каждую пятницу привожу съ собой новый талантъ . . . талантлива Рассеюшка наша!

Онъ надѣлъ какіе-то провинціальные огромные мокроступы и знакомый чапанъ, сказалъ величественно женѣ, очень заморенной и тоскующе на него поглядѣвшей: — „Мы уходимъ", — и минуту спустя они вышли на улицу. По дорогѣ Донцевъ все время громко говорилъ о Россіи, такъ, чтобы слышали про-

хожіе и оглядывались на него, угадывая въ немъ необыкновеннаго человѣка, хлопалъ его по плечу и по-стариковски возилъ своими тяжелыми мокроступами.

Кружокъ, къ который привелъ онъ его, засѣдалъ на квартирѣ нѣкоей Варвары Николаевны Доливо, романистки и драматурга, женщины грузной, отмѣченной еще Скабичевскимъ, — сейчасъ неподвижно, какъ нѣкій буддійскій идолъ, съ благосклонной улыбкою сфинкса, сидѣвшей за длиннымъ столомъ, на которомъ въ пуританской суровости раскиданы были дѣловыя бумаги, а межъ нихъ какъ бы случайно попадались въ угрожающемъ количествѣ оттиски пьесъ и беллитристическихъ опытовъ самой романтистки Доливо. По бокамъ отъ усатой дамы сидѣли президіумомъ этого сборища старички и молодые люди съ неподвижными лицами, шуршавшіе дѣловыми бумагами, какъ на экономическомъ совѣщаніи. А кругомъ и вглубь тѣснились поэты и поэтессы, таланты, множество талантовъ, которыхъ каждую пятницу приводилъ съ собой Донцевъ — каждый разъ новаго, и на этотъ разъ привелъ съ собою Кирилла Безсонова. Огромной перезрѣлою розой, осыпающейся лепестками улыбокъ, высилась на этой человѣческой клумбѣ Доливо, увядающей прелестью щекъ подпирались въ узенькихъ щелкахъ ея японскіе глазки и почти съ гренадерскою пышностью оттѣняли значительные усы роковую недолговѣчность женскихъ обаятельныхъ чарованій. Было очень душно, накурено, и у Безсонова сразу зашлась голова, какъ только онъ окунулся въ эту гущу людей, испареній и запаховъ. Съ привычной быстротою и ловкостью всѣ растаскивали стаканы съ чаемъ и очень пышныя съ виду, но совершенно вздорныя и пустыя внутри, пирожныя — одинъ человѣческій выдохъ въ безэ.

Десятъ минутъ спустя Безсоновъ сидѣлъ подъ крыломъ хозяйки, по лѣвую отъ нея руку, какъ вновь-посвященный, отъ дамы побѣдительно шелъ воинственный запахъ одеколона и пудры. Хозяйка позвонила въ колокольчикъ, объявила засѣданіе открытымъ и сообщила данные о новомъ поэтѣ, выступающемъ впервые въ этомъ собраніи. Донцевъ сидѣлъ въ концѣ

стола, торжествуя, подмигивалъ и кивалъ ободряюще, обнадеживая его, уже какъ свое твореніе. Затѣмъ, послѣ краткой вступительной рѣчи, хозяйка предоставила слово Безсонову. Онъ всталъ и, уничтоженный этой тѣсной гурьбою глазъ, душной близостью Доливо и самолюбивымъ ужасомъ, сталъ читать. Онъ читалъ одно и другое, и третье. Временами умоляюще глядѣлъ онъ на Донцева и на хозяйку, но оба они кивали ему головой и были неумолимы. И онъ читалъ еще. Наконецъ, онъ кончилъ, — аплодировать здѣсь запрещалось, чтобы не нарушать монолитности впечатлѣній! Именно такой предупредительный плакатъ висѣлъ на стѣнѣ. Первое слово взялъ пепельный аккуратный старичокъ съ голоскомъ курсистки.

Онъ очень толково разобралъ стихи Кирилла Безсонова со стороны фонетической, слуховой, такъ сказать, указалъ на классическія вліянія, затѣмъ сказалъ слово о классической поэзіи вообще и такъ развернулся, что могъ бы, вѣроятно, прочесть безъ запинки двухчасовую профессорскую рѣчь, но время ораторовъ было ограничено. Затѣмъ говорилъ пламенный рыжій человѣкъ, онъ рыжѣлъ рѣшетомъ веснушекъ и утверждалъ со страстной горячностью, что это — поэзія упадочная, такая поэзія не нужна, и съ ней необходимо бороться. Не менѣе горячо человѣкъ въ пенснэ ужасно обиженнаго и неказистаго вида, этакій гадкій утенокъ, неоспоримо доказывалъ, что стихи Безсонова именно созвучны эпохѣ; потомъ заговорила женщина-профессоръ, необычайно обстоятельная, стриженая и похожая скуластымъ лицомъ на Плевако, — она находила погрѣшности формальнаго порядка, небрежность въ аллитераціяхъ, и еще говорили другіе, пять, семь, — Безсоновъ всѣхъ не запомнилъ въ горячемъ туманѣ, который его заволокъ, одно только было неоспоримо: всѣ они говорили о немъ, какъ о настоящемъ поэтѣ... Въ перерывѣ Донцевъ смотрѣлъ на него глазами побѣдителя, онъ прислалъ ему записочку: — „Поздравляю“, — все это было еще головокружительнѣе, чѣмъ тогда впервые, на вечерѣ у поэтовъ. Затѣмъ къ нему подошелъ тотъ же молодой человѣкъ, похожій на

утенка, и неотвратимо потребовалъ, чтобы онъ записался въ ихъ группу романтиковъ классиковъ . . .

Безсоновъ шелъ домой ночью одинъ. Осенняя ночная Москва, хлестаемая бичами безснѣжныхъ вѣтровъ, свѣтилась для него огромно и пламенно. Съ ужасомъ на мигъ онъ подумалъ, что черезъ недѣлю зачетъ, что онъ возвращается сейчасъ назадъ въ общежитіе, гдѣ всѣ уже спятъ трудовымъ сномъ, но тотчасъ же очень легко и бездумно онъ постарался прогнать эти несвоевременныя мысли. И ночь приняла его, какъ путника и пришельца.

X

Съемка, въ которой принималъ участіе Безсоновъ, кончалась. Для окончанія уѣзжали во Псковъ, на натуру, и онъ былъ ненуженъ. И въ эти послѣдніе дни онъ люто ощутилъ пустоту отъ того, что недѣлю спустя онъ станетъ чужимъ въ стеклянномъ обжитомъ павильонѣ. Онъ привыкъ уже къ этому озаренію будничныхъ дней, возникавшихъ тусклымъ сумракомъ общежитія и чередованіемъ лекцій, учебой и подготовкой къ зачетамъ. То, что только годы назадъ казалось ему однимъ лишь мечтаніемъ, возможность учиться въ столицѣ, — все это непонятно померкло передъ тѣмъ новымъ и волнующимъ, возникшимъ для него у поэтовъ и въ стеклянномъ павильонѣ для съемокъ. Искусство, которому онъ призванъ служить — по общему признанію, по общей оцѣнкѣ. И чертежи казались теперь запутанной схемой ненужныхъ никому доказательствъ, а лекціи онъ слушалъ, отсутствуя, не запечатлѣвая ихъ смысла, — и однажды онъ ужаснулся, какъ много онъ пропустилъ. Онъ пропустилъ три недѣли, то-есть непоправимо пропустилъ все то, что было теперь совсѣмъ понятно товарищамъ и вовсе непонятно ему. Почувствовавъ смущенье и ужасъ, онъ рѣшилъ все это нагнать, кинулся въ книги, пытался собрать себя, но какъ то безкостно для себя

самого онъ распадался на части. Одно было—стихи, туманныя и влекущія обѣщанія, другое,—это слаженное и теперь отчудившееся студенческое бытіе, и третье— Петровскій паркъ, свѣтъ фіолетовыхъ солнцъ, актеры съ жирными лицами отъ грима, бутафорская плѣнительная эфемерида.

Разъ, на послѣдней съемкѣ, шепнулъ на ходу Куреповъ, чтобы онъ остался по окончаніи. Въ послѣдній разъ снявъ свою бѣлокурую бороду, Безсоновъ сѣлъ на диванчикѣ ждать. За эти дни онъ не видѣлъ Вѣры Никольской; но теперь, когда разставался онъ съ этимъ, онъ примирился бъ и съ Вѣрой, лишь бы осталась она для него посредствующей связью. Ну, что же, если и нѣтъ любви... люди сводятся другъ съ другомъ не только любовью, даже рѣже всего любовью. Связь — такъ связь, обыкновенное и не обязательное ни для кого сожительство, которое такъ же легко покончить, какъ оно и возникло. Любовью могла бы быть Таня, но Таню съ того самаго дня, какъ проводилъ ее онъ до дома на Патріаршихъ прудахъ, онъ не видѣлъ, — все дальше, туманнѣй отдалялась она въ эти дни, точно, вѣрно, приснилась однажды. И отъ того, что жизнь его какъ-то плотски связалась съ Вѣрой Никольской, мечта о Танѣ становилась все тоньше, грустнѣй и возвышеннѣй. Тамъ могло бы быть все, чего искалъ онъ съ мальчишества; черты Вареньки, забытой и милой по дѣтской и невстревоженной памяти, сошлись въ ней, въ Танѣ Агуровой. Связь съ Челищевымъ не унизила ее для него, а словно обволокла ее грустью, женственнымъ облакомъ и мечтательной невозможностью. Да, если бъ съ ней, — она могла бы быть именно той его ведущей звѣздой, которая съ юности недостижимо и обѣщающе призывала его къ самому лучшему, на что только былъ онъ способенъ. Но Тани не было, а женщиной, близкой ему, могла быть только Никольская. Ну, и что же, и пусть груба и доступна для всѣхъ, онъ съ ней не сплетаетъ жизнь, а то, что есть между ними, не требуетъ обязательствъ, раздумій и грусти. Именно такъ, по мужски—притти,

потомъ закурить папироску и уйти, какъ если бъ зашелъ по дорогѣ въ пивную... Онъ дождался, пока кончили съемку. Куреповъ подсѣлъ къ нему на диванъ, онъ перекинулъ голенастыя ноги въ рыженькихъ крагахъ и сказалъ, суча на роздыхѣ папироску:

— Кончаемъ, братъ, съемку. Когда еще сниматься придется! Но дѣло не въ этомъ. Бываетъ — и чаще всего, что люди совсѣмъ безъ таланта бо-ольшую карьеру строятъ. Ты думаешь, надо только талантъ имѣть — и дальше само собой все покатится? Вотъ именно нѣтъ! Умѣніе надо имѣть, прежде всего. Умѣніе и лишнюю пружинку въ головѣ. А безъ этого и талантъ впустую. Я это къ чему? Да къ тому, что вся твоя жизнь въ твоихъ же рукахъ, братишка, а можешь, конечно, птицу въ два счета изъ рукъ выпустить... это очень легко, не ко всякому въ руки она залетаетъ. А разъ залетѣла — надо вотъ такъ держать!

И Безсоновъ подумалъ о своей недавней удачѣ, именно стремительной птицей залетѣвшей такъ неожиданно въ его руки...

— Весь этотъ разговоръ потому я затѣялъ, — сказалъ снова Куреповъ, — что много я видѣлъ, какъ вашего брата пескомъ уносило... А надо на двухъ ногахъ стоять крѣпко, Безсоновъ, сноровку и кулаки имѣть. А главное — деньги. Ты думаешь, чѣмъ профессоръ Челищевъ Татьяну впервые смутилъ—красотой или лекціей? Нужна его лекція ей! Отличной жизнью, умѣньемъ отлично жить... а жить отлично можно только съ деньгами. Такъ вотъ я, можетъ быть, молодость твою жалѣю, смѣшно и противно мнѣ видѣть, когда человѣкъ наберетъ пуху, а въ крыло пухъ не выгонитъ. И весь разговоръ этотъ къ тому я затѣялъ, что подумай, братишка, о жизни, за пятакъ себя не сдавай и мечтать брось! Въ наше время мечтать — жизнь въ корешокъ загонитъ. А ты жизнь лучше пальцами щупай, вотъ какъ матерію... — и Куреповъ своими короткими пальцами, и іодными отъ табаку, щупко и жадно пошевелилъ передъ нимъ. — А если нуженъ совѣтъ... можешь повѣрить

мнѣ — не ошибешься, я жизнь съ трехъ сторонъ обошелъ.

Многое такое говорилъ ему въ этотъ день Куреповъ, въ общемъ безтолково и пространно о жизни, и одно лишь со страшною силой запечатлѣлъ Безсоновъ въ себѣ: то что сказалъ Куреповъ о Танѣ. Только потомъ сообразилъ онъ вполнѣ, откуда же могъ знать Куреповъ о Танѣ? Быть можетъ, ему разсказалъ Свербѣевъ, но почему же Куреповъ говорилъ о ней такъ, словно зналъ ее самъ? И Таня, — огромно и воспалительно возникла въ немъ снова. Чужіе люди говорили о ней, съ его окольныхъ путей они возвращали его на эту мучительную и волную щую дорогу, гдѣ могъ бы онъ, вѣроятно, быть честнымъ съ собой до конца. Пусть придумано все, но вотъ въ этой осени, въ хляби московскихъ улицъ, въ зеленоватомъ чаду фонарей, въ этой чужой городской толпѣ, сумасшедше несущейся въ вечеръ, — во всемъ этомъ мрачномъ равнодушіи города развѣ не единственный и ведущій свѣтъ — чье-то нераскрытое и мучительно-близкое, и мучительно-недоступное сердце? Съ ней вдвоемъ могъ бы онъ отдаться труду, о которомъ мечталъ въ дощатомъ сугробѣ провинціи, весь хаосъ этого послѣдняго мѣсяца проплылъ бы мимо, его не коснувшись, — а сейчасъ его распалила вся эта невѣрная кутерьма, разговоры о славѣ, десятки новыхъ людей, его окружившихъ, и теперь иначе, по-новому всколыхнулась мысль о Танѣ...

Въ своей нищетѣ, въ жалкомъ провинціальномъ пальтишкѣ съ какими-то нелѣпыми кармашками, которое подарилъ ему на прощаніе Ягодкинъ, въ разношенныхъ рыночныхъ башмакахъ, въ кепкѣ съ большимъ козырькомъ, сработанной подъ англійскую, — на что онъ можетъ разсчитывать? Золотая розсыпь волосъ тускнѣетъ отъ жалкихъ тридцати-копеечныхъ обѣдовъ въ студенческой дешевой столовкѣ, гдѣ такіе же молодые, какъ онъ, похожи на ссохшихся архивныхъ чиновниковъ. А будущее — и какое еще оно будетъ, это будущее? — За пятью годами недоѣданія и труда, за пятью годами учебы, сѣраго житьишка въ

большомъ и неопрятномъ общежитіи, гдѣ нѣтъ даже простой человѣческой чистоты, гдѣ люди живутъ словно не въ домѣ, а на ходу, какъ въ казармѣ или на постройкѣ. Можетъ быть, если бы былъ у него свой уголъ, съ книгами и мечтаніями, какъ жилъ онъ одинъ послѣ смерти отца, — можетъ быть, тамъ онъ сумѣлъ бы собрать себя и провѣрить, съ легкостью разстаться со всѣмъ тѣмъ невѣрнымъ шумомъ, который его окружилъ теперь, вернуться къ единственно важному и подумать о всемъ до конца — проще, искреннѣй, человѣчнѣй... Но этого не было.

И вотъ тогда правъ всецѣло Куреповъ, что нужно хвататься за жизнь, нужно умѣть осѣдлать эту непокорную упрямую кобылицу, иначе она же равнодушно и совсѣмъ безучастно затопчетъ копытами. А съ деньгами и славой — о, какъ уже горько щемило это доселѣ непонятное слово! — Съ деньгами и славой можно многое добыть изъ того, на что улыбнется самое недоступное сердце. И онъ поразился себѣ на мигъ, какъ побѣдительно и безъ всякихъ на это правъ думаетъ теперь онъ объ этомъ, какъ страшно далеко, точно прошли десятилѣтія, легли позади первые его мечтанья о жизни, и люди, лучшіе люди—отъ Макара Макарыча и до Ягодкина — казались теперь уплывшими навсегда, какъ далекія весеннія льдины.

День спустя упрямо и словно все для себя рѣшивъ, Кириллъ Безсоновъ пошелъ къ тому молодому утенку, съ которымъ познакомился онъ у Варвары Николаевны Доливо. Въ большомъ красномъ домѣ съ дворянскимъ гербомъ на фронтонѣ была толчея, множество молодыхъ людей въ кепкахъ, съ поднятыми воротниками и съ тугими портфелями, дѣловито взбѣгали и сбѣгали по лѣстницѣ, въ комнатахъ по бокамъ глубокаго коридора шли засѣданія въ сизѣйшемъ табачномъ дыму, изъ дыма выбирались очень дѣловито такіе же молодые люди въ кепкахъ, поднимали воротники пальто и озабоченно спѣшили куда-то. Въ одной изъ комнатъ нараспѣвъ читали стихи, въ другой комнатѣ тоже нараспѣвъ читали стихи, но по-мужицки, съ оканьемъ, въ третьей ком-

натѣ сидѣли дѣловымъ полукругомъ какіе-то люди. Бозсоновъ сунулся сюда, но человѣкъ въ роговыхъ очкахъ сказалъ ему басомъ:—„Постороннимъ нельзя!“—Наконецъ, въ концѣ коридора, въ маленькой комнатѣ Безсоновъ увидѣлъ утенка. Утенокъ сидѣлъ за столомъ, а на столѣ вокругъ него сидѣли люди въ пальто и курили. Утенокъ узналъ его, пожалъ, не вставая, руку — держался онъ здѣсь по-министерски, впрочемъ, сказалъ дѣловито: — „Записаться пришли?“—полѣзъ въ столъ, досталъ желтую книжечку членскаго билета, вписалъ фамилію, расписался очень размашисто, подулъ на печать, оттиснулъ лиловый кругъ,—и Кириллъ Безсоновъ сталъ членомъ группы романтиковъ-классиковъ. Съ билетомъ въ рукѣ онъ вышелъ въ коридоръ, тамъ съ полыхающимъ сердцемъ раскрылъ онъ желтую книжечку, можетъ быть, впервые опредѣлявшую настоящую цѣль его жизни, — но въ эту минуту дикій человѣкъ въ холщевой курткѣ, который ввелъ его тогда въ кругъ поэтовъ, налетѣлъ на него, сокрушительно пахнулъ табакомъ и яростно завопилъ:

— Зачѣмъ вы къ нимъ записались?.. Все равно мы васъ считаемъ своимъ! Поэты только у насъ, Безсоновъ!

И, дико ершась на ходу, словно мелко треща электричествомъ, какъ каучуковый гребешокъ, онъ потащилъ его за собой.

XI

За недѣлю до сдачи зачета Безсоновъ окончательно понялъ, что пропущеннаго — ему не нагнать. Онъ желѣзно рѣшилъ не выходить никуда всю недѣлю, зарыться въ книги и лекціи, но книги были насмѣшливы, онѣ мигали непонятными сочетаніями формулъ, и онъ обнаружилъ, что пропустилъ чудовищно много. Какіе-то пласты обыкновенно откладывались размѣреннымъ ходомъ занятій; теперь начинать было нужно страшно издалека. Слабѣя отъ этой невозможно-

сти, какъ бы отъ удушія, онъ все же рѣшилъ одолѣть себя прежней волей. Въ общежитіи, вмѣстѣ съ нимъ, на трехъ продавленныхъ койкахъ, жили еще три студента: точно такъ же, какъ всѣ, они убѣгали часто на цѣлые дни, искали работу, распространяли изданія, разгружали вагоны — и вечерами, глубоко въ ночь иногда, расшифровывали карандашныя записи лекцій. Безсоновъ мало сдружился съ кѣмъ, какъ то по-первоначалу занялъ Свербѣевъ въ немъ первое мѣсто, и дальше уже неразрывно все сплелось съ нимъ.

Готовясь къ зачету, думалъ Безсоновъ не разъ о человѣкѣ, котораго начиналъ ненавидѣть. Давно мысль объ этомъ его удручавшемъ зачетѣ тѣсно сошлась съ уже ненавистнымъ и великолѣпнымъ обликомъ профессора Челищева. Второй разъ вставалъ тотъ на его пути, вторично предстояло ему, Безсонову, протаять молчаливою тѣнью мимо громкаго этого и увѣреннаго въ себѣ человѣка. Его имя связалось съ именемъ Тани Агуровой, и то, что вначалѣ показалось Безсонову лишь таинственной и волнующей нитью ея жизни, — обрастало теперь угрюмой ненавистью къ этому человѣку. Въ чемъ былъ, въ сущности, тотъ виноватъ передъ нимъ? Въ томъ, что прошелъ онъ большую школу жизни, въ томъ, что онъ талантливый изобрѣтатель, удачникъ, въ томъ, наконецъ, что онъ превосходно умѣетъ играть своимъ голосомъ и нравиться женщинамъ? Но развѣ это порокъ или гнусность? Это линія человѣка, сумѣвшаго осѣдлать упрямую кобылицу, то есть сдѣлавшаго именно то, о чемъ твердилъ столько разъ механикъ Куреповъ. Если зависть — но развѣ прежде зналъ онъ въ себѣ это чувство? Онъ хотѣлъ лишь учиться, онъ пріѣхалъ въ этотъ городъ, чтобы восторженно отдаться труду, и вдругъ городъ позвалъ его полными своими, тревожными и дикими голосами. Кто виноватъ въ этомъ? Ужъ, конечно, не профессоръ Челищевъ, и все же ненависть была къ нему именно. То, что разсказывалъ Свербѣевъ о немъ, то, что говорилъ о немъ механикъ Куреповъ, — всѣ возвращались къ

нему всегда, когда говорили о превосходной и отлично слаженной жизни. А для него, для Безсонова, — дни непомѣрной учебы, сидѣнія на своей продавленной койкѣ и унизительное ожиданіе провала.

И день зачета пришелъ. Въ аудиторіи было пустынно, только внизу, въ первомъ ряду, сидѣло десятка два или три студентовъ, тоже сдававшихъ зачетъ. Въ высокихъ сумрачныхъ окнахъ невесело теплился день. Вскорѣ небрежно вызвалъ Челищевъ первыхъ къ доскѣ. Застучали мѣлки, доску стали кроить кривыя линіи чертежей. Не отрываясь, Безсоновъ слѣдилъ за движеніями рукъ товарищей. Все было понятно, таинственные значки раскрывались для него въ своемъ смыслѣ, и торжество ловца удовлетворенно и жарко возникло въ немъ вновь. Съ довольными лицами, запотѣвшіе, первые студенты вернулись на мѣста и собирали книги и записи: зачетъ былъ сданъ. Безсоновъ заранѣе по фамиліямъ прикинулъ, что ему выходить въ четвертую очередь.

И вдругъ Челищевъ вмѣстѣ съ двумя другими вызвалъ его. Ему показалось сначала, что онъ только ослышался, но профессоръ свѣжимъ и безучастнымъ голосомъ повторилъ его имя. Сразу смутившись, онъ вышелъ къ доскѣ. Здѣсь, впервые такъ близко, онъ увидѣлъ Челищева. Легкій взлетъ его волосъ, сѣдѣющихъ на вискахъ, свѣже-пробритые и вовсе молодыя губы, нѣсколько высокомѣрно изогнутый носъ, эти актерскія складки отъ крыльевъ носа и привычка слушать себя, звучаніе своего голоса.

Да, отъ него, отъ его отлично сшитаго пиджака, отъ холеныхъ, припухлыхъ на сгибахъ рукъ — пахло именно превосходной, устоявшейся, во всемъ провѣренной жизнью. Подавленный имъ и смущенный, чувствуя свое униженье отъ этого, Безсоновъ ожидалъ задачи. Сразу многое изъ того, что съ такимъ одолѣлъ онъ трудомъ, забылъ онъ въ эту минуту. И Челищевъ, глядя мимо него, словно стараясь найти самое сложное, задалъ ему рѣшеніе расчета коленчатаго паровознаго вала.

Огромная восхищенная радость пролилась въ Безсоновѣ. Это было именно то, что зналъ онъ лучше всего другого, почему-то нѣсколько разъ имъ продѣланное и перерѣшенное. Онъ подошелъ къ доскѣ, взялъ въ руку мѣлокъ въ бумажкѣ и быстро сталъ набрасывать формулы. Увѣреннымъ размахомъ онъ набросалъ схему, старательно вычертилъ кривые и пошелъ разсчитывать далѣе, уже увлекаясь, захваченный удачей, почти восторженно усложняя лабиринты этихъ формулъ и выбираясь изъ нихъ къ рѣшенію. Четверть часа длился этотъ его пожаръ. Наконецъ, въ послѣдній разъ онъ стукнулъ мѣлкомъ по доскѣ и обернулся къ профессору. Тотъ стоялъ позади и издалека слѣдилъ за его работой. Затѣмъ онъ подошелъ неспѣша, взялъ мѣлокъ и сказалъ тѣмъ же свѣжимъ и безучастнымъ голосомъ:

— Расчетъ неправиленъ... у васъ давленіе на правый подшипникъ дѣйствуетъ кверху, а не книзу, — онъ быстро перечеркнулъ его расчетъ на доскѣ, — вы не учили повышенія нагрузки вдвое при ударахъ. — Онъ опять очень обидно и унизительно перечеркнулъ на доскѣ и вдругъ сказалъ, глядя прямо ему въ глаза своими чуть выпуклыми и словно хищными глазами:

— Скажите лучше правду, Безсоновъ, что вы плохо подготовились къ зачету. Я не терплю такого отношенія къ предмету... Я допускаю ошибки, онѣ всегда возможны, но не полное отсутствіе знаній. Я не могу зачесть вамъ зачета.

Онъ пошелъ къ своему столику и сдѣлалъ отмѣтку на бѣломъ листѣ. Безсоновъ увидѣлъ въ туманѣ серьезныя лица товарищей въ первомъ ряду: это былъ первый провалъ. Нѣкоторые лихорадочно листали страницы, ища расчета коленчатаго вала. И Челищевъ, такъ же спокойно, словно ничего не случилось только что съ нимъ, съ Безсоновымъ, точно чудовищно и непоправимо на него не надвинулось это ощущеніе провала, — вызвалъ слѣдующаго. Безсоновъ, не видя, собралъ тетради и книги и вышелъ изъ аудиторіи въ коридоръ. Впервые онъ ощутилъ такое ненасытимое одиночество, такую пустыню, въ

которой онъ оказался теперь, что не зналъ, куда же итти. Такъ, не видя людей, онъ вышелъ на улицу и не думая и не размышляя, пошелъ къ единственно близкому теперь человѣку — къ Свербѣеву. Свербѣевъ самъ открылъ ему дверь; опять за нимъ слѣдомъ пошелъ Безсоновъ по коридору со шкафами, изъ дверей по бокамъ по-берложьи выглядывали жильцы, въ кухнѣ водопадомъ шумѣли примуса.

— Ты что въ такой часъ,—спросилъ Свербѣевъ, впуская къ себѣ, — дѣло какое нибудь есть?

— Да... то есть нѣтъ, отвѣтилъ Безсоновъ. — Ничего, въ сущности, нѣтъ. Сегодня я провалился на зачетѣ, Свербѣевъ!

Онъ сказалъ это и смотрѣлъ мимо Свербѣева, такъ невыносимо было это признаніе.

— Вотъ оно что!.. — и Свербѣевъ приподнялъ значительно бровь. — Челищевъ провалилъ? Ну, что же, онъ себѣ вѣренъ, какое до насъ ему дѣло, развѣ онъ въ такихъ условіяхъ работаетъ! Попробовалъ бы подготовиться въ общежитіи, да еще съ однимъ учебникомъ на троихъ. Нѣтъ справедливости, братъ, нѣтъ и не будетъ никогда! Челищевъ собирается за границу, деньги копитъ, тысячи сколачиваетъ, и не все ли ему равно, что ты, студентъ Безсоновъ, терзаешься. На что ты нуженъ ему со своими терзаніями! Онъ за два патента тысячъ десять сразу получитъ, у него денегъ — на пять лѣтъ жизни хватило бы намъ... Это гора Кириллъ! — И Свербѣевъ какъ-то крылато и странно, какъ крылья стервятникъ, распялилъ руки. — Я бы за то, что студентокъ онъ портитъ да за все его равнодушіе къ намъ, да за всѣ его капиталы, — я бы сокрушилъ эту гору и не побоялся, Кириллъ!.. — И, все это выдохнувъ, Свербѣевъ сразу сорвался и какъ бы потухъ. — Впрочемъ, это я такъ... тебя жалѣючи, да Татьяну мнѣ жаль, отъ этого у меня такое къ нему. Ты Татьяну давно не видалъ? — спросилъ онъ еще какъ бы мелькомъ.— А она о тебѣ справлялась, — и вдругъ жалко и мучительно эти слова проникли сейчасъ въ тоскующее сердце Безсонова. Таня! Вотъ съ кѣмъ была бы

легка для него эта его неудача, этотъ его провалъ. Заглянуть въ ея строгіе глаза — и больше уже не думать ни о чемъ и не сомнѣваться ни въ чемъ.

И онъ страстно и восхищенно сказалъ:

— Послушай, Свербѣевъ, устрой мнѣ съ ней встрѣчу... не вѣрю я во всѣ эти слухи... а если бы даже и такъ, не мнѣ быть судьей!..

Подумавъ, Свербѣевъ отвѣтилъ:

— Съ Челищевымъ, конечно, муть одна, да и быть ничего другого не можетъ... онъ человѣкъ женатый, репутацію свою бережетъ, а если и есть романтикъ съ хорошенькой студенткой, такъ это на сторонѣ. Ладно я устрою, Кириллъ! А если ты себя человѣкомъ покажешь по настоящему, можешь самъ еще такой провальчикъ устроить Челищеву, какъ онъ тебѣ сегодня устроилъ. Въ твоихъ рукахъ это, увѣренъ я! Таня сама угла для себя ищетъ, а не мути. И не денегъ его, конечно, ей надо, не такая она... Мнѣ бы вотъ его деньги! — Тутъ Свербѣевъ вытянулъ ноги и потянулся съ истомой, — мнѣ бы вотъ его деньги, или намъ бы съ тобой... мы бы кра-асивую жизнь затѣяли...

И Безсоновъ удивился, что говоритъ Свербѣевъ о томъ же и съ тѣмъ же почти выраженіемъ, о чемъ недѣлю назадъ ему говорилъ Куреповъ.

— Кра-асивую жизнь, Кириллъ!.. Ну, да ладно, впрочемъ, такъ или иначе, а денегъ на красоту мы добудемъ. А насчетъ провала не сокрушайся, чепуха все это, не стоитъ ни одного твоего вздоха. Можетъ быть, черезъ мѣсяцъ мы сами провалимъ Челищева, да покрѣпче, чѣмъ онъ тебя... надо только въ себѣ волю беречь, вотъ какъ ножъ перочинный съ собою носить всегда.

Свербѣевъ досталъ изъ шкафчика два стакана, въ углу на полу у него стояла бутылка съ остаткомъ водки, и Безсоновъ жадно обжегъ себя первымъ и благословеннымъ глоткомъ. Вотъ когда пришлось это кстати и какъ бы заливало черную развернутую въ немъ пустоту.

— А о томъ, что я тебѣ сегодня сказалъ, ты крѣпко подумай, — сказалъ Свербѣевъ и задержалъ его руку съ рюмкой, — нельзя, чтобы такая несправедливость была въ наше время — однимъ все, а другимъ объѣдки и милость . . . Мы съ тобой на заводахъ росли, Кириллъ, руки у Челищевыхъ коротки. Понялъ?

И хотя ничего и не понялъ Безсоновъ, съ торопливой готовностью онъ кивнулъ головой. Часъ спустя, успокоенный и потеплѣвшій, онъ вышелъ отсюда, прошелъ по Бронной и, почти усмѣхнувшись счастливо пойманной мысли, свернулъ въ ворота двора и сталъ подниматься по скрипучей знакомой лѣстницѣ къ Вѣрѣ Никольской.

XII

Въ половинѣ второго Таня Агурова, какъ условилась она въ этотъ день съ Челищевымъ подошла къ бѣлесымъ круглымъ часамъ возлѣ остановки трамвая. За ночь выпалъ снѣгъ очень густо, и теперь городъ былъ бѣлъ, нахохленъ и полонъ тѣхъ туманныхъ и зимнихъ предчувствій, когда тишина смѣняетъ вдругъ стукъ колесъ, и серебряными синицами тенькаютъ въ снѣговой тишинѣ коньки веселыхъ и бездумныхъ подростковъ. Ножка стрѣлки на пять минутъ не дошла до половины второго, и Таня встала возлѣ часовъ, взглядывая временами, какъ вздрагиваетъ и спускается внизъ колючая стрѣлка. Таня прятала въ мѣхъ воротника зябнущій подбородокъ и глядѣла на острую бѣлизну снѣговъ, на далекій разбѣгъ рельсъ вдоль бульвара, на мохнатую кутерьму обвисшихъ подъ снѣгомъ деревьевъ, — и то, ради чего пришла она сюда въ дѣловой и будничный часъ, удивительно и непоправимо прошло передъ ней за эти минуты раздумій и ожиданья.

Бываетъ такъ съ человѣкомъ, что остановится онъ на минуту въ своемъ городскомъ разбѣгѣ, дожидаясь трамвая иль встрѣчи, множество людей суетливо проходитъ мимо, какъ бы обтекая его, а онъ стоитъ

среди нихъ со своимъ короткимъ раздумьемъ, и тогда много мыслей возникнутъ и необыкновенно отчетливо, городскимъ сновидѣніемъ, проплывутъ передъ нимъ.

Какъ, въ сущности, произошла ея близость съ Челищевымъ, что потянуло къ ней этого чужого, гораздо старше ея, совсѣмъ другого круга человѣка, и что неотразимо влекло ее къ нему — со страшной и непобѣдимою силой? Три года тому назадъ братъ выписалъ ее изъ провинціи — продолжать учиться въ Москвѣ. Дмитрій Агуровъ кончалъ военную академію; онъ жилъ уединенно, съ военными холостыми привычками. Послѣ лѣтъ крови и войнъ, черезъ которыя самъ онъ прошелъ въ полной мѣрѣ, онъ ощущалъ теперь страстную жажду учиться, пригонять себя къ знаньямъ, заново строить жизнь. Давно рѣшилъ онъ помочь сестрѣ перебраться сюда изъ провинціи; два года назадъ, послѣ гимназіи, она остановилась на провинціальномъ распутьи, и теперь послѣ кроткой тишины знакомыхъ улицъ, бѣлаго вѣтхаго домика съ крашеными полами, гдѣ прошло ея дѣтство, послѣ близости къ матери, — Москва и волнующее бѣлое зданіе, передъ которымъ стоялъ Ломоносовъ и въ которое вошла она полноправно, смѣнили впечатлѣнія дѣтства. Дмитрій Агуровъ устроилъ ее на факультетъ общественныхъ наукъ. Онъ поселилъ ее вмѣстѣ съ собой, онъ хотѣлъ руководить ею,—очень по хорошему они были близки съ дѣтства.

Таня пріѣхала въ этотъ городъ съ той же свойственной обоимъ имъ волей добиваться того, что поставила передъ собой. Сейчасъ она хотѣла по-новому создать свою жизнь: для этого много еще было нужно учиться. Она была прежней, тою же дѣтской, какую зналъ Дмитрій Агуровъ, только развѣ за эти годы лишеній побольше взрослаго упорства легло межъ бровей и въ серьезномъ маленькомъ ртѣ. Онъ очень обрадовался сестрѣ, но скоро привыкъ къ тому, что она здѣсь, снова съ нимъ, былъ очень онъ занятъ, — и для Тани началась своя особая, вполнѣ самостоятельная жизнь Дни опредѣлились занятіями, обѣдами въ столовкахъ, вечера—въ кружкахъ, рѣже дома, иногда въ театръ по дешевому билету, разыгранному въ студенческой лотереѣ. Еще въ дѣтствѣ, тринад-

цати лѣтъ, Таня влюбилась въ преподователя рисованія, художника Черемушкина. Это былъ жилистый, семинарскаго облика человѣкъ, скорѣе непривлекательный; незлобиво насмѣхались надъ нимъ гимназистки. Можетъ быть, именно потому онъ показался дѣвочкѣ страдающимъ и возвышеннымъ, и ей захотѣлось придти къ нему и сказать, что вотъ ей, Танѣ Агуровой, всегда были ближе всего люди, которые одиноки и не слишкомъ счастливы — а тамъ пусть будетъ что будетъ. Она очень серьезно рѣшила для себя все это и отправилась къ Черемушкину на квартиру. Художникъ былъ дома, онъ встрѣтилъ ее удивленно, выслушалъ все, что она говорила ему, сталъ смѣяться, хлопать себя по бокамъ и шагать журавлиными своими ногами по комнатѣ. Потомъ онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату и привелъ съ собой некрасивую дѣвочку съ двумя косами, очень похожую на него и чуть помоложе, чѣмъ Таня. Онъ познакомилъ съ ней Таню, и это оказалась его дочь. Художникъ хотѣлъ, чтобы онѣ обязательно стали подругами, дѣвочки посидѣли другъ противъ друга, говорить было не о чемъ, и Таня собралась домой. Такъ кончилось это первое для нея увлеченіе.

Уже недавно, окончивъ гимназію и растерянно остановившись на распутьи, Таня рѣшила, что сама поведетъ свою жизнь. Братъ былъ на фронтѣ, вмѣстѣ съ матерью она жила очень худо. Она долго страдала, видя, что ничего не умѣетъ, и пошла къ предсѣдателю исполкома. Къ нему ее не пустили, но она дождалась его въ коридорѣ, остановила и сказала, глядя ему прямо въ глаза своими синими прекрасными глазами, что она хочетъ работать, что ей нужно содержать мать и себя, она знаетъ языки и можетъ дѣлать все, что ей скажутъ. Просьба эта, выраженная съ большимъ и недѣтскимъ достоинствомъ, весь обликъ смѣлой маленькой дѣвушки, — все это было столь разительно, что, вопреки правиламъ, предсѣдатель провелъ ее за собой, и день спустя Таня поступила служить въ административную часть. Вскорѣ братъ предложилъ ей дальше учиться въ Москвѣ, и съ той же рѣшимостью перевела она стрѣлку жизни. Она рѣшила жить цѣликомъ на стипендію, урѣзавъ

себя во всемъ, и помогать матери работой, какая найдется. Эту работу она нашла — въ одной изъ газетъ ей предложили давать замѣтки о студенческой жизни. Она обходила высшія школы и общежитія, собирала свѣдѣнія, бесѣдовала съ профессорами, и всѣ, кто видѣлъ эту дѣвушку въ кожаной курточкѣ, съ каштановой прядкой волосъ, съ очаровательной неправильностью мелкихъ зубовъ—этого маленькаго и удивительнаго репортера, всѣ охотно давали ей свѣдѣнія, и желтый карандашикъ въ ея рукѣ торопливо отмѣрялъ страницы блокъ нота.

Въ студенческомъ общежитіи, однажды, Таня встрѣтила Свербѣева. Въ этомъ жилистомъ угреносомъ человѣкѣ, очень постарѣвшемъ за эти годы, она узнала старшаго сына телеграфиста Свербѣева. Они жили черезъ домъ по ихъ улицѣ въ родномъ городѣ. У Свербѣева было пять сыновей — всѣ такіе же долгоносые, угреватые, великовозрастные; старшій былъ — Федоръ. Федоръ Свербѣевъ тоже узналъ въ этой дѣвушкѣ маленькую, самолюбивую и остроглазую дѣвочку Таню. И то, что Федоръ Свербѣевъ былъ какъ бы сколкомъ милыхъ, незабываемыхъ лѣтъ, то, что былъ это — Федька Свербѣевъ въ гимназическомъ изломанномъ картузѣ, — такая же изломанная кепка была и сейчасъ на немъ, — Таня этой встрѣчѣ обрадовалась. Обрадовался и Федоръ Свербѣевъ. Во многомъ онъ обѣщалъ ей помочь — и помогъ. Онъ доставалъ ей нужныя свѣдѣнія, Таня приходила къ нему иногда на квартиру, и Федоръ былъ съ ней всегда подружески простъ. Таня сказала брату, что встрѣчается теперь со Свербѣевымъ, тотъ удивился, и вмѣстѣ они вспомнили многое изъ дѣтскихъ ихъ лѣтъ.

Свербѣевъ давалъ Танѣ всѣ свѣдѣнія о жизни ихъ института, и именно онъ однажды сказалъ ей, что нужно обязательно устроить бесѣду съ профессоромъ Челищевымъ по поводу его изобрѣтеній. Въ газетахъ въ это время о Челищевѣ много писали, и Свербѣевъ взялся устроить, что Челищевъ приметъ Таню у себя на квартирѣ и все разскажетъ о планахъ и послѣднихъ своихъ изобрѣтеніяхъ. Такъ онъ все и устроилъ, и Танѣ удалось получить бесѣду съ Челищевымъ. Челищевъ ожидалъ, вѣроятно, что придетъ бывалый газет-

ный сотрудникъ, онъ приготовился къ тому, чтобы очень пространно разсказать о своихъ изобрѣтеніяхъ, и вдругъ явилась эта маленькая смѣлая дувушка, она пришла къ нему очень рѣшительно и заявила, что она отъ газеты.

Онъ провелъ ее къ себѣ въ кабинетъ, и Таня впервые увидѣла человѣка, о которомъ столько гововили вокругъ. Совсѣмъ свѣжее и почти молодое лицо, сѣдые виски, которые не старѣли, а скорѣй освѣжали, и эти незабываемые, необыкновенно блестящіе и умные глаза, смотрѣвшіе на маленькаго и смутившагося репортера. Онъ разсказалъ ей о всемъ, онъ самъ записалъ въ ея блокъ-нотѣ то сложное, что было бы ей, навѣрно трудно запомнить, начертилъ чертежъ, онъ обошелся съ ней такъ просто, какъ настоящій и большой человѣкъ, и Таня ушла отсюда смущенная, плѣненная имъ, заласканная великолѣпнымъ голосомъ, этимъ умѣніемъ необычайно упростить многое сложное. Ея большую замѣтку о немъ напечатали цѣликомъ; въ сущности, это было первою для нея пробой.

Съ этого дня ей дали работу по настоящему; съ блокъ-нотомъ, съ портфельчикомъ, всегда рѣшительно и дѣловито, она приходила туда, куда не пускали газетчиковъ, и ее пускали и давали ей свѣдѣнія. Но главное — то первое, съ чего началась эта ея работа, она не забывала: очень всецѣло и даже временами тревожно возникалъ въ ней Челищевъ. И самое странное было то, что Свербѣевъ неусыпно подогрѣвалъ въ ней эти ея впечатлѣнія. Онъ будоражилъ въ ней этого человѣка, и Челищевъ становился еще великолѣпнѣе и даже возвышеннѣй того, какимъ запомнила она его для себя послѣ первой ихъ встрѣчи.

Какъ разъ къ этому времени Челищевъ осуществлялъ опыты съ новымъ автоматическимъ сцѣпленіемъ вагоновъ. Это его изобрѣтеніе должно было уничтожить цѣлыя арміи сцѣпщиковъ, то-есть произвести огромную реформу въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Первые результаты были превосходны, — опять всплылъ этотъ удачливый человѣкъ, неугомонный изобрѣтатель. И снова, именно тогда, когда къ этому былъ большой интересъ, Свербѣевъ вторично устроилъ встрѣчу Тани съ Челищевымъ.

— Это опять вы пришлете того юнаго репортера? — спросилъ у него Челищевъ весело и тотчасъ же согласился.

И въ пятницу, въ семь часовъ вечера, Таня, очень волнуясь, но подавивъ въ себѣ это, такъ же рѣшительно, какъ дѣлала все въ своей жизни, пошла къ нему. Онъ жилъ въ небольшомъ двухэтажномъ домѣ, въ одномъ изъ переулковъ Арбата. Переулки были глухи по-провинціальному, въ садахъ за заборами осыпались деревья, и совсѣмъ деревенскими голосами перекликались передъ сномъ пѣтухи. Челищевъ самъ открылъ дверь и впустилъ ее. Онъ улыбнулся ей, было, но Таня вдругъ ощутила, что улыбка была неувѣренной, — и его эта встрѣча словно чѣмъ-то смущала. Челищевъ провелъ Таню въ свой кабинетъ, и тамъ она сѣла на его огромный диванъ.

Въ кабинетѣ было очень тихо, на полу лежали свертки чертежей, книги стояли доверху, — это былъ кабинетъ ученаго. Таня достала блокъ-нотъ изъ портфелика, но поняла, что волнуется вовсе и никакъ не можетъ раскрыть блокъ-нотъ. Челищевъ сидѣлъ въ креслѣ напротивъ, смотрѣлъ на нее и потиралъ рукой подбородокъ. Наконецъ, они заговорили, онъ отвѣчалъ ей, щурясь, какъ бы думая о своемъ. Многое записала она машинально, жалко скакали буквы на разграфленномъ въ клѣтки блокъ-нотѣ. Внезапно она подняла глаза и почти умоляюще на него посмотрѣла. Она не умѣла скрывать того, что нужно сказать, чтобы ие получилась такая вотъ ложь и сковывающая неловкость. И взглядъ ея тоже скрывать не умѣлъ, какъ не умѣла она никогда притворяться и лгать. Она поняла, что необычайно все жалко это сейчасъ, что нужно уйти, убѣжать отсюда, потому что всѣ ея мысли объ этомъ человѣкѣ, все то, что она пронесла въ себѣ за многіе мѣсяцы, — все это безпомощно и ни на что не надѣясь, она откроетъ сейчасъ передъ нимъ . . .

Вдругъ Челищевъ очень быстро шагнулъ къ ней и поднялъ блокъ-нотъ, соскользнувшій съ ея колѣнъ. Но онъ не вернулся назадъ, а сѣлъ съ нею рядомъ. Она сидѣла все такъ же, глядя отчаянно передъ собой. Его большая рука очень мягко и дружественно коснулась ея руки. Наклонившись, испытуя, какъ

врачъ, онъ поглядѣлъ ей въ глаза. И она отвѣтила долгимъ, во всемъ признающимся, ничего не умѣющимъ скрыть взглядомъ. Такъ они смотрѣли другъ другу въ глаза, снова блокъ-нотъ соскользнулъ съ ея колѣнъ на полъ, его не поднялъ никто. Сіяющимъ, глубоко его потрясшимъ взглядомъ, она гдядѣла ему въ глаза, содрагаясь отъ всей невозможной близости къ этому человѣку, которому она отдала столько дней и ночей своей мечты и раздумья. Пусть все это было немыслимо, ужасно для нея, сокрушительно для ея жизни, но, вѣроятно, къ этому она шла съ упорствомъ и волей всей своей молодости, какъ всегда шла съ упорствомъ къ тому, что поставила передъ собой на пути. И, можетъ быть, во всей ней, во всей наивной ея чистотѣ, въ этомъ сіяніи глазъ, ни разу не обманувшихъ, было столь сильное, столь плѣнительное именно зовомъ молодости, страстныхъ неразбуженныхъ силъ, что и его захватило тоже давнимъ и уже забываемымъ безразсудствомъ, и Челищевъ, не отрывая взгляда отъ ея глазъ, потянулся къ ней, загорѣвшись, не думая ни о чемъ, не вспоминая, какъ бы мгновенно утративъ свою холодную выдержку.

Такъ произошла эта встрѣча, это первое сближеніе съ человѣкомъ, который казался всегда ей человѣкомъ другого материка. Таня ушла отсюда безъ сокрущенія. Такъ она хотѣла, и такъ случилось; сердце ея ненасытно тянулось къ нему. Если нужно отдать свою молодость, — что же, она отдастъ ее съ той же страстью и съ той же рѣшимостью, съ какой думала она объ этомъ человѣкѣ. Сейчасъ онъ лучше всѣхъ для нея, самый возвышенный и удивительный — и пусть все это только мечта, безуміе страшныхъ силъ, которыя знала она въ себѣ, — нужно умѣть отдавать полностью то, что есть, и именно тогда, когда пришла къ этому жизнь. Съ сердцемъ, полнымъ суровой рѣшимости, смятенья и обожанья она вернулась домой въ этотъ вечеръ.

XIII

Въ жизни Челищева, въ этой большой, у всѣхъ на виду, внѣшне блестящей и налаженной жизни были провалы, которые скрывалъ онъ даже отъ себя самого.

Онъ давно наладилъ и обставилъ свою жизнь. Какъ всѣ занятые люди, онъ очень дорожилъ налаженной стройкой, измѣнять и устраивать заново жизнь — для этого нужны большія душевныя силы, много энергіи, а все это уже давно вложилъ онъ въ науку, въ изобрѣтательство, въ трудъ. Къ женѣ, женщинѣ крупной, бaистательной и неглупой, издавна чувства сложились въ тѣ общепринятыя, необязательныя отношенія, какія обычно сопровождаютъ жизнь не юныхъ и устоявшихся въ чувствахъ людей. Эта жизнь, въ сущности съ большимъ душевнымъ проваломъ, мирно покрыта семейными буднями, дѣлами, дѣтьми. Но гдѣ-то въ ужасной и отчаянной глубинѣ затушеннымъ углемъ тлѣетъ тоска по невозвратимымъ мечтаніямъ, по свершеніямъ давнихъ видѣній, бушевавшихъ въ молодости съ неукротимой силой. Тогда случается такъ, что въ одинъ день сходитъ вся жизнь съ рельсъ, это лѣсное пожарище страшно своимъ пламенемъ и часто вмѣстѣ со старыми корневищами сжигаетъ и молодые побѣги.

Встрѣча съ Таней не нарушила для Челищева, конечно, хода его жизни: ничто на измѣнилось въ ея распорядкѣ, только плѣнительно и ошеломляюще вторгнулось въ нее дуновеніе молодости, напоминаніе о еще неизжитыхъ силахъ, и дѣловыя будни чудесно расцвѣтились забытой и волнующей любовной тревогой. Поступилъ ли онъ худо съ этой горячей, доверчивой дѣвочкой? Одно время онъ мучился этимъ ощущеніемъ своего дурного и непростительнаго поступка. Потомъ это сгладилось, замѣнилось легкимъ мужскимъ торжествомъ.

Ихъ домашняя жизнь давно уже сложилась именно такъ по профессорски: по пятницамъ — гости у нихъ, въ недѣлю разъ — театръ обыкновенно, безупречная красота жены, возвращеніе ночью — обычно молча, каждый въ своихъ мысляхъ, ибо давно уже сказано все другъ другу. И то, чего больше всего сторонился Челищевъ, что внутренно онъ считалъ для себя невозможнымъ, все это случилось непоправимо, даже необъяснимо, и хуже всего потому, что это произошло у него съ существомъ, которое могло быть

его ученицей. И первое, что ощутилъ онъ въ себѣ,— былъ ужасъ и протестъ передъ самимъ собой.

День спустя это чувство прошло и смѣнилось жалостью къ ней. А еще день спустя онъ понялъ, что хочетъ вновь ее видѣть, что это властно и побѣдительно вошло въ его жизнь, что забытыя чувства забушевали въ немъ съ удвоенной силой и что — пусть это позорно въ его положеніи, неоправдываемо для его имени, полно для него огромныхъ угрозъ, — все равно, онъ хочетъ увидѣть ее, она вошла въ его жизнь внезапнымъ тѣмъ вѣтромъ, который въ весеннюю пору распахиваетъ вдругъ раму окна, срываетъ пламя свѣчей, разбрасываетъ листки и звенитъ разбитыми стеклами. И уже недѣлю спустя попросилъ онъ Свербѣева прислать къ нему вновь эту дѣвушку, которой онъ обѣщалъ, какъ будетъ готово, дать новые матеріалы объ опытахъ съ его изобрѣтеніемъ. И Таня пришла къ нему, съ той же косою стрѣлкой рѣшимости между бровей, въ его одинокій казенный кабинетъ въ институтѣ, гдѣ въ этотъ день онъ задержался до вечера.

Въ этомъ году къ веснѣ Челищеву предстояла научная командировка въ Америку. Попутно онъ хотѣлъ проѣхать въ Германію, Францію и оставить жену въ Парижѣ до своего возвращенія обратно на этотъ материкъ. Онъ давно уже, съ прошлой весны, сталъ накапливать деньги на поѣздку Онъ не выѣзжалъ больше десяти лѣтъ, съ начала войны, былъ членомъ многихъ ученыхъ иностранныхъ обществъ, и теперь, въ этой командировкѣ, хотѣлъ не стѣснять себя ни въ чемъ, пожить широко по-европейски, крѣпко наглотаться за полгода воздуха Америки и Европы. Онъ размѣтилъ съ женой ихъ путешествіе, они рѣшили, на какомъ французскомъ курортѣ они отдохнутъ, — и, можетъ быть, именно на это путешествіе готовилъ онъ полную мѣру энергіи.

Въ сущности, всего своего достатка въ жизни добился онъ самъ, былъ рабочимъ на машинномъ заводѣ въ Бельгіи, вернулся въ Россію съ дипломомъ — и учился, изобрѣталъ, преподавалъ и снова учился, пока не наладилъ всего теперешняго своего положенія. Успѣхъ изобрѣтателя далъ ему деньги, извѣстность и

возможность жить не въ слишкомъ обильномъ, но и не стѣснительномъ достаткѣ. И сейчасъ больше всего онъ хотѣлъ сохранить это русло съ трудомъ ему давшейся жизни.

Онъ женился наканунѣ войны, тосковалъ безъ жены на фронтѣ, но любовь эта какъ-то быстро перешла въ простую привязанность, а затѣмъ и просто въ привычку, какъ живетъ большинство семейныхъ людей — безъ крылатыхъ подъемовъ, по налаженной и зачастую сѣроватой дорожкѣ.

Привычка смѣнила любовь, а революція, годы страшныхъ разлученій сблизили еще больше въ этой совмѣстной привычкѣ вить вмѣстѣ жизнь.

Затѣмъ, когда пришла извѣстность, жена очень быстро привыкла къ новымъ удобствамъ жизни, къ его успѣху, успѣхъ приносилъ достатокъ и деньги, а Челищевъ часто самолюбиво и по-мужски раздражался, — задумалась ли она хоть разъ, какой огромный трудъ и усилія вложилъ онъ въ дѣло своей науки, ужасавшей ее пыльными свертками чертежей, опаздываньемъ къ обѣду и его неустаннымъ трудомъ.

Онъ любилъ еще читать лекціи полукругу студенческихъ лохматыхъ головъ и торопливыя записи въ тетрадяхъ, — какъ самъ онъ трудился, хотѣлъ онъ, чтобы трудились другіе, и студенты немного всегда опасались этого человѣка сложнаго и иного порядка. За послѣдніе мѣсяцы ему предложили работу въ одной изъ государственныхъ экономическихъ комиссій,— рѣчь шла о широкомъ планѣ машиностроенія, и поѣздка его въ Америку была связана именно съ этимъ планомъ.

И вотъ во всю эту хитро и строго налаженную его жизнь, въ мѣрный ходъ его научныхъ занятій, въ заслуженный просторъ ревнивыхъ мечтаній, — невѣроятно, стремительно и, главное, обольщающе, ворвалось огромное безпокойство, немыслимая связь съ существомъ, вдвое моложе его, то есть именно то обольщеніе, какого въ его положеніи онъ больше всего избѣгалъ и боялся. И, можетъ быть, хуже всего было то, что существо это не требевало отъ него ничего, что оно не давало ему для себя оправданія хотя бы своей настойчивостью или распущенностью. Нѣтъ,

оно было дѣвически цѣломудренно, восхитительно первымъ разбуженнымъ женскимъ чувствомъ, оно ничего не требовало, ни въ чемъ не укоряло, ни на что не надѣялось.

И именно это заставляло вдвойнѣ относиться къ ней бережно. Нужны были встрѣчи, встрѣчи съ невѣроятнымъ трудомъ выкраивались въ занятомъ его днѣ, нужна была большая осторожность, чтобы все это не получило огласки, и для Челищева жизнь стала постепенно полна того раздражающаго мучительства и безпокойства, которыя такъ увѣренно хоронятъ городскую любовь.

Встрѣчи съ Таней бывали въ его дѣловомъ кабинетѣ, она приходила съ портфеликомъ, очень дѣловито, и никто, конечно, со стороны не могъ бы предположить, что это—свиданіе. Дважды былъ онъ у нея, въ квартиркѣ на Патріаршихъ прудахъ. Брата не было дома, это было днемъ, между лекціей и засѣданіемъ. И вотъ онъ, профессоръ Челищевъ, котораго знали въ лицо множество людей, учениковъ и знакомыхъ, робѣя, поднялся по лѣстницѣ и позвонилъ, вспоминая далекіе дни какихъ-то забытыхъ и легковѣсныхъ свиданій. И прелестная всѣмъ своимъ дикимъ смущеніемъ, домашнею тишиной и свѣтящаяся счастьемъ — Таня впустила его . . . „Любовникъ — профессоръ Челищевъ", — сказалъ онъ себѣ иронически, погружаясь снова въ трудовой свой и будничный день, и онъ сейчасъ же холодно и цинически попытался себя убѣдить, что нѣтъ ничего необычайнаго въ этомъ, — это только легкое разнообразіе жизни въ его адовомъ кипѣніи и трудѣ, и ощущеніе своихъ нерастраченныхъ силъ смѣнило на время тревогу. Но тревога осталась, она вернулась къ нему очень скоро, и профессоръ Челищевъ понялъ, что жизнь его сошла съ привычныхъ и безопасныхъ путей.

XIV

Въ исторіи своихъ отношеній съ Таней Челищевъ очень боялся женской искренности, умѣнья отдавать себя до конца и роковой и опасно привязанности. Таня привязалась къ нему, она дошла въ своемъ чув-

ствѣ до необычайной той полноты, которая означаетъ для женщины — счастье, а для мужчины зачастую — начало конца. И онъ рѣшилъ рвать. Но какъ сдѣлать такъ, чтобы его превосходный обликъ не омрачился бы ничѣмъ для нея и не снизился? Вотъ здѣсь нужна изобрѣтательность, которую онъ отлично усвоилъ въ наукѣ и которая въ жизни — совсѣмъ иное.

Для начала онъ постарался сократить ихъ встрѣчи. Можетъ быть, если сдѣлать настолько ихъ рѣдкими, чтобы она забыла о немъ постепенно, съ чѣмъ-нибудь новымъ столкнулась бы въ жизни, погрустила бы, потосковала — и такъ по хорошему, съ грустью и, вѣроятно, съ нѣжнѣйшимъ воспоминаніемъ — встрѣча эта покрылась бы легкимъ и романтическимъ облакомъ. Такъ чаще всего бываетъ, и тогда не знаешь, кто же виноватъ во всемъ этомъ и какъ эта разлука случилась? И встрѣчи ихъ сократились. Онѣ сократились настолько, что онъ могъ бы считать почти правильнымъ то, что задумалъ, если бы съ бо́льшимъ волненіемъ и съ бо́льшимъ мучительнымъ ожиданіемъ она не отдавала теперь въ ихъ рѣдкія минуты сближенья свое сбереженное чувство...

Еще съ той первой встрѣчи въ кабинетѣ у Челищева Таня рѣшила, что это — ея судьба. Она нашла для себя то большое пристанище, ту необходимую пристань, которую съ такимъ упорствомъ и съ такой надеждой искала она въ своей жизни. Первоначальное смятенье перешло въ неизсякаемый крылатый восторгъ: этотъ большой, недоступный для всѣхъ человѣкъ сталъ ей близокъ, именно ей, Танѣ Агуровой. Она приходила на лекціи, бывала въ редакціи, приносила замѣтки — и всегда волнующе и пожирающе возникала передъ ней эта вторая ея сокровенная жизнь.

Чувство тревоги и счастья стало переходить постепенно въ обожаніе, въ привязанность, въ преданность. Онъ хочетъ, чтобы они рѣже встрѣчались, значитъ такъ надо. Онъ не щедръ на вниманіе, скорѣе озабоченъ, чѣмъ счастливъ всѣмъ этимъ,—что-жъ, она понимаетъ все и не станетъ мѣшать его жизни. Но для нея пришло то, о чемъ еще подросткомъ мечтала она, не слишкомъ по-умному, наивно, по провин-

ціальному, вѣроятно — встрѣча съ человѣкомъ, который ее покоритъ своимъ талантомъ и волей, дастъ ей вотъ это горделивое чувство сопутничества съ нимъ. И жизнь освѣтилась для Тани внутреннимъ свѣтомъ, который ревниво скрывала она ото всѣхъ. Впрочемъ, было нѣчто такое теперь въ отношеніи къ ней Свербѣева, отъ чего нѣсколько разъ неясно она задумывалась: словно зналъ онъ все и очень покровительствовалъ этому, и всегда начиналъ разговоръ о Челищевѣ, и нѣсколько разъ именно онъ, Свербѣевъ, устраивалъ эти встрѣчи съ Челищевымъ — все для тѣхъ же бесѣдъ о новыхъ его работахъ.

Послѣдняя встрѣча Тани съ Челищевымъ была мѣсяцъ назадъ у нея на квартирѣ. Сидя возлѣ окна, сжавъ холодныя руки, Таня ждала его. Уже три недѣли протянулись со дня ихъ послѣдней встрѣчи, и Таня вся замерла, горячо захлебнулась отъ тревоги и счастья, когда машина забормотала и стихла подъ окномъ. Минуту спустя дрогнулъ звонокъ. Она подбѣжала къ дверямъ, почти не дыша, впустила его; коричневый знакомый портфель, мѣховая шапка, въ которой казался онъ выше, — и дорогое, посвѣжѣвшее отъ мороза лицо; старше ея — чужой, равнодушный, высокомѣрный для всѣхъ, — и ея, ея . . .

И эта горячая страсть, нѣжныя руки, тѣсно закинутыя за его шею, вставшая на цыпочки, чтобы до него дотянуться, милая сумасбродная дѣвочка — все это снова закружило, затмило и отдалило то, съ чѣмъ въ этотъ разъ онъ пріѣхалъ сюда. Онъ ѣхалъ сюда, чтобы покончить со всей этой для него невозможной, затянувшейся связью, чтобы все объяснить — мягко, душевно, очень по-человѣчески. Онъ не хотѣлъ говорить, что порываетъ совсѣмъ; онъ только желалъ пояснить, что эта зима полна для него большой отвѣтственной работы, что онъ готовится къ командировкѣ въ Америку, что нужно временно совсѣмъ прекратить эти встрѣчи, — и все случилось такъ, какъ онъ совсѣмъ не хотѣлъ. А когда случается такъ, можно ли начинать разговоръ о всемъ этомъ, — и Челищевъ, перегорѣвъ, сидѣлъ и мучился своей слабостью, безнадежно теряемымъ временемъ въ расписанномъ днѣ и своимъ неумѣніемъ выправить изогнувшуюся линію

жизни. Онъ уѣхалъ отсюда, терзаясь упреками, полный смущенья и сумрака. Съ тѣмъ же сіяющимъ, прекраснымъ въ своей любви лицомъ она проводила его — вновь, вѣроятно, на долгую разлуку.

Въ этотъ вечеръ Челищевъ съ женой уходили въ театръ. Въ половинѣ восьмого онъ отложилъ работу и прошелъ переодѣться къ ней въ спальню. Тончайшая свѣжая пыль просыпанной пудры дымилась здѣсь. Жена стояла передъ зеркаломъ; рослая ея и все еще прекрасная фигура, нитка жемчуга вокругъ полнѣющей шеи, тронутыя карандашомъ губы, — конечно, не молодость жизни, налаженный бытъ, много совмѣстно прожитыхъ лѣтъ, и онъ ужаснулся себѣ, какъ все это могъ поставить подъ угрозу. Нѣтъ, это уже спайка жизни, ея цементъ, — и если появится трещина здѣсь, то пошатнется вся жизнь. Завтра же нужно проснуться съ холодной обдуманной волей — кончить ненужную связь

И въ этотъ вечеръ въ театрѣ и далѣе за ужиномъ — вдвоемъ съ женой — онъ былъ необычайно внимателенъ, словно въ давніе годы, они пили вино и ѣхали ночью, тѣсно прижавшись другъ къ другу, на извозчикѣ, она прятала въ мѣхъ лицо, и молодые совсѣмъ, когда-то его заворожившіе, теперь туманные слегка отъ вина и обѣщаній, глаза смотрѣли на него всю дорогу. И утро для Челищева возникло обычнымъ дѣловымъ расписаніемъ часовъ и холоднымъ рѣшеніемъ больше никогда не встрѣтиться съ Таней.

Мѣсяцъ спустя послѣ этой встрѣчи съ Челищевымъ, терзаясь отъ его холоднаго и непонятнаго невниманія, отъ того, что трижды по телефону — очень недовольно, скучающимъ голосомъ отвѣтилъ онъ ей, что занятъ и увидѣться съ ней не можетъ, — мѣсяцъ спустя Таня Агурова ощутила то, что потрясло ее ужасомъ. Странное предчувствіе обратилось въ увѣренность. Ничего не понимая еще, ужасаясь одной этой мысли, безпомощная въ своемъ одиночествѣ, не зная, какъ увидѣть его, чтобы все разсказать, — полная только смятенія и одиночества, она рѣшила ему написать письмо. Она ничего не написала въ письмѣ о своихъ предчувствіяхъ; она только коротко писала о томъ, что у нея есть большая неотложная необхо-

димость увидѣть его въ послѣдній разъ, если онъ не хочетъ больше съ ней видѣться. Она послала это письмо и ждала отвѣта мертвая отъ тоски и отчаянія. И онъ ей отвѣтилъ; онъ писалъ, что хотя очень занятъ, совершенно предѣльно занятъ, онъ въ половинѣ перваго дня, въ понедѣльникъ, онъ будетъ на засѣданіи въ комитетѣ по дѣламъ изобрѣтеній и освободится примѣрно къ половинѣ второго. Онъ можетъ удѣлить десять минутъ, не больше, потому что въ три съ половиной у него другое засѣданіе на Варваркѣ. Это было холодное дѣловое письмо, онъ назначилъ ей встрѣчу на улицѣ, для того, вѣроятно, чтобы встрѣча эта не затянулась, и даже точно опредѣлилъ разстояніемъ и временемъ ея границы. Невѣрящими пустыми глазами Таня прочла письмо этого человѣка, который только недавно былъ ей такъ близокъ. И въ понедѣльникъ, въ половинѣ второго, она пришла именно къ тѣмъ самымъ часамъ, колючая стрѣлка которыхъ, какъ бы сникая, скакала внизъ къ изогнутой насмѣшливой шестеркѣ.

XV

Легкій вѣтеръ, полный запаховъ свѣжаго снѣга, дулъ оттуда, изъ городскихъ пространствъ, куда далекимъ изгибомъ уходили трамвайныя рельсы. Была легкая зимняя синева съ блистающимъ снѣгомъ и очень нѣжными далями пепельно-голубого оттѣнка, — тотъ замшевый зимній просторъ, когда еще въ синевѣ стеклянно зажигаются фонари, воронье съ крахмальными криками летитъ надъ бульваромъ и разорванной гроздью садится на бѣлыя дуги деревьевъ, и пахнетъ снѣгомъ и конскимъ навозомъ — особеннымъ и неповторимымъ запахомъ московской вдовьей зимы. И, стоя здѣсь возлѣ часовъ, глядя на персиково-розовое разодранное небо надъ дальними крышами, Таня увидѣла знакомую фигуру человѣка, который шелъ къ ней не спѣша, очень достойно, чтобы только кто-нибудь не подумалъ, что онъ идетъ на свиданье. И Таня поразилась тому, какъ отчужденно и холодно на нее посмотрѣлъ Челищевъ. Они поздоровались и

дальше пошли отсюда вдоль бульвара. Они молчали оба, и Таня не смѣла первой начать. Наконецъ, онъ сказалъ очень дѣловито:

— Я получилъ ваше письмо. Мнѣ очень трудно встрѣчаться съ вами . . . я чрезвычайно занятъ за послѣднее время. Будемъ говорить.

Таня кивнула головой и отвѣтила:

— Да.

— Вы что-нибудь хотѣли мнѣ сказать важное? — спросилъ онъ снова.

Она опять кивнула головой, но онъ скорѣе это почувствовалъ, чѣмъ увидѣлъ, потому что шла она, опустивъ очень низко голову. Рядомъ и позади близко проходили люди, — и говорить поэтому было неудобно. Наконецъ, молча они перешли снѣжную площадь, стали подниматься вверхъ по другому бульвару и сѣли на крайнюю пустынную скамью.

— Будемъ говорить, — сказалъ онъ ей снова, и озабоченно поглядѣлъ на часы.

— Мнѣ нужно было увидѣть васъ, — сказала Таня съ трудомъ и не подняла головы. — Я думаю, вы сами можете понять, зачѣмъ мнѣ нужно было васъ видѣть . . .

Вдругъ онъ очень, необыкновенно покраснѣлъ, какъ-то мгновенно хлынула въ лицо ему кровь, и поспѣшно сталъ доставать платокъ, чтобы скрыть замѣшательство.

— Нѣтъ, признаюсь, я не понимаю, — сказалъ онъ быстро. — Что-нибудь случилось?

— Да . . .

— Что же именно? — онъ спросилъ это очень фальшиво, ему не свойственнымъ голосомъ.

Тогда Таня подняла лицо, поглядѣла ему въ глаза и сказала такъ просто, словно вздохнула:

— Константинъ Петровичъ, что бываетъ съ женщиной, когда она живетъ съ мужчиной? . . вѣдь вы знаете это лучше меня. Зачѣмъ же вы заставляете меня говорить вамъ это?

— Какъ . . . но развѣ это возможно? — спросилъ онъ почти беззвучно, чувствуя, что не можетъ скрыть ужаса.

— А почему же нѣтъ, — почти уже сурово отвѣтила Таня. — Навѣрное, возможно, если это такъ . . .

Онъ сидѣлъ на скамейкѣ подавленный, почти смятый этимъ свалившимся на него совсѣмъ неожиданнымъ, невѣроятнымъ, сразу все въ немъ смѣшавшимъ, признаніемъ. И выпрямившаяся было заново жизнь насмѣшливо и чудовищно скомкалась и измялась въ эту минуту. Они молчали оба и сидѣли неподвижно на одинокой скамейкѣ.

Вотъ на какомъ случайномъ непредвидѣнномъ порожкѣ спотыкается жизнь! Нѣкое забвеніе легко, невѣсомо плыло въ эти минуты надъ нимъ, надъ этимъ отдаленнымъ бульваромъ, надъ городской торопливою жизнью... Челищевъ заговорилъ мягко, вкрадчиво и убѣдительно.

— Конечно, это несчастье... и я меньше всего ожидалъ, что это можетъ случиться, — онъ сказалъ такъ, играя знакомыми низкими нотками голоса, — но нѣтъ такой бѣды, изъ которой не было бы выхода . . . Все это нужно ликвидировать, конечно, и какъ можно скорѣе. — И онъ уже вдохновился собственной убѣдительностью. — Вы понимаете, Таня . . . не въ нашемъ же положеніи съ вами допускать подобное! . . Жизнь идетъ своимъ порядкомъ, налаживать ее очень трудно — у меня къ вамъ самое большое, искреннее и хорошее чувство, но не могу я вамъ лгать и говорить, что я люблю . . . да вѣдь этого я никогда и не говорилъ вамъ, не правда ли? Такъ все случилось . . . а сейчасъ со всѣми этими послѣдствіями — нужно покончить и какъ можно скорѣе.

Таня глядѣла на снѣгъ и вдругъ подняла лицо. Она посмотрѣла на него почти съ сожалѣніемъ, — такъ вотъ все, что сумѣлъ онъ сказать ей — обыкновенное мужское, ничѣмъ не отличное отъ того, что сказать могъ бы каждый. Она отвѣтила:

— Константинъ Петровичъ, напрасно вы такъ безпокоитесь... я ни минуты не думала угрожать вашему спокойствію и вашей жизни.

Теперь онъ ужаснулся, что она можетъ такъ измельчить его обликъ.

— Нѣтъ, позвольте же говорить мнѣ. Я старше и опытнѣе васъ и лучше знаю жизнь. Совершенно естественно, что я прежде всего заговорилъ о необходимости исправить нашу ошибку... Вы на меня не сердитесь, Таня, но о жизненныхъ вещахъ надо говорить по-жизненному. Для всего этого нужны деньги... вы дружески возьмете ихъ у меня и сдѣлаете немедленно все, что нужно... — Онъ говорилъ и потрясался сладкой убѣдительности, которую старался запрятать въ эту его заботу о ней. Рукой онъ нащупалъ въ карманѣ бумажникъ и отсчиталъ пять бумажекъ — пятьдесятъ рублей: новыми бѣлыми этими бумажками получилъ утромъ онъ жалованье. Таня позволила ему положить деньги въ сумочку и молчала, глядя передъ собой. И онъ совсѣмъ успокоился и близко сказалъ ей знакомымъ, столь любимымъ недавно голосомъ:

— Вѣдь вы сдѣлаете все, что нужно, обѣщаете мнѣ?..

Она отвѣтила — очень спокойно:

— Да, конечно, я это сдѣлаю.

Онъ ожидалъ, что она обидится, заговоритъ, начнетъ упрекать, — но она молчала. Конечно, жаль было эту милую сумасбродную дѣвочку, но не онъ, въ концѣ концовъ, виноватъ во всѣхъ этихъ нравахъ, которые приводятъ къ такимъ ужаснымъ послѣдствіямъ. Прежде все это было сложнѣй, а сейчасъ проще, условнѣе — и, конечно, если все ужъ такъ просто, нельзя изъ этого дѣлать трагедіи.

— Я бы хотѣлъ, чтобы вы въ свое время обо всемъ меня извѣстили. Вы понимаете сами, что я не буду спокоенъ, — онъ сказалъ это ей, но такъ же молча сидѣла Таня на зимней скамейкѣ и смотрѣла передъ собой на свѣжій, еще не затоптанный и синѣющій снѣгъ. Она ждала, что прежде всего задумается онъ глубоко о томъ, какъ потрясено до предѣла все ея существо, какъ сложно и мучительно должна ощущать она это огромное первостепенное событіе въ своей жизни, но онъ больше всего безпокоился, какъ бы только она не раздумала, не отмѣнила бъ рѣшенья, не осложнила бы вдвойнѣ его жизнь.

Молчаніе ея было тягостно, и онъ говорилъ теперь самъ — по возможности беспечно и бодро, закуривъ папиросу. Съ деревьевъ шопотомъ посыпался тихій снѣгъ, далекія каменныя перспективы города въ лиловатыхъ морозныхъ дымкахъ уже прорастали лимонными пустыми огнями, — былъ тихій смиренный тотъ часъ, когда сумерки разстилаютъ безшумно и незамѣтно синіе свои и пушистые половики. И Челищевъ подумалъ уже съ досадой, что это молчаніе, въ сущности, безтактно и непереносимо; къ тому же она не думаетъ вовсе о скудномъ его и расписанномъ времени. Онъ поглядѣлъ на часы, вздохнулъ, — у него нѣтъ больше времени здѣсь оставаться, — и они поднялись съ скамейки. Они прошли вмѣстѣ немного, и Таня сказала:

— Вамъ, вѣроятно, внизъ... а я пройду еще въ эту сторону.

Онъ подержалъ ея руку въ своей.

— Вѣдь вы не сердитесь на меня, Таня? Право, я не хотѣлъ, чтобы все это такъ обернулось, — сказалъ онъ ей нѣжно и искренно, какъ могъ. Она отвѣтила:

— Мнѣ не за что сердиться на васъ, Константинъ Петровичъ, — и хотя отвѣтъ этотъ могъ бы сухостью своей показаться обиднымъ, Челищевъ былъ радъ, что это его избавляетъ отъ дальнѣйшихъ и нестерпимыхъ объясненій. И здѣсь, на бульварѣ, они простились. Онъ медленно пошелъ внизъ, стыдясь ускорить шагъ, и оглянулся черезъ минуту. Тани не было видно уже, и тогда облегченно, точно оставивъ всю тяжесть на этомъ бульварѣ, онъ вышелъ на площадь. — на площади дѣловито громыхалъ на стрѣлкѣ трамвай, зажигались огни, это была знакомая и безопасная жизнь, показавшаяся ему восхитительной, словно минуты назадъ ее хотѣли отнять у него. Онъ нанялъ извозчика, и весело вскорѣ зазвякала на шершавой лошадкѣ сбруя, успокоительно обѣщая, что все образуется.

Таня дошла до конца бульвара и сѣла вновь на скамью. Она была здѣсь одна въ этотъ часъ. На бульварѣ еще не зажгли огней, онъ былъ грустенъ и синь, вороны сыпали внизъ снѣжную пыль и всѣ ни-

какъ не могли примостить себя на ночлегъ. Вотъ — и все. Какое простое разрѣшеніе раздумій, впервые всколыхнувшихся въ ней. Деньги положены въ ея сумочку — и дальше все просто, такъ дѣловито и помужски онъ рѣшилъ. Но развѣ онъ спросилъ у нея, задумался онъ о томъ, какъ въ трагической невозможности она приняла для себя все это?

Разомъ фонари зажглись вдоль бульвара. Огни зажигались въ домахъ. Городской вечеръ торопливо брелъ синими улицами, и всюду навстрѣчу ему выбѣгали огни. Съ пустотой, словно за эти часы вѣтеръ вывѣтрилъ изъ нея душу, Таня пошла отсюда. Она прошла къ зеленымъ огнямъ остановки, дождалась трамвая, и трамвай легко устремился внизъ, вдоль бульвара. Дмитрій Агуровъ былъ уже дома. Она сказала брату, что задержалась въ редакціи, очень спокойно просмотрѣла вечернюю газету и стала готовить чай.

XVI

Зачетъ, который не сдалъ Безсоновъ, давно уже завалили торопливые пестрые дни, по новому полные для него обольстительныхъ обѣщаній. Прежде всего, Донцевъ взялъ у него для печати стихи, и эти стихи напечатали. Ошеломленно, ликуя, видѣлъ Безсоновъ подпись свою подъ стихами, которые читали теперь тысячи людей. Онъ проходилъ мимо газетныхъ кіосковъ, — и всюду прекрасно синѣла обложка журнала, скрывавшая его стихи... Впервые пошелъ онъ въ редакцію.

Въ громадномъ дворцѣ съ траншеями коридоровъ и сотнями въ нихъ дверей съ номерами, онъ нашелъ ему нужную дверь. Стриженая, равнодушная женщина поискала его фамилію въ спискѣ и оторвала для него ордерокъ. Съ этимъ ордеркомъ прошелъ онъ къ кассѣ, и тамъ ему заплатили деньги за его стихи.

Съ того вечера, когда зашелъ онъ опять къ Вѣрѣ Никольской, снова — для него незамѣтно и уже не пугая его и не отталкивая, продолжилось то, что

старался погасить онъ вначалѣ. Она сказала ему грубовато:

— Все равно, какъ ни верти, а потянетъ тебя ко мнѣ, Кириллъ . . . а драму разводить — лучше не приходи. Пришлись другъ къ другу пока — и ладно, а тамъ поглядимъ какъ и что.

И онъ тоже вдругъ ощутилъ удобство такихъ отношеній: по крайней мѣрѣ просто, въ любую минуту можно порвать, и такъ—въ грубости и обнаженности ихъ отношеній—эта не заслоняетъ собой единственное и влекущее его существо — Таню Агурову. Свербѣевъ устроилъ ихъ встрѣчу. Случайно встрѣтились они у него, и на короткихъ полчасика Свербѣевъ оставилъ ихъ вмѣстѣ. За эти полчасика немногое сказали они другъ другу, Таня была молчалива, очень домашняя, и ея тишина напомнила Безсонову столько изъ давнихъ его мачтаній, заново возникъ передъ нимъ городокъ, гдѣ прошло его сиротское дѣтство, и такъ же вотъ съ Варенькой сидѣлъ онъ въ садку за домомъ, такая же дѣвичья прядь вилась на нѣжной щекѣ, и въ тишинѣ и первой горечи и восхищеніи жизнью созрѣвало его сердце для будущихъ дѣлъ. Вотъ именно отъ этихъ уже забываемыхъ дней было многое въ Танѣ, и хотя ничего въ этотъ разъ они не сказали другъ другу, казалось Безсонову, что накрѣпко нѣчто протянулось въ этотъ вечеръ межъ ними. Потомъ вернулся Свербѣевъ, и Таня ушла; она не хотѣла, чтобы ее провожали. И разомъ опустѣла непріютная келья Свербѣева.

— Ну, какъ съ Татьяной, Кириллъ, отворачиваешь ее отъ Челищева? — сказалъ Свербѣевъ, и грубость эта нисколько не возмутила Безсонова: такая яростная нелюбовь, ревность и даже ненависть полыхали теперь въ немъ къ Челищеву! То первое чувство, съ которымъ узналъ онъ про отношенія Тани съ Челищевымъ, давно уже обратилось въ сумрачную и угрюмую ненависть къ человѣку, виноватому передъ нимъ не только за Таню, но и съ такимъ высокомѣрнымъ превосходствомъ провалившему его на зачетѣ.

— Таня — великолѣпный человѣчишко, другъ, если только Челищевъ ее не свернетъ, — сказалъ Свербѣевъ, сѣлъ близко и положилъ ему на колѣно

руку. — А ты жди, придетъ еще твое время . . . это говорю тебѣ я не зря!

И, какъ всегда, заново и по-особому завязалъ Свербѣевъ узелокъ молчаливыхъ и непонятныхъ отношеній между нимъ, Безсоновымъ, и Таней Агуровой... Послѣ этой встрѣчи опять на многіе дни канула Таня, и Вѣра Никольская, уже привычно и не отвращая, возникла вновь въ его жизни. Теперь оставаться одному въ общежитіи, слушать разговоры о лекціяхъ, смотрѣть, какъ съ испачканными рейсфедеромъ пальцами вычерчиваютъ студенты свои чертежи,—все это стало Безсонова ужасать своей неодолимою скукой. То, что только годы назадъ казалось невѣроятнымъ достиженіемъ, что волновало его возможностью великолѣпнаго труда и упорства, — все это померкло, необычайно поблекло передъ возможностями, возникшими передъ нимъ. И Вѣра Никольская стала нужна ему, какъ затяжка папиросой курильщику.

Работы по съемкѣ закончились, и Вѣра повела его разъ съ собой въ кино-студію. Безсоновъ пошелъ сюда за ней съ жадностью, потому что здѣсь обучали великому искусству владѣть своимъ тѣломъ и превосходной человѣческой ловкости. Въ этотъ день студійцы проходили верховую ѣзду. Въ Гранатномъ переулкѣ, въ манежѣ, пахло острымъ и нашатырнымъ запахомъ навоза и конскаго амміака. Въ длинномъ сумрачномъ помѣщеніи, заглушенномъ пескомъ съ опилками, какъ на аренѣ цирка, трусили рысцою вдоль стѣнъ чахлые молодые люди и перезрѣлыя дѣвицы съ окаменѣвшими въ безстрастіи лицами камей.

Эти люди знали, какъ владѣть своимъ тѣломъ, это были именно будущіе артисты, и здѣсь впервые онъ видѣлъ лабораторію искусства, къ которому самъ недавно прикоснулся впервые. Изъ за темныхъ зарослей вычисленій, изъ-за скуки студенческаго житія съ его нищетой, лекціями и общежитіемъ, изъ-за всего этого — два пути слѣпительно и влекуще открылись передъ нимъ: одинъ былъ путь тотъ, который означился для него синей обложкой журнала съ его стихами, другой путь — этотъ путь волшебнаго воплощенія на экранѣ. Онъ сидѣлъ въ досчатой ложѣ,

вдыхалъ неотразимые запахи, Вѣра курила рядомъ, и она вдругъ сказала ему:

— Послушай, Кириллъ, если хочешь отъ этого не отстать, нужно тебѣ непремѣнно потереться межъ этихъ . . . Я съ Куреповымъ уже говорила, онъ обѣщалъ непремѣнно устроить тебя въ новой постановкѣ.

По-ученически, торопливо онъ кивнулъ головой. Все, что говорила ему эта женщина, было всегда грубовато, цинично, но она понимала, что нужно въ жизни, и научала его. И онъ уже безъ оглядки готовъ былъ слѣдовать за нею всегда, потому что недавно съ изумленіемъ и ужасомъ почувствовалъ, что теряетъ себя. Какъ это случилось, что онъ началъ себя терять? Еще недавно онъ зналъ свою волю къ жизни и зналъ, какъ нужно ему итти въ эту жизнь, чтобы ей овладѣть. Теперь эти давнія мечты казались ему старомодными, провинціальными, онъ не могъ имъ повѣрить и, ихъ потерявъ, потянулся съ жадностью къ новымъ. Жизнь его позвала, обласкала на первыхъ порахъ — и можетъ ли теперь вернуться онъ къ прежнему и какъ бы уже прожитому? И Вѣра Никольская увѣренно, всѣмъ своимъ пребываніемъ тутъ же, съ нимъ рядомъ — говорила, что нѣтъ. Обратно онъ не вернется! . .

Они просидѣли здѣсь съ часъ и вышли изъ манежа. Вѣра потопталась, хлопая себя по бокамъ по-извозчичьи, и сказала:

— Плохо, Кириллъ, что денегъ у тебя маловато, а то пошли бы къ нимъ вечеркомъ на чердакъ . . . ты о чердакѣ слышалъ? Вотъ гдѣ познакомишься съ настоящими!

Разъ въ два мѣсяца, а временами и рѣже, Ягодкинъ посылалъ Безсонову деньги: это были малыя деньги — пятнадцать-двадцать рублей, поистинѣ замусоленныхъ его трудомъ, и теперь, какъ разъ наканунѣ, Безсоновъ получилъ эти двадцать рублей отъ него. Къ этимъ деньгамъ всегда была у него бережливость, тратилъ онъ ихъ на самое нужное, — но сейчасъ, когда Вѣра сказала о какомъ-то чердакѣ, гдѣ можетъ снова онъ встрѣтить людей, съ которыми

хочетъ дѣлить судьбу, — Ягодкинъ померкъ для него, и онъ отвѣтилъ ей тотчасъ:

— Деньги у меня есть, если нужно . . .

Она удивилась весело:

— Вотъ и отлично . . . это тебѣ же на пользу. Надо потереться между нихъ, чтобы стать своимъ человѣкомъ. Такъ пойдешь со мной на чердакъ?

И онъ отвѣтилъ:

— Пойду.

— Надо со своимъ виномъ приходить . . . заходи за мной къ девяти, по дорогѣ и купимъ.

И онъ близко увидѣлъ сѣрые, безстыдные и именно этимъ всегда волновавшіе глаза. Такъ они условились вечеромъ пойти на чердакъ.

XVII

Къ девяти Безсоновъ зашелъ за Вѣрой. Изъ двадцати рублей онъ истратилъ уже четыре рубля на новую рубаху „апашъ“ съ открытымъ воротникомъ, какую видѣлъ на одномъ изъ актеровъ. Вѣра рубаху одобрила. Ревѣлъ примусъ, на фіолетовомъ его огнѣ она подогрѣвала щипцы для завивки. Безсоновъ сѣлъ на стулъ у стѣны и сталъ ждать. И тутъ онъ увидѣлъ, словно впервые, какъ неопрятно, совсѣмъ не по-женски живетъ Никольская. Въ углахъ подъ потолкомъ была паутина, потолокъ былъ закопченъ, какъ въ кузницѣ; соръ, окурки, обрывки сальныхъ бумагъ только заметены въ сторону, полъ замазанъ красками, грязное полотенце съ краснымъ шитьемъ висѣло возлѣ раковины, непрерывно журчавшей водой . . . Жилище не женщины, да и женщина ли она, въ самомъ дѣлѣ? Одѣвается по-мужски, куритъ, и взгляды у нея на жизнь мужскіе: ни надъ чѣмъ не задумываться и брать на ходу что захочется или понравится. Вотъ онъ понравился ей, человѣкъ совсѣмъ другихъ чувствъ и навыковъ жизни, и она взяла его и заставила подчиниться. Завивается только по-женски, а дѣтей, какія могутъ случиться отъ него и отъ другихъ, вѣроятно, знаетъ способъ избѣгнуть. Какая пустыня все же! И Таня снова и снова —

унизительно для этой и посрамляюще — возникла передъ нимъ.

Полчаса спустя они вышли изъ дома. По морозцу свѣжо заводили пѣсню полозья. Въ вечернемъ гастрономическомъ магазинѣ, хирургически бѣлѣя, приказчикъ лихо оперировалъ окорокъ. Пахло обѣщающими запахами, а полки съ бутылками водокъ и винъ предупредительно напоминали, что при желаніи можно сдѣлать жизнь совсѣмъ прекрасной. Вѣра выбрала три бутылки недорогого вина, они вышли отсюда, пріятно ощущая тяжесть покупки, и на углу у аптеки наняли извозчика въ Сивцевъ Вражекъ. Очень скоро они миновали плоскогрудаго, похожаго на епископа Тимирязева, опять заструилась градирня засоленныхъ зимою деревьевъ, и шумная Арбатская площадь пересѣкла ихъ путь. Со всѣхъ сторонъ выѣзжали трамваи, автобусы яростно сдували прохожихъ, унося за собой облака снѣжнаго праха, шоферы топтались возлѣ своихъ машинъ въ оранжевыхъ поясахъ проката, мальчишки вопили:—газ-зета „Вечерняя Москва", — и съ величайшей посмертною обреченностью носатый Гоголь смотрѣлъ съ высоты на всю эту человѣческую суету.

Въ Сивцевомъ Вражкѣ возлѣ деревяннаго дома, уцѣлѣвшаго съ пожара Москвы, Вѣра остановила извозчика. Они вошли въ провинціальный дворъ съ пустою собачьей будкой и стали подниматься по необыкновенно скрипучей лѣстницѣ, неистребимо пропахнувшей кошками. Лѣстница привела въ длиннѣйшій чердачный коридоръ, сквозь который нужно было идти, ощупывая балки ногой. И въ концѣ коридора, за незамѣтною дверью, разомъ грянули голоса. Въ крохотной прихожей, отдѣленной фанерой, словно предбанникъ, лежали сугробы шубъ, шапокъ, галошъ; рядомъ за занавѣской сквозь щели видны были какія-то дѣвицы въ пестрыхъ и фантастическихъ костюмахъ, жирно гримировавшіяся передъ зеркаломъ. Винный и солодовый духъ туманно ударилъ въ голову, на минутку выскочилъ хозяинъ чердака въ разстегнутомъ френчѣ, Игнатка Сюргучевъ крикнулъ на ходу: — Вѣрка, здравствуй, — и нырнулъ подъ холщевую занавѣску, за которой гримировались дѣвицы.

На чердакѣ за длинными столами вдоль стѣнъ сидѣли молодые люди и женщины, всѣ столы сплошь уставлены были бутылками, а посрединѣ, между столовъ, на узкомъ четыреугольникѣ, отведено было мѣсто для выступленій и танцевъ. Безсонова вмѣстѣ съ Никольской втиснули на скамейку за одинъ изъ столовъ, Игнатка Сюргучевъ въ одну минуту, вынырнувъ изъ-подъ занавѣски обратно, открылъ принесенныя ими бутылки, и въ то же мгновеніе необыкновенно проворныя руки подхватили эти бутылки, перекинули дальше, а въ чью-то пустую рюмку налили Безсонову водки. Въ огромныхъ чашахъ, словно въ амфорахъ, на столѣ стояла закуска — маслянисто-желтая капуста-провансаль, расшитая клюквой, капусту натыкали прямо на вилки и несли въ ротъ черезъ столъ.

И вдругъ, разобравшись въ этихъ пестрыхъ грядкахъ мужскихъ и женскихъ головъ, уже туманно обволокнутыхъ хмѣлемъ, Безсоновъ увидѣлъ подмигивающее и кивающее ему носатое лицо Свербѣева. Свербѣевъ кивалъ ему головой и очень весело что-то кричалъ сквозь оглушительную запруду голосовъ. Рядомъ съ Безсоновымъ по правую руку оказался молодой человѣкъ съ лицомъ необычайно испитымъ, растянутымъ продольными складками и полнымъ достоинства скучающаго пойнтера. Онъ почти ничего не пилъ и высокомѣрно и вяло смотрѣлъ впередъ.

Отъ выпитыхъ огромныхъ двухъ рюмокъ у Безсонова сразу и очень весело пошла голова, и тутъ онъ увидѣлъ внезапно, какъ молодой человѣкъ рядомъ съ нимъ высыпалъ себѣ изъ бумажки на ноготь большого пальца щепотку бѣлаго порошка. Безсоновъ рѣшилъ, что принимаетъ тотъ, вѣрно, средство отъ головной боли, но молодой человѣкъ быстро и поочередно втянулъ щепотку обѣими ноздрями. Вслѣдъ за тѣмъ съ тѣмъ-же высокомѣрнымъ достоинствомъ продолжалъ онъ смотрѣть впередъ. Теперь Безсоновъ узналъ здѣсь многихъ изъ кино-актеровъ, которыхъ видѣлъ онъ на ходу, тутъ было множество по-мальчишески остриженныхъ дѣвушекъ съ начесами на щеки, съ мечтательно стеклянѣющими глазами, и среди нихъ самъ режиссеръ Барнауловъ въ опаловой

тюбетейкѣ, съ сальнымъ носомъ и трубкой, какъ бы составлявшей приростъ на его лицѣ. Все это гудѣло ревомъ плотины, хотя никто не могъ ничего разобрать, и внезапно опять вынырнулъ изъ-подъ занавѣски Игнатка Сюргучевъ, уже безъ френча, запросто скинутаго изъ за невозможной жары. Вытирая платкомъ лицо, онъ завопилъ:

— Вниманіе! Артистки школы гротеска и буффонады исполнятъ послѣднюю новинку Парижа . . . Чарльстонъ!

Всѣ оживились, дѣвицы спѣшно достали изъ сумочекъ пудреницы и обмахивали пуховками носы, готовясь достойно встрѣтить европейское зрѣлище. Изъ за занавѣски выпорхнули сильфидами тѣ же дѣвицы, что гримировались давеча; на одной былъ шелковый черный костюмъ, наподобіе мужского фрака, на другой — нѣсколько пестрыхъ полосъ, скрѣпленныхъ однѣми бретельками и перехватами. Молодой человѣкъ въ углу заигралъ на роялѣ, собственно, не заигралъ, а сталъ разносить его на части, нещадно выколачивая изъ него лошадиные низкіе стоны и вопли, перемежая все это ударами кулака по пюпитру для нотъ, рывками локтемъ по цѣлымъ октавамъ, на полъ-аршина взлетая надъ стуломъ,—и подъ это стихійное бѣшенство дѣвицы, спарившись въ оцѣпенѣніи, затопали на мѣстѣ ногами и стали судорожно топтаться, приникая другъ къ другу колѣнями и выворачивая икры. Затѣмъ, такъ же сцѣпившись, поднявъ сцѣпленныя правыя руки и прижавшись щекою къ щекѣ, онѣ принялись съ необычайною точностью измѣрять ногами узкій четыреугольникъ, оставленный для ихъ танцевъ.

Тогда изъ-подъ занавѣски выскочилъ молодой человѣкъ съ накрашеннымъ ртомъ и порочно неподвижными стальными глазами. Онъ былъ въ визиткѣ и лаковыхъ туфляхъ, и сейчасъ же тигровыми движеніями подкрался онъ къ обѣимъ дѣвицамъ, схватилъ ихъ за таліи,—въ страшномъ бѣшенствѣ, подъ взрывы рояльныхъ струнъ, онъ завертѣлъ ихъ на мѣстѣ и вдругъ, раскорячивъ ноги и подставивъ сплетенныя руки, далъ вспрыгнуть на нихъ одной изъ дѣвицъ; онъ мигомъ перевернулъ ее въ воздухѣ, и она усѣлась

ему на плечи верхомъ, а за ея ноги уцѣпилась другая дѣвица, тоже перевернулась въ воздухѣ, ослѣпивъ мужчинъ чернымъ шелкомъ своихъ панталончиковъ, и такъ, подъ ликующіе вопли, молодой человѣкъ въ визиткѣ потащилъ дѣвицъ за кулисы.

Подъ обвалы аплодисментовъ, съ грохотомъ начали отодвигаться скамейки и стулья; женщины, положивъ руку на правое плечо партнера, стали выходить на середину, піанистъ заигралъ фокстротъ, и на узкомъ четыреугольникѣ густо и сталкиваясь заколыхались пары. Закинувъ за спину мужчины руку, вывернутую ладонью наружу, еле передвигая ногами, глядя мимо, въ пространство, двигались женщины, а мужчины, прижимаясь щекой къ ихъ щекѣ, раскачивали своихъ кратковременныхъ спутницъ, словно вытряхая изъ нихъ остатки сомнѣній.

Деревянные залитые виномъ столы опустѣли, мужчины-сѣдуны доѣдали капусту-провансаль, разсыпая ее по столу, и Безсоновъ, хмѣлѣя, смотрѣлъ на невиданное зрѣлище, на ковыльное колыханье паръ, которое видѣлъ онъ только въ кино на экранѣ, — и его новая рубаха „апашъ", и самъ онъ, скованный своимъ неумѣньемъ и робостью, не узнавшій ни одного изъ превосходныхъ этихъ уроковъ жизни, — все это казалось ему столь жалкимъ, такой непроходимой провинціей, что съ готовностью и безнадежностью опрокинулъ онъ въ себя еще одну рюмку водки. А рядомъ съ нимъ, по лѣвую руку, налегала на него всей своей непомѣрною тяжестью необыкновенно грузная и мучнистая женщина съ бѣлыми рѣсницами, дебело увядающая отъ хмѣля. Въ туманѣ отыскалъ онъ Вѣру Никольскую. Она сидѣла между мужчинъ и смѣялась хрипловатымъ и враждебнымъ для него смѣхомъ, стряхивая плечомъ то одного, то другого, слишкомъ припадавшаго къ ней сосѣда. И Безсоновъ ощутилъ въ себѣ безмѣрное равнодушіе ко всему, что дѣлала эта женщина.

Въ мутности своихъ чувствъ, онъ ощущалъ лишь съ огромную горечью всѣ несвершенія и провалы своей жизни, какъ ощущаютъ это ярче всего непривыкшіе къ хмѣлю люди . . . Онъ пріѣхалъ сюда, въ этотъ городъ, находить свою жизнь, какая-то звѣзда

неукоснительно вела его за собой, какіе-то просторы труда и переодолѣнія многихъ путей возникали передъ нимъ, и на этихъ путяхъ острымъ свѣтомъ блеснуло для него — невозможное и стремительное чувство къ существу, столь непохожему на всѣхъ этихъ женщинъ... Но этому существу не было никакого дѣла до его жизни, съ кѣмъ то другимъ, ему ненавистнымъ теперь, была связана ея судьба, и вотъ онъ здѣсь, совсѣмъ одинъ — и, вѣроятно, изъ всѣхъ его мечтаній объ иной жизни ничего и не выйдетъ, а вотъ если были бы деньги, много денегъ, чтобы захватить эту жизнь въ свои руки по настоящему, а не покупать за четыре рубля рубаху „апашъ“ . . . И вдругъ все это, плывшее передъ нимъ во хмѣлю, какъ карусельныя пары, все это прервалъ Свербѣевъ. Онъ пробрался къ нему вдоль стола и горячо положилъ на колѣно руку.

— О чемъ загрустилъ, Кирушка? — сказалъ онъ голосомъ, который показался Безсонову единственно близкимъ. — На жизнь смотришь? Смотри, смотри, братъ, такая ли еще жизнь можетъ быть, если сумѣть ее взять . . .

И Свербѣевъ жарко заговорилъ въ его ухо, а пары все кружились, кружились, на чердакѣ остро начинало пахнуть луковымъ запахомъ пота, но это былъ тѣлесный и грѣшный запахъ, и отъ него еще тѣснѣе льнули люди другъ къ другу. А Свербѣевъ говорилъ ему на ухо:

— Какая жизнь можетъ быть, Кириллъ, если умѣть ее взять . . . И умѣнья-то не столько нужно, сколько смѣлости . . . вотъ главное! Была-бъ въ тебѣ смѣлость, Безсоновъ, а денегъ тогда мы добыли бы съ тобою до чорта . . . Купилъ бы ты себѣ отличную комнату, бросилъ бы къ свиньямъ общежитіе, и Таня бы пришла къ тебѣ по человѣчески, а не въ моей закутѣ разъ въ мѣсяцъ встрѣчаться . . .

И, замирая отъ этихъ предчувствій, почти распаленный его жаркимъ и въѣдчивымъ голосомъ, Безсоновъ жадно спросилъ:

— Какъ?.. Какъ? Скажи мнѣ, Свербѣевъ!.. развѣ я ужъ такъ неспособенъ на жизнь . . . я многое сдѣлать хочу, я хочу большой жизни, я теперь

понялъ, что въ капелюсенькую эту жизнь ни за что не вернусь! Стихи буду писать, и стихи будутъ печатать въ журналахъ . . . уже печатаютъ, всѣ о моемъ талантѣ говорятъ въ одинъ голосъ! А разъ талантъ — значитъ, слава, Свербѣевъ . . .

Но Свербѣевъ зажалъ ему ротъ, потому что незамѣтно для себя тотъ вопилъ. Онъ почти жестоко сказалъ ему на ухо:

— Подожди, для другихъ не ори . . . если по-настоящему хочешь взять жизнь и славу не лаптемъ добывать, — нужны деньги, прежде всего . . . Это ты понялъ?

И Безсоновъ кивнулъ головой:

— Понялъ.

— Такъ вотъ, деньги нужны, а какъ достать эти деньги . . . много денегъ — ты знаешь? А я знаю!

— Какъ? — быстро спросилъ Безсоновъ и вдругъ весь запылалъ. — Какъ? Скажи!

— А не выдашь? Умрешь, но не выдашь? Татьяной поклянись!

— Клянусь.

— Ну, такъ слушай . . . пускай они здѣсь гомозятся, а ты слушай! Деньги есть, много денегъ, и можно добыть ихъ безъ всякаго риска. Тысячи четыре, навѣрное. Знаешь, у кого?

— У кого? — спросилъ Безсоновъ сухими губами.

— У Челищева. Онъ на поѣздку копитъ...

— А какъ же? . . — и Безсоновъ почти задохнулся.

— Какъ? Проще простого, Кириллъ. Я тебѣ разскажу планъ, и ты скажешь — геніальный человѣкъ Свербѣевъ . . . не подлецъ, а человѣкъ, замѣть. Подлецъ Челищевъ, а мы умнемъ его подлость немного . . . только и всего. Уйдемъ отсюда, я тебѣ все разскажу, я тебѣ разскажу такое . . . — но тутъ опять изъ подъ занавѣски вынырнулъ Игнатка Сюргучевъ, онъ вскочилъ на скамью, безумной бабочкой разлетѣлся его фуляровый галстукъ, совсѣмъ шало завопилъ онъ въ толпу: — Артистки театра гротеска!.. — и летающимъ ангеломъ прошелъ на воздѣтыхъ рукахъ мужчинъ; женщины съ визгомъ шарахнулись, и

двѣ прежнихъ дѣвицы, уже въ желтыхъ камзольчикахъ, съ яростнымъ темпераментомъ вынеслись на середину. Свербѣевъ взялъ Безсонова подъ руку, провелъ его сквозь бѣснующуюся толпу и вывелъ въ прихожую. Въ углу на ворохахъ наваленныхъ шубъ сидѣла парочка, закостенѣвъ въ поцѣлуѣ, и не обратила на нихъ никакого вниманія.

XVIII

Они пошли вмѣстѣ тихими, отрезвляющими переулками. Только что насвѣже выпалъ снѣгъ. Низенькіе деревянные особнячки старчески дремали, деревья въ садахъ лохмато клонились подъ тяжестью снѣга. Была арбатская, почти провинціальная смиренная тишина въ этихъ переулкахъ, кочерыжкою хрустѣлъ снѣгъ, и большая холодная Капелла раздумчиво лилась въ небѣ, очищенномъ отъ недавнихъ снѣжныхъ тучъ.

— Я разговоръ съ тобой не спьяну затѣялъ, — сказалъ Свербѣевъ.

— Ну что, отошелъ совсѣмъ? — спросилъ Свербѣевъ его. — Такъ слушай все по порядку, Кириллъ. Во первыхъ, долженъ я сказать о себѣ... мы съ тобой больше года тремся, а ты обо мнѣ ничего не знаешь по настоящему. А извѣстно тебѣ, что я въ партіи былъ четыре года, на семи фронтахъ дрался, военкомомъ дивизіи былъ... вона! Я такую, братъ, жизнь прошелъ, что не въ институтѣ теперь мнѣ торчать, а на государственномъ бы дѣлѣ сидѣть. Только скучно все это, Кириллъ, я отъ скуки этой и себя запустилъ, и партію бросилъ... вычистили, конечно!.. А я тебѣ объясню, почему. Такихъ вотъ, какъ я, тысячи, братъ, — мы на огонь летѣли, дрались, себя не жалѣя, въ пухъ по вѣтру себя пускали... горизонты открылись. А насъ съ военной работы—прямехонько въ бухгалтерію... учитесь, товарищи, на счетахъ считать да штаны просиживать. Или въ укомъ на работишку... нѣтъ, братъ, кто вольнаго духу понюхалъ, того въ канцелярію не засадишь. Тѣсно! А въ кан-

целярію не желаете, пожалуйте въ вычистку... у насъ на этотъ счетъ просто.

Ладно, думаю, братцы, я для васъ воевалъ, а вы меня колѣнкой подъ задъ, когда желаю имѣть свои убѣжденія... и вычислили. Ну, а наше поколѣніе, знаешь — изъ училища прямо въ войну, а изъ войны въ революцію. Что мы знаемъ? Пока былъ въ карманѣ билетъ, была должность — человѣкомъ былъ. Отобрали билетъ, смѣстили съ должности — и въ родѣ какъ бы голымъ остался. Рѣшилъ себя образовывать, чтобы ни отъ кого не зависѣть... Вотъ институтъ, — ну, къ техникѣ у меня способность есть, отъ другихъ не отстану, — а въ башкѣ, какъ кофейная мельница: ну, а дальше? Перепроизводство или съ канарейкой житьишко? Такъ не для этого на фронтѣ я дрался, не для этого мнѣ горизонты открылись... я жизни хочу!

Жизнь нужна, Кириллъ, а если жизни ты хочешь, то и нужно ее добывать — съ большимъ умомъ добывать. Ладно. Сталъ я къ жизни присматриваться и увидѣлъ, что о справедливости только въ трубы трубили, никакой справедливости нѣтъ... Попрежнему живетъ одинъ хорошо, а другой плохо, одному жизнь пригоршней лѣзетъ, а другой ее и не зацѣпитъ, какъ ни старается. Мы въ институтѣ гранитъ грыземъ, на двадцати цѣлковыхъ въ мѣсяцъ живемъ, дрова на вокзалы бѣгаемъ разгружать, а профессоръ Челищевъ, къ примѣру, по заграницамъ катается... Для тебя рубль — богатство, а онъ сотню отвалитъ — и не сморгнетъ. Очень большое зло имѣю я на Челищева... а прежде всего за Таню. А мы съ тобой какъ шагаемъ сейчасъ, такъ и будемъ шагать... понялъ?

Ночной снѣговой вѣтерокъ вывѣтривалъ хмѣль, и Безсоновъ шелъ рядомъ съ Свербѣевымъ и слушалъ его.

— Вотъ. А для того, чтобы намъ съ тобой всю жизнь выправить, нужны деньги... деньги прежде всего, Кириллъ, безъ денегъ мы — ничто, пролетаріи безъ цѣпей, и цѣпей даже нѣту, чтобы терять ихъ. Зато деньги есть у Челищева, и не думай, пожалуйста, что я его ограбить затѣялъ, ничуть! Велика честь мараться изъ за него. А только если водворять спра-

ведливость, такъ водворять. Я его ненавижу, по совѣсти, противенъ онъ мнѣ своимъ барствомъ, но не гадину для справедливости убрать я хочу, я — не Раскольниковъ. Пусть и гадина существуетъ, подлецовъ въ жизни не будетъ, такъ и честныхъ отличить нечѣмъ станетъ.

Нѣтъ, я о другой справедливости. Челищевъ Таней попользовался — такъ, по грубому, безъ лишнихъ прикрасъ? Дѣло для профессора негодящее... если разафишировать, большая можетъ выйти для него непріятность... понужденіе къ сожительству студентки, — мы это дѣло такъ изобразимъ, если придется, что въ полчаса опрокинемъ. Такъ вотъ ты женихъ Тани Агуровой... постой, не перебивай! Женихъ. А развѣ не женишься, если она согласится? — и Свербѣевъ горячо дыхнулъ ему въ щеку. — Отъ радости задрожишь... я, братъ, насквозь тебя вижу. Ты — женихъ, а я твой другъ, студентъ Свербѣевъ... никакого маскараду, какъ есть все — такъ и есть. Узналъ ты про Танину исторію и хочешь поднять противъ него, противъ Челищева, дѣло... черезъ газеты опозорить, благо и газета въ случаѣ чего за Татьяну заступится. Ну, а если такъ — выбирайте: три тысячи, и ты и она бросятъ ученье и уѣдутъ въ провинцію...

Они остановились посреди дорожки бульвара. Сердце Безсонова билось, ему стало жарко, онъ снялъ кепку и словно дымился, какъ ломовая запаленная лошадь.

— Это ты брось, Кириллъ, — сказалъ Свербѣевъ и надѣлъ на него его кепку, — здѣсь не потрясаться нужно, а дѣйствовать, если ты человѣкъ. А если не человѣкъ, то и говорить съ тобой мнѣ не о чемъ.

— Нѣтъ, я человѣкъ, — сказалъ Безсоновъ твердо, какъ могъ.

— А если человѣкъ, то не можешь ты не раздѣлить со мной моего плана... уѣдешь съ Таней въ Батумъ, напримѣръ, проживете у моря и жизнь начнете заново складывать.

Свербѣевъ сказалъ ему это такъ, словно уже получили они эти деньги и дѣлятъ между собой. И совсѣмъ не потому, что Безсоновъ принялъ для себя

этотъ планъ и теперь готовился дѣйствовать, а потому что мысль о возможности быть съ Таней вмѣстѣ, всегда видѣть передъ собой эти умные, синіе до потрясающей ясности глаза и удивительную улыбку, — эта мысль затеплила его теперь такой радостью, что стремительно ухватилъ онъ Свербѣева за руку и ничего ему не сказалъ и только, не отрываясь, глядѣлъ на его лицо, смутное въ ночи.

— Такъ я и зналъ, что ты настоящій парень, — сказалъ Свербѣевъ, тряхнувъ его руку. — Отъ жизни никогда не отказывайся, если къ тому же она тебѣ въ руки лѣзетъ... а сейчасъ сама тебя жизнь ждетъ, и въ твоей волѣ взять ее или отвергнуть! Есть еще одинъ такой человѣкъ, съ которымъ нужно дружбу вести: Это Куреповъ. У этого человѣка голова жизнью орудуетъ... если придешься ему по душѣ, онъ тебя втянетъ въ такое дѣло, что денегъ и кромѣ челищевскихъ станетъ. Это я тебѣ къ тому говорю, что ничего въ жизни не пропускай, а выставь пальцы, какъ шестерню... вотъ такъ, — и наматывай пряжу. А Татьяна будетъ твоей, будетъ, Кириллъ, — надо только отъ этой всей шелухи ей отдѣлаться!

Они дошли до конца бульвара, перешли площадь и снова вошли на другой бульваръ.

— А о планѣ нашемъ никому... понялъ? — — сказалъ Свербѣевъ еще. — Мы его въ деталяхъ съ тобой разработаемъ.

И дальше шли они молча. На бѣлой вязи деревьевъ картузами чернѣли вороньи гнѣзда. Звѣзды застилало продольными тучами, опять пошелъ снѣгъ. Сразу, густо, неся успокоеніе и тишину, повалилъ онъ изъ низкихъ небесъ, словно тысячи лебедей теряли на лету подкрыльный пухъ, — и въ снѣжномъ пушистомъ буранѣ, ловя губами нѣжные хлопья, Безсоновъ шелъ со Свербѣевымъ далѣе въ эту незабываемую для него и пронзительную сказаннымъ ночь. Такъ, въ жестокой горячкѣ сердца и въ холодныхъ дуновеніяхъ зимнихъ мегельныхъ всходовъ, въ новый узелъ завязалась его судьба.

XIX

Второго декабря, въ девятомъ часу вечера, Таня подошла къ бѣлому дому во дворѣ одного изъ переулковъ на Поварской. Домъ былъ обыченъ съ виду, только садъ уходилъ отъ него въ глубину съ бѣлопѣнною кущей деревьевъ. Сидѣлка въ бѣломъ несвѣжемъ халатѣ открыла ей дверь. Въ прихожей стоялъ желтый деревянный диванъ унылаго облика просительскихъ ожиданій, на вѣшалкѣ одиноко висѣло нѣсколько шубъ.

— На операцію? — спросила ее сидѣлка безстрастно. — Раздѣвайтесь и проходите въ дежурную.

Сидѣлка помогла ей снять шубку. Таня раздѣлась, прошла скучнымъ масляно голубымъ коридоромъ и сѣла въ дежурной на клеенчатый и холодный диванчикъ. Никого не было; очень часто, иноходью, стучали часики на столѣ. Таня сидѣла, сложивъ на колѣняхъ руки, и ждала; все было въ ней пусто, бушующія и всколыхнувшіяся силы утихли и глухо перешли въ отупѣніе. Такъ надо, — такъ будетъ. Не совсѣмъ еще ясно она представляла себѣ, какъ сможетъ жить послѣ этого, но сейчасъ нужно лишь это — и вотъ она здѣсь... Женщина-врачъ, маленькая и въ бѣломъ халатѣ, съ лаково притертымъ черными волосами и большимъ и добрымъ еврейскимъ носомъ, на непомѣрно-высокихъ каблучкахъ, чтобы скрыть низкорослость, — пришла черезъ минуту и сѣла за столъ. Она достала большую конторскую книгу и записала фамилію Тани, родъ операціи и время ея поступленія.

— Вы пришли ночевать, милочка? — сказала она очень отечески. — Операція будетъ утромъ, въ половинѣ девятаго. Я записала васъ первой. А теперь пойдемте за мной, я проведу васъ въ палату.

Она провела за собою Таню по лѣстницамъ и такимъ же масляно голубымъ пустыннымъ коридорамъ. Двери въ одну изъ общихъ палатъ были открыты, и Таня увидѣла ряды кроватей и женщинъ въ бѣломъ — на нихъ. Гдѣ то за дверьми по-просячьему хрюкалъ новорожденный. Огромный домъ, гдѣ принимаютъ тысячи новыхъ жизней и убиваютъ ты-

сячи жизней; рожденіе и смерть — въ такомъ тѣсномъ и неразрывномъ сосѣдствѣ. Маленькій врачъ бойко отстукала впереди каблучками и привела ее въ одиночную палату.

— Вотъ тутъ вы и будете, милочка, — сказала она также отечески и дѣловито добавила: — Первый абортъ.

Таня отвѣтила мертво:

— Первый.

И хотя женщина хотѣла быть съ ней очень дѣловито-отеческой, Таня замѣтила, что любопытно, поженски — какъ женщина женщину — она оглядѣла ее.

Минуту спустя въ этой пустой одинокой палатѣ Таня осталась одна. Бѣлыя стѣны съ каймой, желчная высокая лампочка, бѣлый шкафъ, бѣлый столъ, кровать съ сѣткой — и ничего болѣе. Стылая вязь деревьевъ за окномъ, да суховатый жаръ отъ желѣзной гармоники отопленія. И впервые страшное одиночество, незнаемая тоска удушливо объяли ее. Въ маленькомъ саквояжикѣ у нея съ собой была книжка. Брату она сказала, что редакція посылаетъ ее на два дня въ Орѣхово-Зуево. Даже не простилась съ нимъ, хотя можетъ случиться, что не увидится. Она достала книжку, попробовала занять себя чтеніемъ, но слова всплывали въ отдѣльности, за ними не было смысла. Надо ждать до утра. Въ этомъ крушеніи всѣхъ ея невозможныхъ мечтаній — ждать до утра, слушая тишину и голоса въ себѣ, которыхъ нужно теперь не слышать... Но тишина въ этомъ домѣ была не пустой, — домъ былъ полонъ таинственныхъ звуковъ, если прислушаться: на разные голоса плакали дѣти внизу, подъ поломъ, все принесенное въ жизнь сегодня, вчера, недѣлю назадъ. Сотни женщинъ имѣютъ право быть матерьми, имѣть ребенка. И тысячи права этого лишены; въ ихъ числѣ — и она.

Сложивъ на колѣняхъ мертвѣющія руки, сидѣла Таня недвижно. Раскрытая книжка лежала передъ ней. Но неужели ничего, ничего не стоила ея молодость, неужели ея мечта достойна только того, чтобы закончиться въ этомъ уныломъ домѣ? .. И она прислушивалась еще къ другимъ его звукамъ, доносившимся отовсюду. Очень глухо, раздѣльно, не уско-

ряя, стоналъ человѣкъ. Это стонала женщина. Можетъ быть, ощущая приближеніе родовъ, можетъ быть, изувѣченная операціей. Мужчины, спокойные дѣятели жизни, увѣренные ходоки по землѣ, мнительные въ болѣзни, ужасающіеся ничтожной царапины, — а здѣсь по-звѣриному ревутъ женщины, рожая, вывертывая нутро, обнажая передъ чужими самое тайное, — ихъ рѣжутъ, взрѣзаютъ какъ дыни, помогая родить и убивать, если надо, дѣтей. Другая женщина за стѣной тоже стонала, но высокимъ и частымъ голосомъ, закатываясь временами отъ боли. Стукали ведрами въ коридорѣ, сухо вздрагивали звонки, и сидѣлка, пришлепывая въ туфляхъ, сбивала ладонью номерки нумератора. Вечерней большою жизнью жилъ этотъ домъ.

Таню разбудили въ половинѣ восьмого утра. Она не сразу все поняла, гдѣ она и кто ее будитъ; тревогой и холодомъ пахло это угрюмое утро. Съ полчаса съ ней возились, дѣлая все что надо, а затѣмъ повели въ операціонную внизъ. Въ домѣ былъ уже дѣловой день, изъ палатъ выносили тазы, человѣкъ на лѣстницѣ дѣловито оттиралъ мѣдныя части. Такъ спустились они въ операціонную. Знакомый докторъ, у котораго была она недѣлю назадъ, неузнаваемый въ поварскомъ своемъ одѣяніи, кипятилъ инструменты. Бѣлая полотняная шапочка смѣшно не шла къ мясистому его толстогубому лицу, и — точно — былъ похожъ онъ теперь на стараго повара. Таню раздѣли и надѣли на нее бѣлые странные чулки и чистую ночную рубаху. Въ операціонной было тепло, за бѣлыми окнами чувствовалась зима, морозъ, и тихонько шелестѣли инструменты, поворачиваясь въ кипящей водѣ.

— Ну-съ, пожалуйте, — сказалъ врачъ и отвернулся снова, пока сидѣлки подвели ее къ высокому операціонному столу съ стременами для ногъ. Торопливо, страшно отчетливо билось сердце. Таня оглядѣла въ послѣдній разъ матовыя стекла съ налипшимъ морозомъ, бѣлыя стѣны, сидѣлокъ и легла, запрокинувъ голову. Внезапно рука съ большимъ кускомъ ваты плотно опустилась ей на лицо. Какая-то мутная, сладкая, удушливая тоска полилась съ этой ваты ей

въ носъ, отвратительно осѣдая на нёбѣ, какія-то полотнища, одно за другимъ, все плотнѣе стали наваливаться на нее, она забилась, но рука, державшая ея руку, удержала ее, и дальше все пошло ужъ безвольно, все удушливѣй, все безразличнѣй. Она услышала очень близко голоса, кто-то сказалъ: — Маска . . . — и знакомый голосъ, который она узнала тотчасъ же, голосъ доктора, похожаго на стараго повара, сказалъ ей:

— Считайте до десяти . . . Разъ, два, три.

Она удивилась и стала считать, но вдругъ поняла, что сбилась на четырехъ, хотѣла начать снова — и уже не могла. Она опускалась все глубже, плотнѣе, въ какую-то разселину, и тамъ осталась лежать...

Таня проснулась вторично въ половинѣ десятаго у себя на постели въ палатѣ, куда привела ее вечеромъ маленькая женщина врачъ. Глухая тупая боль напомнила то, что заглушилъ хлороформъ. Все уже сдѣлано, одною невозникшею жизнью стало больше. Теперь можетъ быть спокоенъ Челищевъ: съ огромнымъ облегченіемъ узнаетъ онъ объ этомъ и, навѣрное, надолго закрѣпитъ себя словомъ быть впредь осторожнѣе къ связямъ. А она? Для него она уже отслужила, никогда съ нею снова не будетъ онъ прежнимъ. Пусть строитъ она свою жизнь, какъ умѣетъ, онъ не далъ ей никакихъ обѣщаній. О, какое нестерпимое мучительство! — Съ открытыми глазами, передъ которыми проплывали видѣнія, съ легкимъ пóтомъ, выступившимъ на лбу, Таня лежала на спинѣ. Блѣдные пальцы маленькой полудѣтской руки все перебирали оборку рубахи. И впервые, уже одна за другой, большими холодящими зернами, набухали слезы непоправимой обиды и плоско стекали къ вискамъ. Скоро пришла фельдшерица, принесла пустого чаю въ фарфоровой кружкѣ и привычно сунула холодную и непріятную стекляшку градусника подъ мышку.

XX

Послѣ вечера на чердакѣ и дальше зимней ночной той прогулки съ Свербѣевымъ, Кириллъ Безсоновъ по-новому ощутилъ свою жизнь. Итакъ, все

позволено; все позволено для того, чтобы создавать свою жизнь возможно искуснѣй и лучше. Сотни тысячъ сѣренькихъ людей, неспособныхъ даже на малый полетъ, на рѣшеніе измѣнить постылый ходъ дней, копошатся въ своихъ несоблазнительныхъ будняхъ. Свербѣевъ правъ — жить такъ, лучше не жить совсѣмъ! И мысль о Челищевѣ пріобрѣла какія-то невѣроятныя, вначалѣ ужаснувшія, а затѣмъ показавшіяся совершенно естественными — очертанія. Не все для одного человѣка, и не одинъ человѣкъ своей человѣческой жадностью имѣетъ право себѣ захватить чрезмѣрно обильный кусокъ жизни. Свербѣевъ правъ и здѣсь, — ибо если захватываетъ столько одинъ человѣкъ, то и не жалко урвать у него несправедливую эту добычу ... Но тутъ у Безсонова произошла неожиданно встрѣча, глубоко и по-иному его взволновавшая и изъ которой Свербѣевъ еще шире раскрылъ туманный горизонтъ своихъ перспективъ.

Въ одинъ изъ дней, на Моховой, возлѣ Дома Совѣтовъ, Безсоновъ встрѣтилъ Лебедкина. Случилось такъ, что шелъ Безсоновъ по Моховой въ предвечерній этотъ часъ безъ особыхъ цѣлей и мыслей. Впереди у подъѣзда остановилась съ разлета длинная вороная машина, и съ вышедшимъ изъ нея человѣкомъ столкнулся лицомъ онъ къ лицу. Мгновенно и радостно узнали они другъ друга. Это былъ тотъ же Лебедкинъ, только чуть постарѣвшій, въ сѣрой англійской кепкѣ, такой же угреватый и тощій. Какимъ-то давнимъ позабытымъ видѣніемъ возникъ онъ теперь передъ нимъ. По своему встревоженный каждый, они долго жали руку другъ другу и тутъ же въ спѣшкѣ и на ходу уговорились сегодня же увидѣться снова ... Съ волненіемъ и радостью пошелъ подъ вечеръ Безсоновъ къ этому человѣку, который вложилъ въ него первыя знанія и помогъ ему перебраться въ Москву. Въ вестибюлѣ Дома Совѣтовъ густѣла ковровая тишина, а у Лебедкина въ номерѣ былъ прежній холостой безпорядокъ, на столѣ на газетѣ — хлѣбъ, сахаръ — въ бумажномъ пакетѣ, и огромною дамбой — набитый портфель. Они сѣли вплотную и жадно принялись говорить.

— Ну, какъ же, успѣваешь, Кириллъ, — спросилъ Лебедкинъ очень любовно, — одолѣваешь-то горку?

Безсоновъ смутился; неопредѣленно, словно стараясь стряхнуть разговоръ съ мучительной этой зазубринки, онъ отвѣтилъ: — стараюсь... — но сейчасъ же подумалъ о провалѣ своемъ на зачетѣ, о томъ, что за послѣдніе мѣсяцы онъ совсѣмъ оторвался отъ института, и онъ туманно и кратко добавилъ еще, что началъ писать стихи. Впрочемъ, минуту спустя, сталъ изъяснять онъ Лебедкину еще кое что о жизни вообще, о перепроизводствѣ, о томъ, что можетъ случиться — выйдетъ у него со стихами и другая дорога. Тревожно Лебедкинъ выслушалъ всю эту несосвѣтимую рѣчь.

— Это кто же тебя такими идеями начинилъ? или самого озарили? — невесело онъ спросилъ наконецъ.

И тогда уже горячо сталъ Безсоновъ доказывать именно то, о чемъ столь часто ему говорилъ Свербѣевъ. Лебедкинъ слушалъ его и ходилъ по своей неуютной комнатѣ.

— Идеи эти недорого стоятъ, Кириллъ... знаемъ мы ихъ хорошо, — сказалъ онъ погодя почти яростно и остановился, руки въ карманы, заостренный, какъ всегда, когда говорилъ волнуясь. — Ну, а теперь послушай меня. — Ты думаешь, я вашихъ настроеній не знаю? Знаю отлично. Время, молъ, желтое, будни скучныя, жить неинтересно; давайте искать въ кабакѣ героя, да идеалъ обмусолимъ, выплачемъ, истерическимъ кликушамъ поклонимся! Романтика нужна, Кириллъ, но по новому, новый героизмъ нуженъ, а не богему возносить и оправдывать. Я за нашей молодежью вотъ какъ слѣжу... и пока вы всѣ не поймете, что и въ калькуляціи сниженія цѣнъ можно найти романтику, не захотите принять культуры... мы — молъ, да сами — молъ, Русь наша лапотная... тогда гибель, Кириллъ! Помяни мое слово — безславная и неинтересная гибель. Лучше ужъ было погибать въ революцію, чѣмъ теперь.

Лебедкинъ говорилъ все это и ходилъ по своей комнатѣ и качался на носкахъ. Узконосая его тѣнь строгала стѣну. Безсоновъ слушалъ его и сказалъ,

наконецъ; трудно и мучительно говорилъ онъ ему, изъ самой своей глубины добывая слова:

— А если все-таки вижу я радость совсѣмъ въ другомъ... если не могу я такъ строить, таскать кирпичи не умѣю, не хватаетъ терпѣнья. Вѣдь можетъ и иначе развернуться жизнь, Тимофей Ивановичъ, сразу развернуться... можетъ быть, у меня есть талантъ, а я его кирпичами завалю, и самъ ничего въ жизни не добьюсь, и передъ людьми себя не смогу развернуть!..

— А кто тебѣ сказалъ, что у тебя есть талантъ? — спросилъ быстро Лебедкинъ и подошелъ вплотную къ нему. — Кто тебя хламомъ засорилъ, шелухой тебя закидалъ?.. А ты повѣрилъ, поплелся по этой дорогѣ — и прежняго себя совсѣмъ потеряешь, до послѣдней крупинки... Нѣтъ, брось, другъ, — не для этого я тебя въ Москву перекинулъ, лучше бы ты остался при заводѣ въ провинціи... тамъ — дѣло, все-таки дѣло! А я вижу ты здѣсь уже богему понюхалъ, нигилистическихъ набрался идей... совѣтскіе нигилисты! Ахъ, скоро, скоро портитъ человѣка большой городъ.

И Лебедкинъ подошелъ къ нему и положилъ ему руки на плечи.

— Смотри, Кириллъ, добра тебѣ я желаю и не хочу, чтобъ свернулъ ты съ пути... учиться надо, страшно много учиться, потому что безъ культуры сейчасъ ничего не сдѣлаешь. Если нужно помочь въ чемъ, я помогу. Приработокъ понадобится, — я знаю, на стипендію нынче не проживешь, — устрою тебѣ работу... но только дай слово, что будешь учиться. Людьми пора намъ становиться, кончать съ азіатчиной... нравы у насъ такіе, словно съ татарскихъ временъ не измѣнились, а время не ждетъ!..

Лебедкинъ сѣлъ въ кресло, и Безсоновъ увидѣлъ, какъ страшно постарѣлъ онъ за эти годы, какъ бирюзово выцвѣли его глаза, — и дѣтство, полное далекихъ мечтаній, опять проступило изъ чертъ бывшаго его учителя. Да, нужно учиться, Лебедкинъ правъ! Нужно догнать, пока еще есть возможность и время, все то, что пропустилъ онъ за этотъ годъ. Можетъ

быть, завтра же пойти къ Челищеву, просить его, чтобы позволилъ теперь же онъ заново сдать зачетъ . . .

* * *

Эта встрѣча съ Лебедкинымъ сильно его потрясла и перестроила какъ бы на новый ладъ. О справедливой и вѣрной линіи жизни говорилъ Лебедкинъ ему, весь же кругъ его неоправданныхъ замысловъ былъ неправѣдно-теменъ, всѣмъ своимъ существомъ ощущалъ онъ это теперь. И на другой же день въ институтѣ разсказалъ онъ Свербѣеву все. Только что кончились лекціи, со своими тетрадями разбредались студенты, и въ пустѣющей аудиторіи они остались вдвоемъ. Они сѣли на трибунку возлѣ профессорской кафедры. Безсоновъ говорилъ, и Свербѣевъ слушалъ его и думалъ о своемъ. Наконецъ, онъ вздохнулъ и сказалъ:

— Казенные разговоры, Кириллъ . . . и крутымъ дуракомъ окажешься, если на эту казенную удочку клюнешь. А вотъ то, что твой Лебедкинъ, или какъ его тамъ,—на мануфактурѣ сидитъ, это, братъ, вещь... великолѣпное дѣло! Растяпой не будешь, превосходные горизонты открываются, почище лекцій, какія сегодня, развѣсисъ уши, мы съ тобой слушали.

Но почему было великолѣпно, что сидитъ на мануфактурѣ Лебедкинъ, — объ этомъ Свербѣевъ не сказалъ ему ничего. И въ этотъ день все же рѣшилъ для себя Безсоновъ, какъ бы ни относился Свербѣевъ къ этимъ новымъ его озареніямъ, — пойти просить у Челищева, чтобы тотъ позволилъ ему сдать вторично зачетъ до рождественской сессіи.

XXI

Безсоновъ подошелъ къ дому Челищева въ шестомъ часу вечера, заново скованный знакомой тугою неловкостью. Не только однимъ своимъ превосходствомъ профессора, но и человѣческимъ какимъ то и обиднымъ до чрезвычайности превосходствомъ — вліялъ этотъ человѣкъ на него... Прислуга впустила въ переднюю, оглядѣла недоброжелательно и пошла доложить. Безсоновъ остался въ передней, онъ слы-

шалъ фарфоровый стукъ посуды и стоялъ въ просительскомъ ожиданіи; минуты шли. Внезапно открылась дверь сбоку,—стоя въ пролетѣ, не предлагая войти, Челищевъ спросилъ учтиво и холодно:

— Вы по дѣлу, товарищъ?

— Я пришелъ просить васъ, профессоръ, — сказалъ Безсоновъ какимъ-то сдавленнымъ и самому себѣ ненавистнымъ голосомъ,—мѣсяцъ назадъ я не сдалъ зачета у васъ...

— Да, и что же? — выжидающе и попрежнему холодно спросилъ, погодя, Челищевъ.

— Да... я сознаю теперь, что мало подготовился и что вообще работалъ не такъ, какъ нужно.—Безсоновъ проговорилъ это глухо и смотрѣлъ мимо, въ уголъ, гдѣ на высокой коричневой тумбѣ бронзовый Атлантъ поддерживалъ глобусъ. — Я хочу сдать зачетъ вторично до рождественской сессіи...

Очень удивленно Челищевъ поглядѣлъ на него.

— То-есть, какъ? — сказалъ онъ, наконецъ, — но развѣ могу я дѣлать для васъ одного исключеніе?

— Я думалъ, что это не можетъ нарушить порядковъ, — сказалъ Безсоновъ уже дерзко.

И неловкость, непобѣдимо сковавшая было, смѣнилась прежней устойчивой ненавистью къ этому холодноватому, самоувѣренному человѣку. А если сказать бы ему, что все извѣстно про Таню и про его похожденія . . . сказать бы все это, жадно и испытующе глядя ему въ глаза! О, навѣрное, сразу померкло, слетѣло бы самоувѣренное равнодушіе съ его лица. Но это послѣ, послѣ . . . а сейчасъ нужно говорить это сдавленнымъ, просительскимъ голосомъ.

— Нѣтъ, конечно, для васъ одного исключенія я дѣлать не стану... въ общемъ порядкѣ, въ очередной сессіи, пожалуйста!

Онъ потеръ одну о другую руку—разговоръ для него былъ оконченъ, больше говорить ему было не о чемъ. Минуту спустя онъ проводилъ его до дверей. Неловко, не попадая въ галоши, Безсоновъ торопился уйти.

Къ Вѣрѣ Никольской онъ идти не хотѣлъ, — насыщаясь, на нѣсколько дней отходилъ онъ отъ этой женщины, даже не вспоминая о ней. И, жадно желая

простора, который долженъ смѣнить въ немъ всѣ впечатлѣнія отъ встрѣчи съ Челищевымъ, онъ вспомнилъ, что больше недѣли назадъ далъ въ журналъ черезъ Донцева новые, звучащіе для него уже по-иному, стихи. Въ этой редакціи, въ окнахъ которой пестро и призывно висѣли плакаты, сидятъ люди, уже узнавшіе его, Безсонова, имя. Трудно начало, но начало у него уже было, — и теперь все должно пойти легко, чудесно, волнующе . . .

На арбатской площади матовый монокль часовъ показывалъ четверть седьмого, отъ пяти до семи принимали въ редакціи — тщательно изучилъ онъ время пріема, — и онъ устремился теперь же въ редакцію, чтобы утвердить себя въ своемъ торжествѣ наперекоръ хотя бы Челищеву . . . Возбужденный слегка этой всей перспективой, онъ быстро нырнулъ въ глубь кисловскихъ переулковъ, мимо высоченнаго дома, на вершинѣ котораго желчно свѣтилась готическая луна часовъ, истекающая черными буквами „Моссельпромъ", и пошелъ крестить, похрустывая свѣжимъ снѣжкомъ, кисловскіе эти переулки и улицы Герцена и Огарева.

Вскорѣ вошелъ онъ въ подъѣздъ наряднаго дома и поднялся по лѣстницѣ наверхъ. Въ редакціи было жарко, сухо за дверьми долбилъ стальнымъ носомъ ундервудъ. Молодой человѣкъ посмотрѣлъ на него, перекусилъ было трубку съ зуба на зубъ, но въ этотъ мигъ зазвонилъ телефонъ. Не желая терять ни минуты своего неповторимаго времени, молодой человѣкъ говорилъ въ телефонъ, въ то же время всѣмъ своимъ выраженіемъ лица обращаясь къ Безсонову. Онъ кончилъ, наконецъ, говорить.

— Ваша фамилія Безсоновъ? — спросилъ онъ и задумался. — Не помню, не знаю . . . Справьтесь у техническаго секретаря, вторая дверь по коридору налѣво.

Техническимъ секретаремъ оказалась молочно-бѣлая дѣвица, ровно и обильно, какъ конфетти, осыпанная весенушками, въ сіяющей красноыжей коронѣ нарочно путанныхъ и взбитыхъ волосъ.

— За какимъ номеромъ сдавали — не помните? — спросила она скучающе и стала рыться въ перинѣ настуканныхъ на машинкѣ и переписанныхъ отъ руки

рукописей. Она долго искала, не нашла и стала отыскивать въ длинной и на видъ погребальной книгѣ, угрюмо нумеровавшей надежды провинціальныхъ мечтателей.

— Когда это было? — спросила она, наконецъ.

— Недѣлю назадъ, — поспѣшно отвѣтилъ Безсоновъ.

— Слишкомъ рано приходите за отвѣтомъ, товарищъ. — Она хотѣла захлопнуть книгу и вдругъ нашла, что искала. — Ваша фамилія Безсоновъ? Стихи не пойдутъ! — сказала она почти радостно и стала медленно продолжать ту же работу, которую прервалъ своимъ онъ приходомъ: очень старательно наклеивала она на картонъ портретъ Мэри Пикфордъ въ утреннемъ безмятежномъ халатикѣ, снятую такъ въ одно изъ романтическихъ утръ въ пору ея пріѣзда въ Москву. Онъ все стоялъ. Она опять подняла на него совершенно скучающіе глаза и сказала:

— Стихи не пойдутъ, товарищъ. Редакція въ объясненія не входитъ.

— Но вѣдь Донцевъ сказалъ мнѣ, что стихи пойдутъ непремѣнно, — проговорилъ Безсоновъ уже отчаянно, до того ужасающе никто не зналъ его здѣсь, и никому не было дѣла до его судьбы и успѣха.

— Донцевъ — не редакторъ журнала, — отвѣтила дѣвица уже заносчиво.

Съ тѣмъ же почти, если не съ болѣе смутнымъ и унизительнымъ чувствомъ, какъ и отъ Челищева, онъ вышелъ отсюда, а въ фанерной каютѣ, все такъ же безстрастно дымя своей трубкой и по-американски читая газету, сидѣлъ молодой человѣкъ, равнодушный водитель этого недоступнаго корабля. Почти неслышно, чтобы тотъ не увидѣлъ его, Безсоновъ вышелъ на лѣстницу, и груда, перина исписанныхъ непріятныхъ рукописей угрожающе и угрюмо возникла вновь передъ нимъ. Въ этой грудѣ, конечно, были затеряны и его, такъ и неразысканные, стихи.

Все это видѣлъ онъ, ужасаясь судьбѣ ихъ, а сегодня именно также вернули стихи и ему . . . Съ пустой, съ горечью роковыхъ несвершеній шелъ онъ, не глядя, по улицамъ,—и въ этой же непомѣрной тоскѣ, сгущавшейся въ немъ туманомъ, вернулся назадъ въ

общежитіе. На койкѣ, подпершись кулаками щеки, сидѣлъ надъ книгой его ближайшій сосѣдъ, маленькій головастый Тарасикъ. Жестяный чайникъ стоялъ передъ нимъ на стулѣ. Тарасикъ поглядѣлъ на него, — его скуластое личико было желто, немолодо, — и радушно сказалъ въ своемъ одиночествѣ:

— Хотите чаю, Безсоновъ! . . согрѣетесь мигомъ.

Онъ уютливо налилъ ему полную кружку чаю, и Безсоновъ благодарно, найдя живую теплую душу въ этой пустынѣ, подсѣлъ къ нему на кровать и жадно обжегъ себя первымъ глоткомъ дружественнаго жидкаго чая.

XXII

Потирая рукой колючій, обрастающій щетиной затылокъ, Тарасикъ прошелся по комнатѣ. Изрѣдка поглядывалъ онъ на Безсонова, съ оцѣпенѣніемъ смертельно уставшаго человѣка, почти безъ мыслей глядѣвшаго въ уголъ. Видъ у него былъ озябшій и невеселый, — казалось, нисколько не согрѣвалъ его чай. Минуту спустя, осторожно подсѣлъ Тарасикъ къ нему.

— Я къ вамъ давно приглядываюсь, Безсоновъ,— сказалъ онъ негромко, словно боялся спугнуть эту открытую усталость и грусть человѣка, обыкновенно скрываемыя отъ постороннихъ, — и давно мнѣ хотѣлось поговорить . . . такъ, по-товарищески, по-хорошему.

Безсоновъ устало поглядѣлъ на Тарасика. Обритая голова съ линялыми синеватыми глазками, — немолодая молодость, — а изъ этихъ вотъ синеватыхъ глазокъ товарища, съ которымъ такъ и не пришлось вкрутую сойтись, — человѣческое жаркое и влекущее къ себѣ участіе.

— Говорите, Тарасикъ! — отвѣтилъ онъ съ искреннимъ чувствомъ.

— Я о васъ хочу сказать, если можно . . . то-есть, о томъ, что я чувствую въ васъ. — Тарасикъ обнялъ желтой ручкой колѣно и поерзалъ, какъ бы сказать поудобнѣе все, что онъ надумалъ. — Вотъ видите ли, Безсоновъ . . . вы не сердитесь, пожалуйста... кажется мнѣ за послѣднее время, что словно вы за-

скучали, не знаете, куда себя дѣвать и къ чему приспособить. Я вѣдь это хорошо понимаю, что значитъ, когда человѣкъ начинаетъ скучать . . . тутъ недолго потерять себя и совсѣмъ.

Торопливо подвелъ его къ койкѣ Тарасикъ и усадилъ передъ собой. И далѣе въ ночь протянулся страстный и потаенный ихъ, душа къ душѣ, разговоръ. Давно уже время перегнулось за полночь, вернулся третій товарищъ, сосѣдъ ихъ по койкѣ, — болѣзненный, сухой Колотиловъ, сынъ машиниста Колотилова, погибшаго въ пятомъ году, — и словно въ эту ночь заново сошлась ихъ — троихъ — трудовая, товарищеская и полная однихъ устремленій жизнь. Одна только ночь прошумѣла ливнемъ ихъ торопливой бесѣды, — и тугое зимнее утро встрѣтило уже снова тревогой, напоминаніемъ о назначенной встрѣчѣ съ Свербѣевымъ и скудостью студенческаго бытія. Торопливо умывшись, пили студенты утренній чай, торопясь по своимъ дѣламъ. Подслѣповато забредало утро въ тусклыя окна богадѣленныхъ покоевъ. Дѣла и заботы предстоящаго дня равнодушно затмевали ночную бесѣду. И уже часъ спустя — по инымъ, по разнымъ путямъ пошла снова ихъ жизнь, какой-то болѣзненной ссадиной надолго оставшись, однако, въ тоскующей и болѣе еще замутившейся теперь — душѣ Кирилла Безсонова.

XXIII

Пронзительные вѣтры зимы нагоняли снѣжныя тучи: въ одинъ изъ такихъ снѣгопадовъ, три дня спустя послѣ ночного своего разговора съ Тарасикомъ, Безсоновъ встрѣтилъ Таню Агурову. Такъ случилась для него эта нежданная встрѣча и такъ сокрушительно и невѣроятно означила она передѣлъ его жизни.

Прошли двѣ недѣли со дня операціи Тани, и боль казалась утишенной. Но только казалась утишенной эта боль, — на самомъ же дѣлѣ глубокой и страстной тоской запала она въ глубину, и Таня ужаснулась той пустоты жизни, какая открылась передъ ней послѣ этого перваго ея крушенія. Точно обезцвѣтились

краски, слиняла плѣнительная пестрота дней, возникающихъ передъ младостью, и жизнь оказалась вдругъ безъ мечты и безъ пламени. Тамъ, въ бѣломъ домѣ, съ бѣлопѣнною кущей деревьевъ въ саду, словно обезкровилось, выцвѣло ея ощущеніе жизни. Такъ же послѣ перерыва — впервые пошла она въ университетъ на занятія и въ редакцію, стараясь приноровить себя къ былому размѣренному ходу жизни, но вернуть себя къ прежнему уже не могла. И первая тоска обратилась въ безысходную тысячепудовую тяжесть. Съ этимъ чувствомъ въ душѣ она встрѣтила Кирилла Безсонова въ почтовомъ отдѣленіи, гдѣ отправила матери очень спокойное и не отразившее ничего изъ ея жизни — письмо. Они встрѣтились здѣсь, и впервые Безсоновъ почувствовалъ, что Таня была этой встрѣчѣ рада. Они сдали письма, — и вмѣстѣ вышли отсюда. Еще по мальчишески худѣе стало личико Тани, и синѣе и глубже налились сапфировые ея глаза. Они вышли вмѣстѣ и пошли переулкомъ. Тихій былъ часъ зимы, близкій январь.

— Я давно хотѣлъ васъ увидѣть, — сказалъ ей Безсоновъ несмѣло, боясь знакомаго ея холодка. Но она молчала и отвѣтила погодя очень тихо:

— И я рада васъ видѣть, Безсоновъ.

Восхитительное счастье отъ того, что сказала она ему такъ, и отъ того, что опять подлѣ его это далекое и близкое существо, — дрожало у его губъ, и онъ долго не могъ сказать ей ничего болѣе. Они шли молча, и близко онъ видѣлъ склоненный дѣвическій лелѣемый профиль. Наконецъ, она спросила:

— Куда вы идете, Безсоновъ?

— Никуда . . . Я съ вами пойду, если можно,— отвѣтилъ онъ торопливо. Впрочемъ, сейчасъ же сказалъ онъ еще: — Если бы вы позволили говорить мнѣ о всемъ . . .

Она кивнула головой: — говорите.

— Я о невозможномъ буду говорить . . . то есть о васъ, — сказалъ онъ быстро. — Вѣдь можетъ быть у каждаго человѣка мечта, Таня . . . пусть все кругомъ очень противно, грубо, постыдно, а мечта, какъ свѣча . . . и задуть ее не позволишь, и самъ для себя бережешь.

— Я это понимаю, — сказала она тихо, — очень понимаю, Безсоновъ. Ну, а если погасаетъ свѣча, гаснетъ, не удалось уберечь, что дѣлать тогда?

— Я объ этомъ не думалъ, — онъ отвѣтилъ чуть оторопѣло, — вѣроятно, тогда и жить, можетъ быть не стоитъ . . .

— Вотъ и я такъ думаю, — она сказала это обрадованно и поспѣшно. — Это очень хорошо, что мы оба съ вами такъ думаемъ. Я когда въ первый разъ увидѣла васъ у Свербѣева, — мнѣ тогда еще показалось, что съ вами, навѣрное, можно много такъ говорить по-хорошему . . . ходить и говорить. Не приходилось только.

— Ну, а теперь, Таня, — спросилъ онъ и поглядѣлъ ей снизу въ лицо, — если бы я теперь могъ надѣяться что буду видѣть васъ не такъ, не случайно, — можетъ быть, даже навѣрное, многое иначе стало бы въ моей жизни!

Онъ сказалъ это очень искренно и съ щемящей надеждой посмотрѣлъ на нее. Но она ничего не отвѣтила и шла рядомъ молча. Кириллъ Безсоновъ нащупалъ рукой ея локоть, она позволила ему взять ее подъ слабый дѣвическій этотъ локотокъ, и вмѣстѣ отсюда, плечомъ къ плечу, точно все было сказано между ними, пошли они Патріаршими прудами, миновали въ этой своей ледяной завороженности два переулка, и только возлѣ знакомаго дома, до котораго провожалъ онъ ее уже однажды, слетѣло съ нихъ это забвеніе.

Таня поднялась на ступеньку подъѣзда и стояла, пряча въ мѣховой воротникъ подбородокъ, и глядѣла мимо, думая о своемъ. Но по тому, какъ она не торопилась уйти, понялъ онъ, что и не хочетъ вовсе она уходить отъ него, и тоже шагнулъ на эту ступеньку и открылъ вдругъ въ темное парадное дверь. Пружина захлопнула дверь, и они очутились во мракѣ, сердце его забилось, онъ стоялъ рядомъ съ ней и, наконецъ, коснулся ея руки. Покорно легла маленькая и холодная эта рука въ его руку, и тогда онъ дважды поцѣловалъ узкую ладонь, тишайшею лаской коснувшуюся его лица. Не скоро могъ онъ снова заговорить и хотѣлъ скрыть дрожь въ своемъ голосѣ.

— Я хотѣлъ вамъ сказать, Таня, что жизнь моя покатилась ужасно, — все же не поборовъ дрожи, сказалъ онъ ей, — ужасно . . . и я боюсь, что если дальше все будетъ такъ, я докачусь до послѣдней своей черты. И вотъ мнѣ кажется, что только съ вами могъ бы себя я вернуть, потому что о васъ думаю я съ самаго начала, съ первой встрѣчи. Вы и не замѣчали меня, я знаю. А я сдѣлалъ себѣ мечту... и чѣмъ дальше становилась отъ меня эта мечта, — а далеко за это время ушли вы, Таня! — тѣмъ легче было мнѣ отказываться отъ себя . . .

Она слушала его въ темнотѣ, и рука ея попрежнему неподвижно лежала въ его рукѣ.

— Не надо о мечтѣ, Безсоновъ, — сказала она вдругъ,—мечта—это ужасное дѣло... потому что если жизнь только къ мечтѣ повернута, то вдругъ однажды окажется, что и жить нечѣмъ. Но вотъ одно, — одно хочу я, Безсоновъ: думайте обо мнѣ лучше, если можете... и если что нибудь знаете обо мнѣ, то все это было отъ мечты, а не отъ того, что я дурная, Безсоновъ! . .

— Я совсѣмъ ничего не знаю, — сказалъ онъ, дрожа, — а если бы даже и зналъ что — все равно, только лучше и чище становились вы для меня. Я одно время думалъ о васъ, какъ мужчина о женщинѣ, сознаюсь вамъ въ этомъ... но это давно прошло, и не это мнѣ нужно, увѣряю васъ. Нужно мнѣ имѣть свой свѣтъ, на который я пойду и съ которымъ ничего не страшно мнѣ въ жизни. Я не учусь уже, Таня, три мѣсяца, не учусь и не знаю, куда себя приткнуть . . . меня вотъ увѣрили, что могу быть поэтомъ, а третьяго дня мнѣ вернули стихи, и навѣрное даже — пишу я плохіе стихи и поэтомъ никогда не буду. А теперь мнѣ кажется, что я и стихи затѣялъ писать, чтобы освѣтить свою жизнь, а вотъ — если бы были со мною вы, я бы зналъ, что строить жизнь нужно не стихами, а вмѣстѣ, пусть очень трудно, но вмѣстѣ...

Внезапно маленькая ея рука дрогнула въ его рукѣ и словно затрепетала, какъ бабочка. Едва слышно, почти однимъ дыханіемъ, Таня сказала ему:

— Это хорошо, что такой вы, Безсоновъ . . . и пусть даже все невозможно, не это важно, а важно,

что и вы тоже знаете о мечтѣ... Тогда и меня вы поймете, и все поймете, какъ сложилась для меня моя жизнь.

Легкимъ, тревожнымъ шепотомъ говорила она ему это въ темномъ холодномъ парадномъ. Какого-то послѣдняго пристанища, дуновенія знакомыхъ и утишающихъ вѣтровъ искала она въ этой встрѣчѣ съ человѣкомъ, котораго знала такъ мало и связь съ собою котораго все же ощущала съ перваго дня ихъ встрѣчи. Онъ говорилъ ей то, что могла бы она сказать другому, тѣми же словами и съ той же тревогой, и въ этомъ находила она оправданіе и подтвержденіе новыхъ и страшныхъ чувствъ, которыя съ момента ея катастрофы угрюмо заполыхали въ ней. Подавленная тяжестью своихъ воспоминаній и мыслей, она склонялась къ его плечу, его рука обняла ее, и со страстью и стономъ этого воображаемаго возвращенія, съ неутоленною жадностью она приникла къ его губамъ.

Мгновенія, часы, мѣсяцы прошли въ этомъ темномъ парадномъ. Оторвавшись, почти съ крикомъ отчаянія, показавшимся ему стономъ обѣщанія и зова, она побѣжала по лѣстницѣ наверхъ. Судорожно минуту спустя зашарилъ ключъ отыскивая замочную скважину, дверь наверху захлопнулась, все стихло. Онъ стоялъ въ темнотѣ, въ тишинѣ, стиснувъ руки. Внезапно онъ почувствовалъ, что щека его мокра и мокро плечо. Она плакала. Отчего? О, отчего? Съ неистовой страстью и жалостью хотѣлъ онъ взбѣжать по этой старенькой лѣстницѣ, чтобы спросить, узнать, облегчить, понять... Но все было глухо, и за стѣною внизу, въ чужой квартирѣ, весело и поспѣшно заиграли на роялѣ ту-степъ.

Тогда вышелъ онъ изъ подъѣзда и, не вытирая лица, словно стараясь возможно дольше запечатлѣть на себѣ эти слезы непостижимой ихъ близости, пошелъ отсюда, не зная куда и зачѣмъ, ощущая только, что съ этого дня новый поворотъ означился на его пути. Такъ дошелъ онъ до Патріаршихъ, смиренно и сытыми басками урчали трубы, и зазывно и льстиво и обѣщающе, скопческимъ альтомъ, уносились волторны въ лиловатое, уже осыпающееся пухомъ небо.

XXIV

Таня вернулась домой и прошла въ свою комнату, не зажигая огня. Глухая морозная синева лежала на окнахъ. Изразцы голандской печи остыли съ утра, въ комнатѣ было видно дыханіе. Въ шубкѣ и ботикахъ она подошла къ окну; грудь и воротникъ были еще мокры отъ слезъ. Только что, минуту назадъ, простился съ ней человѣкъ тѣми словами и съ той невысказанной нѣжностью, какими сама она хотѣла проститься со всѣмъ любимымъ. Если бъ могла она возненавидѣть Челищева,—но вѣдь не онъ виноватъ, что она изъ него создала мечту, которая не свершилась, сама наградила его тѣми качествами, какихъ никогда не имѣлъ онъ. Видѣніе бѣлой палаты съ блескомъ стальныхъ инструментовъ, съ удушливой хлороформною маской,—неотступнымъ напоминаніемъ о невозможности жить попрежнему, о первомъ и сокрушительномъ осмѣяніи ея мечты—возникло передъ ней. А если это такъ, то жить иначе она не хочетъ. Не хочетъ и не можетъ.

Тысячи людей, вѣроятно, живутъ преодолѣніемъ жизни, находя высокую игру существованія въ трудѣ, въ общественныхъ дѣлахъ, добывая изъ самыхъ своихъ глубинъ новыя и новыя силы для своего утвержденія. Несовершившаяся мечта смѣняется для нихъ новымъ упорствомъ, — но есть и такія, пусть слабыя души, для которыхъ первое крушеніе жизни становится роковымъ. Словно первый порѣзъ, нарушившій цѣлость ткани, — влечет за собой онъ дальнѣйшее разрушеніе. Такъ случилось и съ ней.

Провѣривъ себя до конца, пытаясь возстановить равновѣсіе, очень цѣльно, почти не колеблясь, отвѣтила себѣ она тотчасъ, что жить больше не можетъ, что такъ дешево отдать самый драгоцѣнный и неповторимый свой даръ—она не хочетъ. Тамъ, въ хирургической бѣлой палатѣ, ее постыдно распяли на бѣломъ столѣ, и со страшнымъ стономъ она отдала первую свою добычу жизни. Всю недѣлю затѣмъ — дома, въ редакціи, въ университетѣ, — встрѣчая людей, слушая лекціи, занося замѣтки въ свой журналистскій блокнотъ, она ощущала, какъ необычайно померкли всѣ

краски, какъ сѣренько возникла передъ ней эта человѣческая бѣготня, не согрѣтая для нея теперь жаромъ мечтаній. Словно первымъ и страшнымъ порывомъ вѣтра сдуло съ нея золотую пыльцу, безъ которой не мыслимъ не только расцвѣтъ, но и простое цвѣтеніе. Растерянно и пусто ощущала она свою жизнь. Она не хотѣла больше никогда встрѣчи съ Челищевымъ, да онъ и не искалъ ее. Такова жизнь, — именно такова, а не такая, какую она вообразила себѣ. Но такъ, съ этимъ — жить она не можетъ. И Кириллъ Безсоновъ, чувство котораго къ себѣ она знала, — послѣдній человѣкъ, встрѣченный на этомъ пути. Черезъ него, черезъ его глухое несказанное чувство къ ней, простилась она теперь съ тѣмъ, что больше всего любила. Въ горькомъ и безконечномъ поцѣлуѣ въ темномъ парадномъ она отдала свою послѣднюю нѣжность и благодарность жизни за все, что все-таки она ей дала.

Сухими глазами Таня смотрѣла въ зимнюю слюду меркнущаго окна. Брата не было дома, къ вечеру остывали пустыя ихъ комнаты. Старушка, приходившая убирать, ушла по своимъ дѣламъ. Давно уже, нѣсколько дней назадъ, въ среднемъ ящикѣ стола брата Таня нашла черненькій, похожій на дорогую игрушку, револьверъ. Съ рѣшетчатой ручкой, со стальнымъ ободкомъ въ коротенькомъ дулѣ не отяжелялъ онъ руки, вкрадчиво приникая къ ладони. Своею жизнью, полной самолюбивыхъ заботъ, трудовъ и надеждъ на скорое окончаніе Академіи, очень цѣломудренно и аскетически жилъ братъ, Дмитрій Агуровъ. Въ комнатѣ висѣли карты, ремни, портупеи, бинокль Цейса въ кожаномъ футлярѣ съ ремнемъ, стальные крючки для сапогъ, и книги, книги лежали на столѣ, на полу и на стульяхъ... Какъ страшно она нарушитъ размѣренный ходъ его жизни!.. Но братъ пойметъ, онъ мужественный человѣкъ, и онъ пойметъ. Обо всемъ она написала ему. Но, чтобы сдѣлать все это, нужно отсюда уйти, нужно проститься съ этими комнатами такъ же, какъ только что простилась она внизу съ человѣкомъ, который не забудетъ ее, можетъ быть...

Очень спокойно и почти просвѣтленно оглядѣла Таня синѣющую комнату брата. Она положила въ средній ящикъ его стола написанное наканунѣ письмо и взяла взамѣнъ маленькій тотъ нарядный револьверъ. Съ припадающимъ, точно спотыкающимся на ударахъ сердцемъ, вышла она минуту спустя отсюда, изъ этихъ комнатъ. Въ передней на вѣшалкѣ висѣлъ зеленый суконный шлемъ брата. Она поднялась на цыпочки, поцѣловала шероховатое сукно этого шлема, и сухо и осуждающе щелкнулъ за ней англійскій замокъ. Таня спустилась по лѣстницѣ внизъ, слушая скрипы знакомыхъ ступенекъ и думая о томъ, что спускается по ней въ послѣдній разъ. Она боялась лишь, чтобы снова не встрѣтить Безсонова, но его не было. Переулокъ былъ пустъ, на углу у водоразборнаго крана двѣ бабы гремѣли ведрами. И быстро, не оглядываясь, Таня пошла отсюда.

Она вышла вскорѣ на большую людную улицу, замѣшалась въ толпѣ и дошла до коричнево-желтой доски на столбѣ. На доскѣ въ черныхъ клѣточкахъ были номера, какъ на картѣ лото, и маленькій игрушечный автобусикъ подъ нею, тоже съ циферками на окошечкахъ, означалъ направленіе. Таня осталась здѣсь ждать. Густымъ предвечернимъ плывомъ проплывала улица съ шершавыми лощадьми извозчиковъ, съ гусеницами красныхъ трамваевъ, скрипуче и съ замороженными стеклами, какъ гигантскія сахарницы, проходившихъ мимо.

Наконецъ, сдувая прохожихъ низкимъ торжествующимъ гуломъ, пронесся автобусъ со своимъ апокалипсическимъ глазомъ и сталъ, закачавшись, на толстыхъ лапахъ. Таня вошла въ автобусъ и сѣла впереди, передъ широкимъ стекломъ, открывавшимъ зимнія городскія перспективы, минуту спустя легко понесщіяся навстрѣчу.

Лиловая тѣнь заката лежала надъ сизѣющимъ городомъ. Просторы улицы, въ раскинутыхъ дугахъ трамвайныхъ столбовъ, въ пестрыхъ афишныхъ тумбахъ, съ далекою вознесенною аркой Тріумфальныхъ воротъ, летѣли и летѣли навстрѣчу. Безвинно и дѣтски зажигались огни кое-гдѣ, кротко теплясь въ город-

ской синевѣ. Автобусъ опустѣлъ, уносился стремительно къ Петровско Разумовскому.

Таня сошла на глухой остановкѣ, гдѣ никто не вошелъ и не вышелъ; машина сорвалась впередъ, обдавъ ее снѣжною пылью и дымомъ. Широко и пустынно пахло снѣгами здѣсь. Траурно ввечеру на снѣжной этой равнинѣ чернѣли деревья. Таня пошла въ сторону по протоптанной свѣжей дорожкѣ, и вскорѣ снѣжная вязь деревьевъ возникла надъ ней. Кладбищенскими голосами кричали вороны, прилетѣвшія уже на ночлегъ. На пустынной аллеѣ, на засыпанной снѣгомъ скамеечкѣ она сѣла и задумалась на минуту, глядя на снѣгъ. Въ сумочкѣ нащупала она и погладила пальцами шероховатую ручку револьвера. Почти безъ раскаянія и сожалѣнія, невидящими глазами глядя на снѣгъ, она достала револьверъ и лѣвой рукой разстегнула шубку. Вотъ такъ, сюда, прижавъ къ этой маленькой груди, которую съ восторгомъ безстыдства открыла она когда то для Челищева. Надо нащупать пальцами ребра, пятое и шестое, — сюда между ними.

Въ напряженіи и словно въ предощущаемомъ ужасѣ боли — она сдвинула брови, ротъ ея пріоткрылся отъ страданья и для близкаго крика, и указательнымъ пальцемъ, сильно уткнувъ револьверъ подъ лѣвую грудь, она нажала гашетку. Съ остановившимися глазами отъ ужаса и нестерпимой муки — секунды спустя она отняла револьверъ отъ груди. Выстрѣла не послѣдовало—неужели револьверъ былъ не заряженъ?.. Неумѣло, костенѣющими пальцами она достала обойму изъ ручки, — нѣтъ, желтенько блеснули въ косыхъ прорѣзахъ обоймы — патроны. Она снова вложила обойму назадъ, осмотрѣла револьверъ и увидѣла крохотную пластинку предохранителя. Пластинка легко сдвинулась внизъ, съ „sur“ на „feu“. „Feu“ — значитъ огонь. И, уже оттягивая ни секунды, разомъ, она опять просунула дуло въ щель своей шубки, прижала его къ груди и со страстною силой, съ искаженнымъ лицомъ, снова нажала гашетку. Изо всей силы кто то ударилъ ее въ тотъ же мигъ по спинѣ. Она хотѣла оглянуться, но сверху, съ деревьевъ, страшно густо и мирно посыпался снѣгъ, неистово и торжествующе завопили вороны, и необычайно легко и

забвенно, какъ въ дѣтствѣ, метель закрутила и понеслась надъ ней...

Часъ спустя послѣ этого мига карета автомобиля съ матовыми стеклами и краснымъ на нихъ крестомъ, свѣтясь сквозь стекла бѣлизною носилокъ и вселяя пронзительнымъ воемъ и летомъ тревогу и угрозы въ проходящихъ, вынеслась изъ городской толчеи и понеслась по пустынному снѣговому шоссе.

XXV

Въ девятомъ часу утра Безсоновъ вмѣстѣ со Свербѣевымъ вышли изъ вагона трамвая на Сухаревскомъ плацу. Пустынна была эта многолюдная нѣкогда площадь. Одинокія фигуры озябшихъ мужчинъ торопливо спускались по ступенькамъ подземной уборной, и сильный, низко стелющійся вѣтеръ, отъ котораго еще больше продрогъ Безсоновъ, снѣговою простынею за простыней застилалъ площадь. Почти не видя, сжавшись въ озябшій комокъ, Безсоновъ послушно слѣдовалъ за Свербѣевымъ Больница, куда привезли наканунѣ Таню и гдѣ умерла она къ ночи, безуспѣшно изрѣзанная ножомъ оператора, — была во дворѣ огромнаго дома-дворца, бѣлоколоннымъ полукругомъ замыкавшаго площадь. Они прошли сквозь ворота во дворъ. Сюда, въ этотъ дворъ, привозили отъ всѣхъ заставъ, изъ всего огромнаго города оторгнутыхъ отъ жизни людей. Насильственно, жертвами катастрофъ, случайностей, злоумышленій, или добровольно рѣшивъ для себя свою жизнь — люди прибывали сюда въ стремительныхъ матовостеклыхъ каретахъ. Огромный городъ, распятый между заставъ, жилъ, продолжалъ жить въ горячкѣ своихъ дѣловыхъ и человѣческихъ устремленій, а сюда стекался его шлакъ, отработанный матеріалъ, неудачники, уставшіе жить, — тѣ, кого перемололъ навсегда каменными своими челюстями городъ.

О томъ, что случилось съ Таней Агуровой, Свербѣевъ узналъ еще вечеромъ наканунѣ. Знакомый репортеръ, прибѣжавшій къ нему изъ редакціи, разсказалъ обо всемъ, и вмѣстѣ они побѣжали на квартиру Тани, къ Дмитрію Агурову. Дмитрій Агуровъ

увидѣлъ Таню за два часа до ночной ея смерти. Ужасъ и тоска, когда заглянулъ онъ въ маленькое нѣжное, смертно уже синѣющее лицо сестры съ заведенными въ мукѣ безмѣрно страдающими глазам, — его потрясли. Онъ сѣлъ съ нею рядомъ, почти не дыша, глядя на раскрытый маленькій ротъ, въ который набѣгали черные сгустки крови, клокотавшіе въ горлѣ. Но какъ онъ — большой, проницательный, увѣренный въ себя человѣкъ — могъ пропустить мимо себя все это? Какъ онъ ничего не увидѣлъ, не угадалъ, не понялъ въ ней? Полный мрачныхъ и безнадежныхъ мыслей, тоскующаго презрѣнія къ себѣ за свое небреженіе къ близкому человѣку, провелъ Дмитрій Агуровъ два этихъ послѣднихъ ея часа. Все тоньше, короче становилось ея дыханіе, все легче она устремлялась куда-то, все болѣе синеватымъ мраморнымъ холодомъ свѣтилась ея рука. И вотъ—все кончилось: страданія, клокотавшія въ почти лебединомъ дѣвичьемъ горлѣ, затихли, неровная линія жизни, еще полыхавшая въ тоненькой жилкѣ руки, становилась слабѣе и прекращалась и возникала снова, какъ пламя свѣчи, мучительно бьющееся передъ тѣмъ, какъ потухнуть. И все же пламя потухло. Дубовые круглые часы распростерли стрѣлки въ безъ четверти три, когда Дмитрій Агуровъ покинулъ палату. Онъ надѣлъ въ прихожей шинель и шлемъ, застегнулся доверху и вышелъ отсюда въ вѣтреную, беззвѣздную сухаревскую ночь.

Безсоновъ и Свербѣевъ зашли во дворѣ и пріемный покой и спросили у дежурнаго молодого врача, какъ состояніе Татьяны Агуровой. Врачъ оглядѣлъ ихъ и спросилъ въ свою очередь:

— А кѣмъ вы приходитесь ей?

Свербѣевъ отвѣтилъ:

— Товарищи.

— Агурова умерла ночью. Тѣло находится въ мертвецкой, — врачъ сказалъ имъ это и снова опустилъ голову къ разграфленнымъ длиннымъ листамъ, надъ которымъ онъ сидѣлъ.

Безсоновъ вышелъ за Свербѣевымъ слѣдомъ наружу и сѣлъ на ступеньку. Снявъ кепку, подставивъ обнаженную голову ледянымъ обручамъ мороза, онъ

сидѣлъ такъ; онъ хотѣлъ закричать, зарыдать, затопать ногами, проклясть кого-то, но онъ сидѣлъ и молчалъ, сжимая кепку въ рукѣ. Свербѣевъ взялъ изъ рукъ его кепку и надѣлъ на него.

— Будетъ, Кирюшка, — сказалъ онъ почти враждебно, — не нюнить нужно, а подумать о томъ, какъ бы кому-то, кто больше всѣхъ виноватъ въ этой смерти, пришлось попробовать уксусу . . . объ этомъ еще будемъ мы съ тобой говорить! А теперь вставай и идемъ . . . надо Таню напослѣдокъ увидѣть.

И онъ снова повелъ его за собой. Во дворѣ, въ глубинѣ, въ бывшей часовнѣ, навѣрное, была теперь мертвецкая при больницѣ. Желѣзныя двери были заперты, лабазный замокъ висѣлъ на нихъ. А оттуда, изъ-подъ дверей, доносилъ вѣтерокъ сладковатый и страшный запахъ человѣческаго разложенія. Городъ начиналъ жить, торговать, служить послѣ ночи; на бойняхъ убивали новыя сотни головъ скота для прокормленія этого чудовища, подъ утро выметали соръ съ улицъ, опустошали урны съ человѣческимъ тлѣномъ, мусорные автомобили собирали во дворахъ мусоръ, вывозили на свалку, — и здѣсь, во дворѣ, тоже выгребали въ мертвецкую, какъ мусоръ и соръ, отжившихъ. Неудачники въ жизни, безработные и растратчики, убитые въ перестрѣлкѣ бандиты, отравившіяся отъ тоски и ревности женщины, нерасторопные — попавшіе подъ трамвай, обожженные, расплюснутые, изувѣченные, — человѣческая свалка, ежедневная дань городу, отработанный паръ.

Служитель въ клеенчатомъ фартукѣ, замазанный кровью, какъ мясникъ, снялъ замокъ, желѣзная дверь пріоткрылась, зловѣщимъ запахомъ сильнѣе потянуло оттуда.

— Ну, что же, Кириллъ, зайдемъ внутрь, — сказалъ Свербѣевъ ему. — За себя не боишься? Нѣтъ, жить надо, Кириллъ, жить, во что бы то ни стало жить! Все что угодно, но только не это, — и онъ кивнулъ на мертвецкую. — Здѣсь гибель, ничто. Жить, жить нужно! А тѣмъ, кто виноватъ во всемъ этомъ, — тѣмъ месть, не жалѣючи.

Онъ взялъ его за руку, и вмѣстѣ вошли они въ страшный сумракъ. Пять, шесть, десять, двадцать —

показалось Безсонову — лежало на столахъ мертвецовъ. Рядомъ съ огромнымъ бородатымъ человѣкомъ, задравшимъ черную бороду, невинно и обнаженно лежало худенькое полудѣтское тѣло Тани. Очень удивленно и слушающе была откинута ея голова, и подъ маленькой лѣвой грудью темнѣло пятно, заткнутой коричневой ватой; а самое страшное, самое потрясающее, это были — безвольныя ступни дѣтскихъ ногъ, которымъ никогда уже болѣе не суждено будетъ ступить на землю . . . Закрывъ руками лицо, Безсоновъ выбѣжалъ отсюда на дворъ. Не помня себя, зарылъ онъ лицо въ сугробъ сметеннаго снѣга, — хотя чѣмъ, въ сущности, кромѣ его воспаленной о ней мечты да послѣдняго поцѣлуя, которымъ день назадъ обмѣнялись они въ темномъ парадномъ, — чѣмъ были связаны ихъ жизни? И все же онъ зналъ, онъ чувствовалъ всѣмъ существомъ, что вмѣстѣ съ Таней, какъ весенняя льдина, оторвалась и унеслась какая-то лучшая, сдерживающая, высокая часть его жизни. Послѣ этой смерти, послѣ ухода Тани, — все можно дѣлать съ собой, все позволено, по любому пути можно направить жизнь, и чѣмъ глуше, чѣмъ постыднѣе, чѣмъ забвеннѣе — тѣмъ лучше . . . Свербѣевъ крѣпко натеръ ему виски снѣгомъ.

— Полно, Кириллъ, надо мужчиной быть прежде всего, — сказалъ онъ суровымъ будничнымъ голосомъ, — и помочь Агурову, если нужно!

И онъ стряхнулъ съ него снѣгъ и дѣловито поволокъ за собою отсюда.

Таню хоронили черезъ день — въ снѣжное, густо спадавшее снѣгомъ утро. Низкія лиловатыя облака тѣсно обвисали надъ городомъ. Сплошь, все занося, шелъ снѣгъ. Нѣсколько человѣкъ изъ редакціи, десятокъ университетскихъ товарищей провожали дѣтскій малиновый гробъ. Впервые горе ледяными коромыслами легло на широкія плечи Дмитрія Агурова. Безсоновъ шелъ рядомъ съ нимъ, выгребая ноги изъ снѣга. Чѣмъ-то похожъ былъ Дмитрій на Таню, какими-то мужественными чертами лица походилъ онъ на ея уплывающія милыя черты, и Безсоновъ глядѣлъ на него и искалъ слѣдовъ этого сходства . . . Просторно бѣлѣла широкая Пресня, и за Преснею, тамъ, гдѣ

пахнуло уже полевымъ снѣговымъ просторомъ, возникли бѣлыя деревья Ваганькова. У воротъ сняли съ дрогъ малиновый этотъ гробъ. Тихой тяжестью легъ онъ на плечи. Держа на плечѣ изголовье, лицомъ къ лицу Тани, отдѣленному отъ него только тонкой досчатой стѣнкой, понесъ Безсоновъ вмѣстѣ съ другими драгоцѣнную тяжесть, не свершенную и горестную свою мечту. Многое за этотъ короткій путь по аллеямъ вспомнилъ онъ о своей жизни, вспомнилъ самыхъ близкихъ людей, такъ же ушедшихъ отъ него, вспомнилъ, какъ вмѣстѣ съ отцомъ приходили они на могилу матери, которую никогда онъ не зналъ, — теперь къ ихъ горькому, неповторимому кругу присоединялась и Таня. . . Вскорѣ ядовито зацвѣлъ на снѣжномъ бугрѣ малиновый гробъ, а снѣгъ все сыпалъ и сыпалъ, занося, заметая, словно хотѣлъ навсегда въ пустынности зимнихъ дней занести немѣрянные просторы человѣческихъ грусти и бѣдъ. И здѣсь, на бугрѣ, кротко, какъ только умѣла, простилась Таня со всѣми.

Свербѣевъ увелъ его отсюда, съ Ваганькова, и повезъ къ себѣ. По дорогѣ купилъ онъ закуску и водки. Водки, водки, напиться, захмелѣть увести себя отъ всего — жадно хотѣлъ Безсоновъ. Залпомъ онъ выпилъ половину стакана; успокоеніемъ и теплом вѣяло отъ холодной зеленоватой бутылки. И сразу хмѣль — послѣ этого лютаго дня — блаженно наползъ на него.

— Ну, что же, — сказалъ Свербѣевъ, — за упокой души Тани — это одно . . . а за то, чтобы сами мы отъ жизни не отворачивались, чтобы умѣли кулаки готовить, а не сдаваться, какъ Таня, — это другое . . . За это выпьешь, Кириллъ?

Безсоновъ вздохнулъ, онъ поглядѣлъ на Свербѣева сквозь туманъ новыхъ нахлынувшихъ воспоминаній, жалости къ себѣ самому, ужаса передъ этой жизнью, которая теперь ужъ безжалостно, не обѣщая мечты и надежды, надвинулась на него, — и сказалъ, содрогнувшись:

— За это выпью, Свербѣевъ. Я вѣдь жить понастоящему хочу, не катиться, не гибнуть . . . а я все

въ институтѣ за этотъ годъ пропустилъ и не догнать ни за что! . .

И пьяно, и чувствуя, что это пьяно выходитъ, но никакъ не находя въ себѣ силъ, — онъ легъ щекою на столъ и заплакалъ необлегчающими, слабыми и хмѣльными слезами. Свербѣевъ подсѣлъ къ нему, обнялъ его за плечи и, близко шмыгнувъ своимъ длиннымъ носомъ, сказалъ:

— Брось трепаться, дурашка . . . жизнь мы съ тобой еще такую сочинимъ, что другимъ и не снилось. Деньги будутъ, а у тебя, можетъ, и слава!

Онъ повернулъ его къ себѣ за плечи и дважды поцѣловалъ въ соленыя, закоростѣвшія отъ слезъ губы.

XXVI

Въ сущности, для Свербѣева, для всѣхъ его замысловъ, съ которыми началъ онъ свою и искусную игру, гибель Тани Агуровй могла послужить только поводомъ для удачи. Онъ не думалъ, конечно, что все это можетъ съ ней случиться, но разъ такъ случилось и не въ силахъ его было это предотвратить,—нужно сумѣть использовать теперь эту гибель для дальнѣйшихъ ходовъ его осторожной игры. И прежде всего было нужно за всѣ эти дни сокрушенья, раскаянья и тоски Безсонова — завладѣть цѣликомъ имъ. Такъ оно и случилось: въ своей неприкаянности, въ ощущеніи непоправимой бѣды только къ нему приходилъ Безсоновъ; здѣсь въ его комнатѣ встрѣтился онъ съ Таней впервые, и лишь со Свербѣевымъ можно было ненасытно и долго о ней говорить. Конечно, ничего тотъ не зналъ, да и не могъ знать о томъ, что именно онъ, Свербѣевъ, такъ настойчиво и осторожно сближалъ Таню съ Челищевымъ. Онъ устраивалъ эти встрѣчи, незамѣтно воспаляя ея мысль о немъ—и вотъ все, что онъ строилъ, завершилось серьезнѣе и страшнѣе, чѣмъ могъ бы онъ думать.

Зачѣмъ ему нужно было это ея сближеніе съ Челищевымъ? Вотъ это было сложно — и все же въ

сложности своей отчетливо до конца. Ему нужно было сближеніе Тани съ Челищевымъ, чтобы разбудить въ Безсоновѣ ревность и ненависть . . . Почти графическимъ чертежомъ лежалъ передъ Свербѣевымъ его планъ: сблизивъ Таню съ Челищевымъ, онъ хотѣлъ, чтобы Безсоновъ оказался защитникомъ Тани, чтобы запахло романтической яростью и скандаломъ разоблаченія. Тогда онъ, Свербѣевъ, могъ вмѣшаться, какъ старшій и близкій товарищъ Безсонова, попытаться все это уладить деньгами, притти къ Челищеву не вымогая, а какъ бы именно для того, чтобъ помочь.

Нынѣ новой линіей усложнился чертежъ его плана: смертью Тани. Отпадало разоблаченіе, не было той, на защиту которой можно было бы встать, и теперь было нужно сдѣлать Челищева прямымъ виновникомъ ея гибели.

Нужно было теперь разбудить лютую ярость отмщенія въ Безсоновѣ, и осторожной рукой Свербѣевъ стеръ старыя линіи въ своемъ планѣ и начерталъ новыя. Эти новыя линіи должны были какъ-то рѣшить неясный еще для него самого вопросъ: какъ же все-таки добыть у Челищева деньги? Не грабежомъ конечно, и не скандаломъ, а этимъ вотъ вкрадчивымъ, холодящимъ, болѣе для Челищева ужаснымъ путемъ, чемъ если бы всѣ эти деньги просто у него захотѣли бъ отнять. А для того, чтобы осуществить этотъ новый планъ, прежде всего былъ нуженъ ему Безсоновъ со своей отнятой мечтой, обидой и еще не успокоеннымъ чувствомъ.

Это было одно, основное; масштабъ его новаго плана. Перспективою плана, дальнѣйшимъ его усложненіемъ, а можетъ быть, и отличнымъ неожиданнымъ облегченіемъ — было другое: очень твердо запомнилъ Свербѣевъ разсказъ Кирилла Безсонова о встрѣчѣ его съ Лебедкинымъ, запомнилъ онъ крѣпко и то, что Лебедкинъ имѣетъ касательство къ мануфактурѣ. И новыя, волнующія и обѣщающія видѣнія заколыхали въ немъ. Въ кооперативѣ, снабжавшемъ студентовъ, недоставало мануфактуры давно; если добыть для кооператива партію мануфактуры, можно будетъ сдѣлать и такъ, что не всю партію цѣликомъ получитъ кооперативъ, тамъ будутъ довольны и тѣмъ, что досталось,

— и можно совсѣмъ легко и безгрѣшно излишекъ пустить по другому руслу. А для этого — былъ подъ рукою Куреповъ, который все зналъ, у котораго вездѣ были связи и съ которымъ давно все сговорено, учтено, предусмотрѣно. Главное, добыть денегъ, деньги нужны для большой и широкой жизни, и тогда можно будетъ покончить и съ институтомъ, и съ этой вонючею конурой, за дверями которой хрипятъ и давятся примуса, — а для того, чтобы найти къ этимъ деньгамъ, по существу, простую дорогу, необходимо обдумать всѣ ходы, какъ въ шахматной игрѣ.

И мысль воспользоваться связью Безсонова съ Лебедкинымъ получила теперь совсѣмъ новыя и отчетливыя очертанія. Но сначала нужно было, чтобы въ этомъ своемъ отчаяніи добрелъ Безсоновъ до той черты, откуда видѣнъ бы былъ весь поворотъ его жизни и невозможность вернуться къ прежнему. А когда уяснится для него окончательно невозможность вернуться назадъ, тогда ринется онъ въ ту сторону и по тому пути, который давно начерталъ для него онъ, Свербѣевъ.

Подходилъ Новый годъ, и къ Новому году для Безсонова все яснѣе становилась академическая его неуспѣшность. Если такъ пойдетъ дальше, если онъ не вернетъ себя на дорогу, — къ веснѣ его исключатъ. Что тогда ему дѣлать съ собой? Посрамленнымъ неудачникомъ вернуться назадъ, въ родной городъ? — Ягодкинъ поможетъ устроиться на заводъ. Для этого были мечты и надежды, чтобы вернуться на выучку на заводъ?! И по ночамъ, еще задолго до катастрофы съ Таней, онъ задыхался отъ этой тоски, отъ ощущенія, что оторвался онъ окончательно, и съ каждымъ днемъ — все больше . . .

Все это правильно и до конца Свербѣевъ учелъ въ своихъ замыслахъ. Онъ далъ ему погоревать и пометаться. Въ самомъ дѣлѣ, жаль было Таню, но мало ли слабыхъ людей смело въ эти годы вѣтромъ! Слабыхъ сносило, сильные оставались. И, провожая слабыхъ, Свербѣевъ ощущалъ еще упорнѣе, еще лютѣе свою жадность къ жизни.

Какъ же случилось, что слѣдитъ онъ все время именно за Челищевымъ и откуда онъ знаетъ о его

сбереженіяхъ? . . Вотъ какъ означилась и развернулась эта первая линія. Вмѣстѣ съ Куреповымъ былъ онъ разъ въ Государственномъ банкѣ; сидя на деревянномъ диванчикѣ, онъ дожидался, пока устроитъ Куреповъ свои дѣла, скучалъ, курилъ; у рѣшетчатыхъ окошечекъ кассъ дѣловито толпились люди съ портфелями, хрустѣли костяшки счетовъ, легкій банный гулъ стоялъ подъ сводами, и кучи денегъ, милліоны рублей отсчитывали за рѣщетчатой сѣткой артельщики, связывали въ пачки, оклеивали бандеролями. Неслыханныя богатства бушевали тамъ, за рѣшетками, — а по эту сторону толпился служивый людъ, потертые кассиры, артельщики, сдающіе, принимающіе равнодушно груды этихъ чужихъ, не принадлежащихъ имъ денегъ. И, сидя здѣсь, на диванчикѣ, Свербѣевъ туманно задумался въ этомъ тревожномъ гулѣ невиданныхъ обогащеній.

Возлѣ двухъ окошечекъ, надъ которыми висѣли таблички — „Покупка и продажа валюты“ — стояли иностранцы въ фетровыхъ шляпахъ и шубахъ съ длинными кенгуровыми воротниками, они неумѣло мѣняли деньги, а рядомъ увѣренно жались люди, покупавшіе эту валюту, — нѣсколько котиковыхъ приземистыхъ дамъ, рыжій курчавый маклеръ, сухой старикъ съ сановными бакенбардами, — и вдругъ среди нихъ Свербѣевъ увидѣлъ Челищева . . . Съ портфелемъ онъ стоялъ въ ихъ ряду и дожидался очереди. Свербѣевъ быстро поднялся, зашелъ позади него и, облокотившись о дубовую стойку, сталъ съ интересомъ смотрѣть. Очередь, наконецъ, дошла до Челищева, онъ положилъ передъ собою портфель, открылъ его и досталъ пачку бѣлыхъ бумажекъ. Кассирша въ зеленой вязаной кофточкѣ ловко распушила ихъ, расправила сложенныя поперечно и отдѣлявшія, очевидно, сотни рублей, смочила большой палецъ на маленькой губочкѣ и быстро стала листать углы. Она отсчитала, положила на счетахъ, дала пересчитать другой, сидѣвшей съ ней рядомъ, — и когда счеты сошлись, достала пачку длинныхъ зеленоватыхъ и странныхъ денегъ очень тряпичнаго вида Она отсчитала нѣсколько штукъ и подала ихъ Челищеву. И Свербѣевъ услышалъ: „Тысяча долларовъ“.

Всѣ первые дни послѣ смерти Тани — Безсоновъ провелъ въ горячкѣ ужаса, жалости, тоски и любви. Какъ это бываетъ всегда, еще болѣе возвышенными и единственными и неповторимыми чертами наградилъ ее онъ теперь, и ихъ послѣдняя встрѣча и прощаніе въ темномъ парадномъ обратились для него въ безконечный источникъ новыхъ мучительствъ для себя и новыхъ неузнанныхъ чувствъ. Такъ рѣдко, въ какія-то случайныя встрѣчи — видѣлъ онъ Таню, жизнь его шла безъ нея, меньше всего участвовала въ ней она, но теперь казалось, что все опустѣло, безнадежно смято, разбросано — и какъ дальше жить? И вотъ тогда увѣренно, понимающе, очень спокойно пришелъ на помощь Свербѣевъ. Онъ далъ вывѣтриться въ немъ первому ужасу. Первый ужасъ прошелъ; живая жизнь, заботы дня, встрѣчи — съ обычною быстротой зашивали случайныя трещины.

Въ жизни — всегда такъ, такъ — и съ нимъ. А когда прошло это первое чувство, — тогда сталъ исподволь воспалять въ немъ Свербѣевъ темную и глухую, можетъ быть, и неясную до конца, ненависть къ Челищеву. Челищевъ былъ виноватъ въ гибели Тани. Челищевъ собирается по веснѣ уѣхать за границу, чтобы весело и безпечно жить, не думая о раскаяніи, не вспоминая . . . Челищевъ скопилъ на поѣздку большія деньги. Разныя нити, но всѣ объ одномъ, туже завязывалъ ихъ въ узелъ Свербѣевъ, — и когда, наконецъ, былъ узелъ этотъ завязанъ, для Безсонова стало ясно одно: если Челищевъ все же уѣдетъ безпечно торжествовать, будетъ въ этомъ какое то его, Безсонова, неотомщеніе за Таню, потому что, можетъ быть, именно тамъ, прощаясь съ нимъ въ темномъ парадномъ, завѣщала она ему это право отмщенія. А дальше договаривалъ ужъ за него Свербѣевъ: они одни знаютъ о преступленіи Челищева и могутъ разоблачить, — за молчаніе надо платить! Это не торговля памятью о Танѣ, а возмездіе для Челищева, — и хотя никакъ себѣ всетаки не могъ объяснить Безсоновъ, почему же это возмездіе, если добудутъ они у Челищева деньги, — очень охотно и яростно, какъ и предполагалъ Свербѣевъ о немъ, отдался онъ этой мысли . . .

Какъ разъ въ эту недѣлю Челищевъ закончилъ циклъ своихъ институтскихъ лекцій и уѣхалъ на мѣсяцъ читать въ Ленинградъ, — и Свербѣевъ облегченно рѣшилъ, что за этотъ срокъ они подробно разработаютъ планъ, какъ нужно имъ дѣйствовать. Пока же, въ одинъ изъ предрождественскихъ вечеровъ, повезъ онъ Безсонова въ павильонъ, гдѣ все еще жилъ, до подысканія квартиры, Куреповъ. На томъ же широкомъ диванѣ, на которомъ въ памятную и уже далекую ночь такъ обдуманно и дѣловито завладѣла имъ Вѣра Никольская, сѣлъ онъ въ углу, въ другой уголъ закинулся Свербѣевъ, ероша шерстяные жидкіе волосы, а Куреповъ дымилъ своей трубочкой и, засунувъ руки въ карманы бархатныхъ нарядныхъ штановъ, охваченныхъ снизу желтыми крагами, ходилъ передъ ними, мимо холстяныхъ стѣнъ съ криво развѣшанными портретами пучеглазыхъ предковъ, мимо золоченой мебели, особенно выпиравшей теперь жалкой своей позолотой. И Свербѣевъ, такъ же закинувшись въ уголъ и ероша чахлую шерсть волосъ, разсказалъ все, что пока онъ задумалъ насчетъ студенческаго кооператива, Лебедкина и мануфактуры.

XXVII

Въ воскресенье днемъ Куреповъ позвалъ на обѣдъ къ нѣкоему Науму Робертовичу, большому спеціалисту по мануфактурнымъ дѣламъ. Наумъ Робертовичъ долженъ былъ объяснить, на какіе сорта мануфактуры на рынкѣ сейчасъ самый большой спросъ, дать, если понадобятся, деньги для задатка, обласкать и помочь во всемъ.

Наумъ Робертовичъ жилъ въ недавно купленной превосходной квартиркѣ на Солянкѣ, жена его съ дѣтьми была сейчасъ за границей, а на холостой квартиркѣ бываютъ лучшія дѣвочки и даже актрисы московскихъ театровъ.

Все это очень подробно объяснилъ по дорогѣ на Солянку Свербѣевъ. Съ мутью въ душѣ, но съ рѣшимостью ѣхалъ Безсоновъ съ нимъ къ этому загадочному Науму Робертовичу. Если бъ сейчасъ на пути

встрѣтился Лебедкинъ, онъ бы ухватился за него, чтобы выйти навсегда изъ этой игры; но Лебедкина не было и не было никого въ этой жизни, кто бы обратилъ его къ прежнему, а новое — увлекательно, невиданно и влекуще разгоралось въ туманахъ. Съ той пустотой, какую ощутилъ онъ въ себѣ послѣ гибели Тани Агуровой, — это былъ единственный путь.

Въ маленькомъ домикѣ, во дворѣ, отъединенно отъ міра жилъ Наумъ Робертовичъ. Горничная въ проворныхъ кудряшкахъ, въ англійской бѣлизнѣ крахмала и коронѣ наколки, — такую видѣлъ Безсоновъ только въ кинематографѣ, — очень оживленно впустила ихъ. Видно было, что множество разныхъ людей бываютъ у Наума Робертовича.

Въ комнатѣ отчаянно и весело наигрывалъ граммофонъ фокстротъ. Вопли инструментовъ прерывались мяуканьемъ, звономъ литавръ и писклявыми голосами дѣтскихъ дудокъ, и отъ этого какое то радостное и веселое возбужденіе сразу овладѣло Безсоновымъ... Стоя въ дверяхъ, руки въ карманы, въ замѣчательномъ шерстяномъ жилетѣ въ малиновыхъ полосахъ, надѣвавшемся прямо черезъ голову, — Наумъ Робертовичъ густо и снисходительно говорилъ имъ:

— Пожалуйте, пожалуйте, молодые люди...

Такъ былъ человѣкъ этотъ доволенъ жизнью, что выпирало довольство изъ его волосатыхъ ноздрей, изъ мелко-курчавыхъ и сѣдѣющихъ волосъ, очень похожихъ на овечью шерсть и расчесанныхъ на превосходный проборъ, изъ краснѣющей низкой шеи, словно только что вытертой жесткимъ полотенцемъ, изъ бычьяго, нѣсколько лбомъ впередъ, наклона большой головы, — такъ, вѣроятно, съ такимъ же бычьимъ наклономъ, шелъ онъ съ огромнымъ успѣхомъ по жизни... И Безсоновъ сразу почувствовалъ себя превосходно въ гостяхъ у этого человѣка. Человѣкъ не скрывалъ богатства, своей удачи и ловкости, съ которой онъ обертывалъ жизнь вокругъ волосатаго пальца.

— Ну съ, молодые люди, будемъ слушать фокстротъ, пока придутъ дамы .. а для аппетита Нюрочка дастъ намъ по рюмкѣ англійской горькой!..

И Нюрочка, самая та въ кудряшкахъ, что открыла имъ дверь, очень развязно и совсѣмъ непохоже на

то, что была она здѣсь въ услуженіи, налила всѣмъ по рюмкѣ и обнесла на подносикѣ, очень открытымъ и смѣющимся взглядомъ вникая въ глаза каждому, пока тотъ запрокидывалъ голову. Въ это время изъ кухни, совсѣмъ веселый и красный, пропахнувшій кухоннымъ жаромъ, прибѣжалъ Куреповъ, приготовлявшій по какому то замѣчательному способу гуся.

А А, Кирюшка! — завопилъ онъ на ходу неестественно громко: — а я, братцы, уже того . . .

Онъ схватилъ изъ буфета бутылочку съ уксусомъ, помахалъ ручкой и убѣжалъ снова на кухню. И сразу почему-то стало необыкновенно легко и весело.

Безсоновъ очень возбужденно и радостно настроился, предвкушая дальнѣйшее. Наумъ Робертовичъ, казалось, не обратившій на него вначалѣ никакого вниманія, сѣлъ вдругъ съ нимъ рядомъ и, покачивая головой въ тактъ неистовымъ взлетамъ фокстрота, дружественно положилъ на его колѣно мохнатую руку.

— Такъ товарищъ Лебедкинъ вашъ другъ, говорятъ?—спросилъ онъ сразу и все продолжалъ качать головой, слѣдуя за фокстротомъ.

И Безсоновъ былъ счастливъ, что смѣло можетъ отвѣтить ему утвердительно. Да, Лебедкинъ его другъ, первый человѣкъ, который помогъ ему въ жизни, и, если придетъ онъ съ просьбой къ Лебедкину, тотъ сдѣлаетъ все для него! Такъ — чуточку возбужденно могъ онъ отвѣтить, ставя тѣмъ самымъ какой то незримый знакъ равенства между этимъ человѣкомъ, у котораго были деньги, и между нимъ, студентомъ Безсоновымъ, у котораго были связи. И Наумъ Робертовичъ удовлетворенно кивнулъ головой и погладилъ его по колѣнкѣ.

— Очень хорошо,—сказалъ онъ,—очень хорошо, дорогой товарищъ...

Больше онъ ничего не спросилъ, но Безсоновъ почувствовалъ, что изъ безвѣстнаго простого студента сталъ онъ для него человѣкомъ, внушающимъ къ себѣ интересъ и вниманіе. Вскорѣ опять веселая Нюрочка пробѣжала къ дверямъ, въ дверяхъ шумно и весело заговорили женскіе голоса, сразу запахло морозомъ и духами, Наумъ Робертовичъ пошелъ на-

встрѣчу гостямъ, а Свербѣевъ, мгновенно подсѣвши рядомъ, сказалъ значительно:

— Артистки балета!

Артистокъ балета было три, двѣ изъ нихъ были стрижены по-мальчишески, одна — худенькая и черненькая, какъ прилежный мальчикъ, другая—свѣтлая, съ удивительными прозрачно-зеленоватыми глазами; третья — постарше, сухая, какъ поджарая лошадь, сейчасъ же по приходѣ закурившая папиросу. Впрочемъ, и двѣ другія тоже закурили по папироскѣ.

Первыя минуты разговоръ не вязался, а затѣмъ опять—примиряюще и знакомя — завопилъ граммофонъ, но уже не фокстротъ, а какой то новый удивительный чарльстонъ, отъ котораго женщины сразу заулыбались. Вскорѣ снова примчался Куреповъ, схватилъ со стола перечницу, помахалъ ручкой дамамъ, — и Наумъ Робертовичъ пригласилъ къ столу.

Слѣдомъ за женщинами вошелъ Безсоновъ въ столовую и остановился въ дверяхъ, ослѣпленный видѣніемъ: блестѣлъ фарфоръ оттертыхъ до сверканья тарелокъ, изумрудно и красно теплился хрусталь стаканчиковъ, бокаловъ и рюмокъ подъ свѣтомъ низкой огромной люстры, царственно распростершейся желтымъ шелковымъ колпакомъ; вяло-розово теплѣли на блюдахъ нарѣзанные ломти рыбы, подъ стекляннымъ колпакомъ дремала, какъ драгоцѣнность, огромная ноздреватая глыба сыра, и мелко накрошенный, хрустальными самородками, лежалъ ледъ подъ чашей съ агатово-черной икрой. А между тарелокъ—строго и сокрушительно стояли бутылки, золотѣющія и алѣющія на свѣту, дополняя эту игру цвѣтовъ, красокъ и блеска.

— Прошу садиться, дорогіе товарищи, — сказалъ Наумъ Робертовичъ торжествующимъ баскомъ.

На минуту всѣ завозились, устраиваясь, и вышло такъ, что очутился Безсоновъ между Свербѣевымъ и черненькой, чѣмъ-то смутно похожей на Таню, артисткой балета. Но среди бутылокъ вина оказались дѣловымъ авангардомъ, пѣхотою такъ сказать, низенькіе и прозрачные, слегка запотѣвшіе графинчики съ водкой.

— Ухаживайте за дамой, товарищъ, — сказалъ Безсонову черезъ столъ хозяинъ и какъ-то такъ сдвинулъ мохнатыя гусеницы бровей, что разомъ схватился Безсоновъ за потный графинчикъ и налилъ сосѣдкѣ, Свербѣеву и себѣ. Веселый обѣдъ, сулившій многое еще впереди, начался.

Смутно, вскорѣ захмѣлѣвъ отъ выпитой водки, помнилъ Безсоновъ послѣдовательность невѣроятнаго этого обѣда у Наума Робертовича. Сразу всѣ заговорили необычайно громко, поминутно брякали ножи или вилки, выпадая изъ рукъ, опустошались блюда, въ десятый разъ принимались вновь за икру, податливо заглатывалась нѣжнѣйшая лососина, графинчики пустѣли, но на смѣну павшимъ подвигались резервы, а затѣмъ появился совсѣмъ завеселѣвшій Куреповъ, и изъ кухни торжественно на воздѣтыхъ рукахъ, некоронованнымъ королемъ, выдвинулся пятнадцатифунтовый гусь, начиненный по особому куреповскому способу яблоками. Все это сейчасъ же обильно было залито виномъ въ высокихъ тонкогорлыхъ стаканчикахъ, женщины пили, не отставая отъ мужчинъ, — и какой-то стеклянной спиралью взвились подъ самый потолокъ запахи гуся и винъ, и женскихъ духовъ, и граммофонныхъ воплей фокстрота, а въ дверяхъ, улыбаясь невинной и кудрявой улыбкой, появлялась Нюрочка, оглядывая это пиршество.

Затѣмъ очень смутно помнилъ Безсоновъ, какъ всѣ задвигали стульями и перешли въ сосѣднюю комнату, пошелъ и онъ за всѣми вослѣдъ, но въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ только недавно вопилъ граммофонъ, былъ теперь полумракъ, горѣла одна желтая рогулька въ рукѣ бронзовой женщины, въ виноградныхъ металлическихъ гроздьяхъ. Онъ сѣлъ въ креслицѣ у окна, страшно вдругъ загрустивъ, и увидѣлъ, что въ углу на диванчикѣ шепчется Свербѣевъ именно съ той черненькой и чѣмъ-то неуловимо похожей на Таню, его сосѣдкой; на другомъ диванчикѣ справа, какъ разъ подъ луннымъ свѣтомъ рожка, тучно сидѣлъ хозяинъ рядомъ съ поджарой актрисой, и въ томъ, какъ неподвижно сидѣли они другъ подлѣ друга, было какое-то холодное безстыдство. Очень тоскуя, поднялся онъ и вышелъ обратно въ столовую, но въ

столовой, рядомъ съ третьей актрисой, сидѣлъ Куреповъ, шепталъ ей что-то на ухо, отчего смотрѣла женщина впередъ огромными, свѣтло-зелеными и меркнущими глазами ...

Онъ былъ одинъ здѣсь, въ послѣобѣденномъ этомъ разгулѣ, среди смятыхъ салфетокъ, опрокинутыхъ рюмокъ, рыжѣющихъ шкурокъ мандариновъ, всѣ кругомъ были заняты другъ другомъ, — и, такъ же тоскуя, вышелъ онъ въ коридоръ и въ открытыхъ дверяхъ кухни увидѣлъ Нюрочку въ ея зубчатой бѣлой коронѣ, невинно-кудрявую, показавшуюся здѣсь, въ этомъ сборищѣ, единственно возвышеннымъ существомъ. Тогда, не помня себя, прошелъ Безсоновъ къ ней въ кухню. Онъ ничего не хотѣлъ отъ нея. Онъ ужаснулся своей одинокости и пришелъ къ ней сюда, потому что нуженъ ему человѣкъ въ его одиночествѣ. Стоя передъ женщиной, содрогаясь вдругъ отъ воспоминаній и слезъ, онъ сталъ говорить ей безсвязно о своей жизни, о Танѣ, о новомъ ужасномъ пути, на который сворачиваетъ ... Нюрочка слушала его и вдругъ съ потрясающей какой-то покорностью взяла его за руку и повела за собой въ сосѣднюю темную комнату. Въ темной комнаткѣ стояла ея постель и висѣли какія-то черныя рамочки.

— Вы ложитесь сюда, на постельку, — сказала она, — а я сейчасъ же вернусь.

Она помогла ему лечь щекой на прохладную наволочку подушки, а сама легко проскользнула и вышла на мигъ, чтобы сейчасъ же вернуться. Мокрый отъ слезъ и счастливый, онъ лежалъ на ея постели и ждалъ, и постель вдругъ тихо снялась и поплыла съ нимъ вмѣстѣ, какъ-то противно ныряя и уносясь въ глубину; вцѣпившись руками въ ея края, боясь слетѣть, онъ лежалъ и дожидался возвращенія Нюрочки. И Нюрочка скоро пришла и сѣла съ нимъ рядомъ. Замирая блаженно, въ одури и тоскѣ, Кириллъ Безсоновъ вытянулъ руки, чтобы коснуться ея руки, и вдругъ Нюрочка знакомымъ густымъ и низкимъ баскомъ сказала:

— Вставайте, товарищъ, — поѣдемъ за городъ на такси ... быстро сдеретъ съ васъ къ чорту все это.

Безсоновъ открылъ глаза и близко увидѣлъ замѣчательный вязаный жилетъ въ малиновыхъ полосахъ. Наумъ Робертовичъ тяжело сидѣлъ рядомъ съ нимъ на Нюрочкиной постели, потрясъ его за плечо и посадилъ съ собой рядомъ.

— Ну-съ, — сказалъ онъ, и брови его пушисто зашевелились знакомыми гусеницами: — умойте голову водой и поѣдемъ за городъ...

Онъ быстро поднялъ его за плечи съ постели, подвелъ въ кухнѣ къ крану раковины и пустилъ ледяную струю. Захлебываясь отъ воды, сразу ошалѣвъ отъ холода, Безсоновъ вырывался изъ его рукъ, но Наумъ Робертовичъ крѣпко держалъ его за воротъ, пока не отошелъ тотъ совсѣмъ. Съ наслажденіемъ, все еще качаясь, но уже сознавая, Безсоновъ вытиралъ полотенцемъ лобъ, и тогда очень близко, въ самое лицо, приблизивъ рыжеватые глазки и носъ съ пучками волосъ, Наумъ Робертовичъ спросилъ у него:

— Ну, а дѣло мы сдѣлаемъ съ вами, дорогой товарищъ? На дѣло вы способны, надѣюсь? — и Безсоновъ отвѣтилъ облегченно и радостно:

— Сдѣлаемъ, конечно!

Въ передней уже одѣвались; Нюрочка, съ тою же все негаснущей улыбкой, помогала дамамъ надѣвать ботики. Стыдясь ея, Безсоновъ надѣлъ въ сторонѣ пальто. Наумъ Робертовичъ взялъ его подъ руку и повелъ за собой. Прощально и улыбаясь, смотрѣла вслѣдъ сверху, съ площадки, Нюрочка. Они вышли во дворъ, у воротъ сдержанно клокотала черная каретка такси. Весело и тѣсно втиснулись вшестеромъ въ каретку, а Безсоновъ сѣлъ рядомъ съ шоферомъ. Морозный вѣтеръ отрезвляюще запѣлъ, загудѣлъ въ лицо. По-утиному крякая, проворно уносилась каретка вечерними московскими улицами. Скучно бродили по нимъ нахохлившіеся люди, задерживаясь у освѣщенныхъ подъѣздовъ кинематографовъ. Цвѣтные плакаты обѣщали развлечь, закружить, увести къ сказочной снящейся жизни. Въ пивныхъ, въ дыму, тѣсно сидѣли ошалѣлые бекеши и полушубки. Все болѣе протрезвляясь, смотрѣлъ Безсоновъ на эту знакомую жизнь, и мысль о томъ, что завтра съ утра предстоитъ ему возвратиться сюда же, начать для себя

эти будни, ужаснула его. Нѣтъ, именно такъ нестись, въ какомъ-то нескончаемомъ карнавальномъ круженіи, въ этой черной шалой кареткѣ — за городъ, въ веселую ночь, какъ обѣщалъ Наумъ Робертовичъ, къ огнямъ, къ блеску, къ пѣснямъ, и — что бы ни было нужно для этого — сдѣлаетъ онъ съ огромнымъ чувствомъ облегченія и осуществляющихся великолѣпныхъ надеждъ.

XXVIII

Чибирякъ, чибирякъ, чибиряшечка,
Съ голубыми ты глазами, моя душечка!
Ап. Григорьевъ.

Возлѣ села Всѣхсвятскаго пріѣхали они къ какому-то пустынному и вымершему деревянному дому. Уныло и хмуро темнѣлъ онъ своимъ бревенчатымъ фасадомъ, а кругомъ тонко и по дорожному пѣлъ вѣтеръ въ проводахъ телеграфа. На цыпочкахъ, всею компаніей, держась другъ за друга, поднялись наверхъ по неимовѣрно скрипучей лѣстницѣ Все это было очень таинственно и волнующе. Куреповъ постучалъ несильно два раза въ обитую дверь, и минуту спустя выглянула страшная бородатая голова, съ такими сверкающими бѣлками, что видны были они даже въ темнотѣ. Человѣкъ впустилъ ихъ по-одиночкѣ въ пустую угрюмую комнату, казавшуюся нежилой. Онъ прибавилъ огня въ керосиновой лампочкѣ и оказался цыганомъ въ ситцевой красной рубахѣ и плисовыхъ штанахъ, свисавшихъ поверхъ сапогъ. Въ шубахъ и шапкахъ молча провелъ онъ гостей за собой въ сосѣднюю комнату, и разомъ за откинутой пыльной портьерой пахнуло теплomъ, зеленовато слѣпительнымъ свѣтомъ горѣла керосино-калильная лампа подъ потолкомъ, по стѣнамъ стояли низкія тахты, а изъ другихъ дверей навстрѣчу гостямъ пестро поплыли цыганки въ шелковыхъ платьяхъ и шаляхъ, съ густыми бровями, и слѣдомъ — кавалеры съ масляно-замусоленными коками и сизыми лицами, заросшими крутымъ конскимъ волосомъ.

— Дорогіе товарищи, мы къ вамъ! — сказалъ Наумъ Робертовичъ, въ шапкѣ и ботикахъ, въ перекинутомъ черезъ шею изумрудно зеленомъ кашнэ, и волосатыми пальцами обѣихъ рукъ послалъ цыганкамъ воздушные поцѣлуи.

Разомъ по-птичьему и гортанно заговорили женскіе голоса, пышно запахло пудрой, — и для Безсонова весь этотъ вечеръ далѣе пестро залился шелковыми шалями женщинъ и густымъ мохнатымъ переборомъ гитары, подъ которую пѣла сперва Варя, потомъ Стеша, потомъ Настя, потомъ цыганъ Кучеровъ, потомъ всѣ вмѣстѣ, водку принесли въ четвертяхъ, и скоро такимъ весельемъ и буйствомъ заполыхало потаенное это убѣжище, такимъ зажглось спиртомъ, такъ зашумѣло, что казалось, вотъ распадутся ненадежныя бревенчатыя стѣны, и всею безумной лавиной выльется отсюда человѣческая эта лавина и дальше пойдетъ бушевать, воспаляя, тревожа и будоража вдовью тишину загородной ночи.

Совсѣмъ ошалѣвъ и такъ багровѣя затылкомъ, что можно было, казалось, зажечь о него спичку, пошелъ въ плясъ гусакомъ Наумъ Робертовичъ, а навстрѣчу ему поплыла цыганка съ длиннымъ бѣлымъ лицомъ, похожимъ на ломоть дыни, домовито урчала гитара, лопаясь струнными пузырями, — и, хмѣлѣя совсѣмъ, ощутилъ Безсоновъ безмѣрный восторгъ отъ того, что онъ здѣсь въ этомъ нескончаемомъ празднествѣ, которое можетъ продолжиться еще и еще, стоитъ только немного приложить труда и усилій . . . Внезапно какъ будто отвѣтивъ на всѣ его мысли, рядомъ съ нимъ на диванъ сѣлъ Свербѣевъ. Его глаза были мутны отъ выпитой водки, длинный носъ лоснился, онъ дыхнулъ перегаромъ и сказалъ торжествующе:

— Видѣлъ, братъ? . . Вотъ это жизнь, а не твой муховѣй. Понялъ теперь, какъ жизнь жить надо? . . А все въ нашихъ рукахъ, Кирюшка, если не сдашь . . . не засбоишь на финишѣ. Выйдемъ въ коридоръ, я тебѣ такое покажу, что душу разинешь . . .

Онъ увлекъ его съ собой въ сосѣднюю полутемную и холодную комнату, въ которой ихъ встрѣтилъ цыганъ при приходѣ. Онъ подвелъ его къ тусклой

керосиновой лампѣ и выхватилъ рывкомъ изъ кармана брюкъ странный несвѣжій пакетъ. Правой рукой онъ похлопалъ по этой подушечкѣ, и вдругъ разомъ ослѣпляюще и чудесно развернулись передъ Безсоновымъ бѣлыя бумажки съ черными пятнышками цифръ въ верхнемъ правомъ углу.

— Видѣлъ? — жарко дыхнувъ ему въ самое ухо, сказалъ Свербѣевъ еще. — Видѣлъ? Задаточекъ Наума Робертовича. Если завтра не засбоишь, пойдешь со мной вмѣстѣ къ Лебедкину просить для студентовъ мануфактуру, — большой наварецъ у насъ останется . . .

И снова проворной рукой сунулъ онъ пачку въ карманъ. Ослѣпленный, сбитый со всѣхъ своихъ мыслей, которыя еще возникали въ немъ относительно Лебедкина, почти машинально Безсоновъ отвѣтилъ:

— Не засбою . . . Лебедкинъ все дастъ, если я попрошу! . .

— Ну вотъ и отлично. А пока веселись, братъ... цыганочки есть замѣчательныя, а хочешь я тебѣ свою черненькую уступлю? Погоди, возьми пока это . . . можетъ придется ее проводить, — и, покопавшись въ карманѣ, Свербѣевъ далъ ему двѣ бѣлыхъ бумажки.

Минуту спустя они вернулись обратно въ дымъ, въ тѣсноту и гулъ. Весело и пьяно догуливали цыгане въ ночь. Хорошо пѣли пѣсни, шумѣли шелками, звякали серебромъ своихъ монистовъ, и пахло здѣсь дикимъ звѣринымъ духомъ, отчего еще веселѣе и дымнѣе кружилась голова. Такъ прогуляли здѣсь часовъ до двухъ ночи и рѣшили всею гурьбой, съ гитарой и пѣснями, поѣхать на розвальняхъ кататься по парку. Откуда-то пришли сивые съ мороза, красноличые ямщики, имъ дали по стакану водки, наливалъ Наумъ Робертовичъ, а цыганки, ставъ въ кругъ и хлопая въ ладоши, величали его:

Выпьемъ за Наума, Наума дорогого,
А пока не выпьемъ, не нальемъ другого! . .

— и Наумъ Робертовичъ тоже вмѣстѣ съ ямщиками выпилъ стаканъ водки. Потомъ всѣ зашумѣли, заторопились, потащили шубы. Безсоновъ одѣлся и вышелъ на лѣстницу. Въ черныхъ сѣняхъ запахло мо-

розным воздухомъ. На ступенькахъ, держась за перила, стояла черненькая актриса, онъ не узналъ ее въ шубкѣ и капорѣ; ей было худо, видимо. Онъ подхватилъ ее за плечи и помогъ спуститься. Возлѣ дома шершавыя отъ инея стояли лошади ямщиковъ, звякая обручальными кольцами поддужныхъ колокольцевъ. Ямщики топтались, крѣпко похрустывая снѣгомъ. Была морозная, звѣздная, пѣвучая, чистѣйшая послѣ смрада ночь.

* * *

Въ два часа, на другой день, вялые отъ вчерашняго буйства и полные еще мутныхъ предутреннихъ сновъ, вмѣстѣ со Свербѣевымъ пришли они къ тому огромному зданію, гдѣ работалъ Лебедкинъ. Въ большомъ вестибюлѣ золотыми акваріумами поднимались и опускались два лифта. Человѣкъ въ галунахъ повернулъ серебряное колесо, и лифтъ пѣвуче понесъ ихъ кверху, на пятый этажъ. Въ длинномъ бѣломъ коридорѣ съ матовыми стеклами дверей было побольничному чинно. Въ пріемной Лебедкина ярко рыжѣлъ натертый паркетъ со сложнымъ рисункомъ, сидѣло два человѣка съ портфелями, и машинистка у окна, дымясь золотистой короной волосъ, торопливо настукивала на машинкѣ. На бѣлой стѣнѣ висѣли діаграммы въ красныхъ, желтыхъ и бѣлыхъ квадратахъ и столбикахъ; жизнь казалась здѣсь отстоявшейся, точно размѣренной, и отъ этого, вѣроятно, всѣ говорили вполголоса. Вскорѣ изъ кабинета вышелъ секретарь съ дѣловою папкой съ бумагами, онъ записалъ студентовъ на листкѣ, и пріемъ у Лебедкина начался.

Смутно и неувѣренно входилъ къ нему въ кабинетъ Безсоновъ. Они условились давно межъ собой — онъ и Свербѣевъ — что именно будетъ каждый изъ нихъ говорить, но что бы ни говорилъ онъ Лебедкину — все это теперь будетъ ложь, и въ первый разъ онъ солжетъ человѣку, который обратилъ его къ жизни . . . Въ своемъ большомъ кабинетѣ, гдѣ еще тише хотѣлось говорить, такъ подавлялъ строгій порядокъ вещей въ немъ, какъ-то одиноко и непри-

вычно затерялся Лебедкинъ. Такой же костистый, съ повязанной шеей отъ очереднаго фурункула, сидѣлъ онъ бочкомъ въ своемъ креслицѣ; телефонъ-вертушка и еще два телефона аспидно чернѣли на столѣ Очень радушно встрѣтилъ Лебедкинъ студентовъ. Поглядывая дружественнымъ сѣрымъ глазомъ на Безсонова, онъ выслушалъ все, проглядѣлъ заявленіе и синимъ карандашомъ сдѣлалъ помѣтку въ верхнемъ углу.

— Съ этимъ пройдете въ третій этажъ, и дальше васъ ужъ направятъ, — онъ сказалъ это дружески и откинулся въ креслицѣ.— Ну, а какъ же дѣла? спросилъ онъ еще у Безсонова зорко. — Съ идеями кончилъ?

Можетъ быть, именно сейчасъ, если-бъ попристальнѣй на него поглядѣлъ Лебедкинъ, если-бъ попрежнему положилъ на плечо ему руку, чтобы все узнать и спросить, онъ сказалъ бы о всемъ, сжигая себя до конца, потому что здѣсь съ Лебедкинымъ была еще его правда, а дальше уже—такая немыслимая ложь, такая распутица, изъ которой не выбраться никогда... Но въ тотъ же мигъ зазвонилъ телефонъ, и Лебедкинъ, сразу утративъ свою теплоту, взялъ трубку и сталъ говорить: и чѣмъ дальше дѣловымъ скучнымъ голосомъ говорилъ онъ о какихъ-то раздутыхъ смѣтахъ, тѣмъ глуше застилалось это чувство Кирилла Безсонова. Лебедкинъ, наконецъ, кончилъ говорить и снова къ нимъ повернулся, но лицо его прежняго выраженія уже не сохранило. Затѣмъ стали прощаться, — и минуту спустя они уже спускались по лѣстницѣ. Вверхъ и внизъ пробѣгали люди съ бумагами, и, спускаясь, подумалъ Безсоновъ, что спускается, въ сущности, по страшнымъ ступенямъ своей жизни. Впрочемъ, мимолетно прошло это чувство въ немъ.

Дальше всѣ хлопоты принялъ Свербѣевъ на себя, нѣсколько дней загодочно онъ исчезалъ, добывая мануфактуру, ѣздилъ къ Науму Робертовичу и кружился въ кратерахъ трестовъ; какъ это до конца обернулось — Безсоновъ не зналъ, но въ одинъ изъ вечеровъ, въ томъ же павильонѣ, гдѣ все это было задумано, встрѣтились они снова втроемъ.

— Ну-съ, — сказалъ Свербѣевъ и подмигнулъ Курепову бѣлесымъ своимъ глазомъ, — дѣло сдѣлано. Хвалю, что дуракомъ не оказалъ себя, Кирюшка! Давайте считать наварецъ.

Знакомымъ движеніемъ полѣзъ онъ въ карманъ и хлопнулъ о столъ изумительной пачкой, бѣло и сиренево разлетѣвшейся вѣеркомъ бумажекъ. Не вѣря, не понимая, смотрѣлъ Безсоновъ на это богатство, а Куреповъ, мгновенно сложивъ бумажку и постукавъ пачкой ребромъ какъ колодою картъ, сталъ считать. Онъ считалъ и считалъ — и кончилъ, наконецъ.

— Сколько?—однимъ дыханьемъ спросилъ Свербѣевъ.

— Тысяча двѣсти, — Куреповъ отвѣтилъ и, подсѣвъ вдругъ вплотную къ Безсонову, крѣпко взялъ его за колѣно рукой. — Ну-съ, что же вы теперь съ такой суммой будете дѣлать? Четыреста цѣлковыхъ на брата, какъ пѣнку сняли. Пѣнка и есть. Четыреста цѣлковыхъ тебѣ, Кириллъ Безсоновъ! — закричалъ онъ снова. — Двадцать мѣсяцевъ полной стипендіи въ одинъ присѣстъ... и никому никакого отчета. Ловко Свербѣевъ сработалъ?

XXIX

Тамъ, въ павильонѣ, на диванѣ, сидя рядомъ съ Безсоновымъ и дружески касаясь колѣна рукой, Куреповъ далъ совѣтъ, какъ можно удвоить, утроить или даже удесятерить, если будетъ удача, его чудесный наварецъ.

— Ты играть пробовалъ? — спросилъ онъ вплотную.

— Какъ играть? — Безсоновъ не понялъ и удивился.

— Ну, конечно, не на роялѣ играть... а игру настоящую знаешь? Ну, шменъ-де-феръ тамъ, или баккара . . . словомъ, желѣзку знаешь?

Но за него отвѣтилъ Свербѣевъ.

— Ну, это, братъ, еще надвое. Лучше и не заводи . . . войдетъ княземъ, а выйдетъ мразью.

— Дуракъ ты, Свербѣевъ, — сказалъ Куреповъ презрительно, — если я его учить хочу, развѣ я его безъ присмотра оставлю! Со мной или ни съ чѣмъ обернется, или съ наваромъ останется.

Почему-то весело было Безсонову слушать куреповскіе эти пустяки. Большіе деньги лежали теперь у него въ карманѣ. Никогда столько денегъ не зналъ онъ прежде, и такой хотѣлось теперь шалой, невиданной жизни, что мысль объ институтѣ, о занятіяхъ, о зачетахъ, если-бъ и возникла снова она, показалась бы вовсе ненужной...

Онъ ушелъ изъ общежитія рано и много ходилъ по городу, не ощущая усталости. Подолгу онъ стоялъ у оконъ магазиновъ, въ которые могъ уже полноправно зайти, выбрать все, что захочетъ, побѣдоносно ощущая себя въ ряду добытчиковъ жизни. И въ половинѣ десятаго вечера, какъ рѣшилъ и задумалъ, онъ былъ уже у Курепова.

Въ павильонѣ выпили по три рюмки зубровки для бодрости и, дѣйствительно, бодро вышли отсюда въ туманную ночь. Доѣхавъ на трамваѣ до Селезневской, они пересѣли на букву Б. Морозы сдавали, зима становилась сиротской; въ оттаявшія окна трамвая видѣнъ былъ отяжелѣвшій подъ сыростью снѣга городъ. Скоро сиреневымъ и феерическимъ свѣтомъ засіяли шары надъ входомъ въ казино. Широко, радушно приглашало оно къ себѣ искателей счастья. Провинціальные растратчики, пріѣхавшіе въ столицу встряхнуться, останавливались завороженные этимъ сиреневымъ свѣтомъ и съ пересохшимъ зачарованнымъ горломъ входили въ подъѣздъ.

Чуть туманясь отъ всего этого зрѣлища, легко взволнованный, Безсоновъ подошелъ къ одному изъ столовъ. Часъ былъ ранній, игроковъ было еще немного, и Куреповъ ястребомъ выискивалъ мѣсто повыгоднѣй. Надо было найти такое мѣсто, чтобы держащій банкъ слѣва партнеръ не дорожился, а покупающій карты былъ бы погорячѣе — таковъ былъ расчетъ игры.

Наконецъ, Куреповъ выискалъ мѣсто между румяненькимъ старичкомъ, очень бережливымъ и аккуратно игравшимъ, съ одной стороны, и между опасли-

вымъ потертымъ армяниномъ все время считавшимъ подъ столомъ на колѣняхъ деньги—съ другой. Здѣсь онъ устроился. Безсоновъ сталъ позади его стула, глядя на желтые отъ табаку и обѣщавшіе счастье пальцы Куреповa.

Осторожно и вкрадчиво началъ свою игру Куреповъ. Не торопясь, присматриваясь, понтировалъ онъ не раньше, чѣмъ по третьей картѣ, наигрывая мелочишку пока и готовясь перейти къ болѣе широкимъ, рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Пока не принималъ онъ въ дѣло Безсонова, а когда подошелъ къ нему банкъ, принялъ въ пай десять его рублей и приготовился къ аттакѣ. Двадцать рублей въ банкѣ покрыли первые два игрока по правую руку, и Куреповъ вытянулъ изъ деревяннаго ящичка карты. Приблизивъ къ близорукому лѣвому глазу щитокъ, армянинъ сказалъ сдавленнымъ голосомъ:

— Карточка нужна!..

Куреповъ открылъ свои и далъ армянину рыжаго короля. Двадцать рублей противниковъ поползли къ банку. Опять сталъ вытягивать карты Куреповъ, опять пошелъ армянинъ и еще одинъ невзрачный человѣчекъ въ обшарпанномъ пиджакѣ, и оба они проиграли тотчасъ. Три только раза далъ карты Куреповъ и продалъ банкъ. Сто шестьдесятъ рублей за малымъ вычетомъ наварилъ онъ за три этихъ удара. Восемьдесятъ рублей достались Безсонову за одну только бѣлую его бумажку. И вдругъ восторженная увѣренность въ побѣдѣ, именно въ томъ, что здѣсь найдетъ онъ первую основу дальнѣйшей жизни, жарко и восхитительно возникла въ немъ. Игра, игра, легкій полетъ надъ пропастью! Тысячи людей, вѣроятно, создали себѣ здѣсь состоянія. Нѣтъ, конечно, не такъ, не за спиною Куреповa надо его создавать, а сѣсть полноправно за этотъ овальный столъ, самому все пережить, самому опредѣлить ходъ своей новой удачи...

Но Куреповъ ему не позволилъ сѣсть въ этотъ вечеръ.

XXX

Послѣ Новаго года, послѣ лютыхъ январскихъ морозовъ, зима надломилась дружно. Осѣвшіе инеемъ дни медленно переходили въ вечера, синѣя коридорами сумерокъ. Предфевральское солнце грѣло уже, съ грохотомъ сшибая въ сточныхъ трубахъ сосульки. Тяжелыми подушками сбрасывали снѣгъ съ крышъ. За три недѣли дважды былъ Безсоновъ съ Куреповымъ въ казино, опять не давалъ ему тотъ присѣсть съ собою за столъ, и вновь, наигравъ, увозилъ его онъ отсюда.

Со всѣми выигрышами, съ прежними деньгами у Безсонова собралось семьсотъ тридцать рублей. На двѣсти одѣлся онъ заново. Казалось, вплотную приблизились дни его торжества. Но вмѣстѣ съ удачей — все гуще и лютѣе онъ начиналъ тосковать.

Какъ будетъ онъ жить? Какъ посмотритъ теперь въ глаза онъ Лебедкину, Ягодкину — людямъ, такъ дружески повѣрившимъ въ его трудъ, въ его желаніе учиться и завоевывать жизнь? Можетъ быть, если бъ за это время не только тамъ, въ домѣ, гдѣ собирались поэты, а шире, всегласно признали бъ его талантъ, — онъ могъ бы сказать, что бросилъ для этой дороги ту, прежнюю... Но рѣже писалъ онъ теперь стихи Скучно сочетались слова въ этомъ его опустошеніи.

У Тани не хватило мужества жить, когда какъ-то зашлась ея жизнь. Слабая душа, не одинъ такой тихій ростокъ смелъ суровый вѣтеръ городской пустыни. Но если его жизнь тоже зайдетъ въ тупикъ окончательно, то не проще ли именно такъ — однимъ ударомъ все разрѣшить для себя?.. Онъ думалъ объ этомъ часто, и это казалось теперь тѣмъ превосходнымъ, единственнымъ разрѣшеніемъ, съ которымъ не страшны дальнѣйшія всѣ паденія, если они предстоятъ. Главное, нужны деньги, чтобы не остаться въ томъ унизительномъ безпомощномъ состояніи, когда единственно нужда затмѣваетъ надежды. Съ этой мыслью онъ жилъ теперь. И съ этой мыслью рѣшилъ для себя онъ однажды, въ тотъ полынный и памятный вечеръ, который страшнымъ ударомъ толкнулъ его въ спину на пути дальнѣйшихъ и роковыхъ рѣшеній,—въ

этотъ вечеръ рѣшилъ онъ самъ для себя, безъ совѣтчиковъ, окончательно испытать судьбу.

Какъ разъ въ эту пору уѣхалъ Куреповъ на подмосковскую съемку, и Безсоновъ могъ не бояться, что встрѣтитъ его въ этотъ свой рѣшительный вечеръ. Онъ рѣшилъ, что такъ же искусно и осторожно, какъ тотъ его училъ, начнетъ онъ игру. Эти пятьдесятъ рублей, которые отложилъ онъ въ карманъ отъ всѣхъ своихъ денегъ, опредѣлятъ его судьбу; съ ними онъ раздуетъ игру, или проиграетъ ихъ — и уйдетъ, чтобы больше сюда не вернуться. Сегодня придетъ онъ туда одинъ, безъ совѣтчиковъ, и сядетъ за столъ полноправно со своими деньгами, а не станетъ топтаться за спинкой чужого стула. Возбужденный всѣмъ этимъ, съ зыбкой пустотою въ душѣ, съ трудомъ дождался онъ вечера и въ половинѣ одиннадцатаго былъ уже въ казино.

Золотыми огнями, блескомъ зеркалъ и обѣщающимъ шорохомъ денегъ встрѣтило оно его въ этотъ часъ! Съ десятокъ людей разныхъ племенъ и нарѣчій сидѣло за крайнимъ столомъ. Молодой человѣкъ съ благороднымъ лицомъ упитаннаго Цезаря, въ страшно модномъ воротничкѣ, съ полосатенькимъ бантикомъ галстука, зорко поглядѣлъ на него и попугайнымъ голосомъ, полнымъ посуловъ и уваженія, крикнулъ:

— Есть свободное мѣсто, месье!.. Второй банкъ отъ руки.

И Безсоновъ, не въ силахъ отказаться, съ трепетомъ сѣлъ въ дубовое креслице. Десятокъ людей, игравшихъ за этимъ столомъ, проворнымъ и запечатляемымъ кругомъ прошли передъ нимъ. Рядомъ, направо, сидѣлъ тотъ же косой армянинъ, съ которымъ велъ еще Куреповъ игру и который приходилъ сюда каждый вечеръ; дальше — очень молодой и конфузящійся человѣчекъ, въ аккуратномъ бежевомъ пиджачкѣ, ворочавшій большими деньгами, которыя ставилъ всегда невпопадъ, покупая всѣ банки, немедля же лопавшіеся въ его несчастливыхъ рукахъ; вѣроятнѣе всего, былъ онъ посланъ въ Москву откуда нибудь изъ провинціи въ командировку, но запугался въ казенныхъ деньгахъ, и теперь на рѣдкость бездарно старался освободиться вполнѣ отъ ихъ тяжести. Поми-

нутно, съ выраженіемъ розоваго ужаса на дѣтскомъ лицѣ, онъ обращался къ сосѣду, сосредоточенному и мрачному человѣку, со средневѣковымъ звукомъ скрипѣвшему искусственной металлической лѣвой рукой. Человѣкъ выигрывалъ мрачно, безъ единаго отблеска на червленномъ лицѣ, словно задавшись безжалостной цѣлью сокрушить, стереть съ лица земли это розовое существо.

Подальше, яблочно желтѣя дѣвическимъ лицомъ, сидѣлъ китаецъ. Еще дальше, огибая яичную округлость стола, сидѣло много потертыхъ несвѣжихъ людей, изъ которыхъ выдѣлялись особо совершенно экзотическій сартъ въ небесно-голубомъ халатѣ, съ красивымъ и смолянобровымъ лицомъ, очень набожно прикасавшійся къ картамъ, и деревянный дядюшка-лѣсовикъ, словно наспѣхъ вырубленный и обтесанный топоромъ, съ медвѣжьей шкурою бороды и совершенно дремучій. Какъ попалъ онъ сюда, можетъ быть, для устрашенія всей городской этой нечисти, но у лѣсовика лежали деньги въ голенищѣ сапога, онъ доставалъ оттуда тряпицу, разматывалъ ее и мохнатой ручищей забрасывалъ ихъ въ это капище. Таковъ былъ кругъ людей, сидѣвшихъ вмѣстѣ съ Безсоновымъ и какъ бы насторожившихся, какъ поведетъ себя этотъ новый пришелецъ. Прекрасныя, однако, обѣщанія сулилъ упитанный Цезарь, съ перваго взгляда обратившій на Безсонова свою благосклонность. Деревянный лоточекъ, устойчивой ладьей проплывавшій по этому зеленому морю страстей, доползъ до Безсонова.

— Вашъ банкъ, месье! — попугайнымъ, но не непріятнымъ голосомъ прокричалъ крупье.

Дрогнувъ, Безсоновъ досталъ десять рублей и положилъ на лоточекъ. Съ угрожающимъ коварствомъ косой армянинъ приблизилъ карты къ самому носу и выбросилъ ихъ тотчасъ на столъ, словно онѣ ему опалили бровь. Черная ехидная девятка пикъ и меланхолическая дама безнадежно легли на сукно. Банкъ былъ сорванъ по первой рукѣ. И армянинъ съ обидною торопливостью запряталъ червонецъ въ самую глубину своей пачечки денегъ. Опять медлительно и

скучно поползъ лотокъ съ картами по кругу стола, изъ однѣхъ рукъ въ другія.

Банкъ заварилъ китаецъ. Со слабой своею улыбкой, словно вставилъ онъ между губъ кусочекъ лимона, далъ онъ вторую и третью карту. Изъ десяти рублей у него стало восемьдесятъ. Какъ бы окунаясь всею медвѣжьей своею тяжестью, ухнулъ въ эту прорубь лѣсовикъ. Съ тою же неживою улыбкой, выкинулъ китаецъ восьмерку. Сразу запотѣвъ, полѣзъ лѣсовикъ въ голенище за тряпицей съ деньгами. Сто шестьдесятъ рублей разобрали пять игроковъ. Выжидая, замеръ столъ, глядя на этотъ поединокъ. Карты поползли изъ лотка, и съ тою же ловкостью мгновенье спустя выбросилъ китаецъ восьмерку. Ясно было, что теперь продастъ онъ этотъ удачливый банкъ, который со слѣдующей картой, несомнѣнно, лопнетъ. Крупье приготовился увѣнчать его торжество, но съ какимъ-то буддійскимъ упорствомъ, какъ бы не понимая, что идетъ къ своей гибели, китаецъ продолжилъ банкъ. Хотѣлъ ли сдѣлать онъ состояніе, напавъ на золотую эту жилу, или, дѣйствительно, не понималъ ничего въ игрѣ, но онъ далъ роковую эту пятую карту, которую съ хищною жадностью ожидали вокругъ. Мигомъ разобрали эти обреченныя деньги, готовыя посмѣяться надъ неудачникомъ.

— Дѣлайте ваши ставки, господа! — закричалъ крупье и устремилъ на Безсонова выжидательный взглядъ.

Почти не помня себя, завороженный этимъ взглядомъ, Безсоновъ выкинулъ разомъ всѣ сорокъ рублей, приготовленные для игры. Первымъ по старшинству взялъ карты розовый молодой человѣкъ, покрывшій горячо половину. Это было игрокамъ непріятно, молодому человѣку не везло, но ставки уже были сдѣланы. Съ замершимъ сердцемъ слѣдилъ Безсоновъ за движеніемъ рукъ растратчика. Вотъ сдвинулъ онъ эти двѣ карты, раздвинулъ, порозовѣлъ — и уголкомъ показалъ китайцу судьбу: съ валетомъ червей шла восьмерка. Все также улыбаясь безвольно, китаецъ опрокинулъ мизинцемъ лежавшія передъ нимъ его карты. Жирно чернѣя, девятка и такая же чер-

ная десятка угрюмой угрозой дыхнули на весь этотъ столъ.

— Въ банкѣ девятка... понтъ проигралъ! — закричалъ крупье и ловкимъ движеніемъ сгребъ лопаткой къ себѣ вороха бумажекъ, лежавшіе на столѣ. Сорокъ рублей Безсонова смѣшались въ ихъ безымянной кучѣ.

— Желаете дать еще карту, месье? — приглашающе и желая уравновѣсить эту картину разгрома, крупье обратился къ китайцу, но китаецъ, только что будто очнувшись отъ блаженныхъ видѣній, покачалъ головой и принялъ въ обхватъ своихъ желтыхъ рукъ богатую груду денегъ. Съ минуту еще не понималъ ничего, что случилось, Безсоновъ. Вдругъ понялъ онъ съ безнадежной очевидностью, что пятидесяти рублей, которые онъ отложилъ на игру, уже нѣтъ. Ихъ слизнула лопатка крупье въ одинъ незамѣтный мигъ. Потъ жарко выступилъ на его лбу. Теперь нужно было встать и уйти, какъ рѣшилъ онъ заранѣе. Съ самаго начала сегодня судьба отвернулась, и такъ Куреповъ училъ, что если съ начала отвернулась судьба, незачѣмъ ее больше испытывать. Но какъ уйти, выбросивъ на вѣтеръ пятьдесятъ рублей, не пытаясь ихъ отыграть? А, можетъ быть, слѣдующій кругъ уже несетъ ему невиданную удачу. Нѣтъ, немного еще онъ останется здѣсь, только посмотритъ, приглядится къ возможностямъ... И онъ не ушелъ, а остался.

Не вспыхивая случайностями, скучно послѣ этой фанфары китайца поплылъ лотокъ по столу. Не признаваясь себѣ въ этомъ движеніи, Безсоновъ досталъ еще изъ кармана новенькаго своего костюма пятьдесятъ рублей. Три раза понтировалъ онъ неудачно и едва сберегъ для банка десять рублей. Онъ положилъ эти десять рублей и сдалъ карты. Проворно и жадно пошелъ на нихъ армянинъ и попросилъ карту. Безсоновъ открылъ свои: шестерка и тузъ ревниво его берегли, и онъ далъ армянину жира. Три унылыхъ валета развернулись строемъ въ его рукахъ.

— Баккара!—прокаркалъ крупье, и армянинъ недоумѣнно заплатилъ въ банкъ двѣ самыхъ старыхъ

пятирублевки, съ которыми менѣе всего жалко было ему разстаться. Въ погонѣ за ними пошелъ онъ снова, и Безсоновъ далъ ему въ прикупъ — пустую десятку. Съ пламенной ненавистью посмотрѣлъ армянинъ на него косымъ глазомъ. До смерти было жалко ему этихъ тридцати своихъ загубленныхъ рублей. Быстро погадалъ онъ по цифрѣ рублевки и пошелъ на выручку кровныхъ денегъ. Зимирая, вытащилъ Безсоновъ карты; армянинъ не пожелалъ прикупить. Упорная семерка, во всякомъ случаѣ уже не проигрававшая, глянула кверху. Армянинъ прошипѣлъ, побагровѣлъ до корней волосъ и принялся разстегивать жилетку.

— Въ банкѣ восемьдесятъ рублей, — благословляя, черезъ головы крикнулъ крупье.—Продаете, месье, или даете дальше?

Безпомощно глянулъ Безсоновъ округъ. Всѣ выжидательно притаились. Ни одного сочувствія, ни одного одобренія. Въ короткія секунды крикнулъ онъ: если придетъ еще карта, онъ сниметъ сто шестьдесятъ... а это именно поворотъ судьбы, именно надъ нимъ, можетъ быть, сейчасъ засіяла звѣзда, которой онъ предпочтетъ скупую опасливость! И мгновенно, словно боясь раздумать, онъ выкинулъ карты. На весь банкъ цѣликомъ, заливаясь дѣвичьимъ пламенемъ, воскрылівъ въ этомъ движеніи, пошелъ провинціалъ въ бежевомъ пиджачкѣ. Сейчасъ съ обычнымъ сокрушеніемъ онъ проиграетъ и станетъ отсчитывать восемьдесятъ рублей. Такъ оно и было, онъ сморщился, отеръ потнымъ пальцемъ лобъ и только было хотѣлъ попросить прикупочку, какъ вдругъ, разомъ округливъ глаза, совсѣмъ по дѣтски и восторженно крикнулъ:

— Девятка! . .

Онъ выбросилъ карты на столъ и, заливаясь улыбкой, дѣлился со всѣми своей неслыханной радостью:

— Девятка . . . а я ее за десятку принялъ. Хорошо — не купилъ . . .

Онъ ерзалъ и восторгался, хотя никто вокругъ не поддерживалъ этого его восторга. Счастливый, улыбаясь, онъ придвинулъ къ себѣ первый свой выигрышъ. Огромная, неудержимая досада зашумѣла въ

Безсоновѣ. Зачѣмъ онъ погнался за невѣрными этими восьмьюдесятью рублями и потерялъ все?! Восемьдесятъ рублей могъ онъ снять, отложить на игру, какъ училъ Куреповъ. Теперь снова былъ онъ ни съ чѣмъ, и уже не пятьдесятъ, а сто рублей ушли незамѣтно. Нѣтъ, въ слѣдующій кругъ онъ будетъ умнѣе, дастъ только три карты — и ни одной болѣе... И онъ сталъ ждать, уже сгоряя и ненавидя игроковъ за медлительность.

Но банкъ застрялъ у человѣка съ желѣзной рукой. Скрипя этимъ зловѣщимъ средневѣковымъ предплечьемъ, сумрачно принялся онъ сокрушать притихнувшій столъ. Словно отпирая тяжелые замки, съ такимъ же звукомъ поднималъ надъ столомъ онъ свою желѣзную руку. И первымъ напоролся на это орудіе простодушный мужичекъ-лѣсовикъ. Дважды пошелъ онъ на весь этотъ банкъ и дважды сокрушенно лѣзъ въ голенище, добывая завѣтную свою тряпицу. Пострадали и потертые людишки, совавшіе по мелочамъ и всполошенно потянувшіеся отыгрывать эту мелочь. Пришла очередь пожариться сарту. Съ восточной медлительностью пошелъ онъ тягаться съ этимъ порожденіемъ Войны. Онъ медленно глянулъ Карими миндалинами глазъ изъ подъ соболиныхъ бровей на карты, а уже тяжелымъ танкомъ шелъ на него своею девяткой желѣзнорукій врагъ. Сартъ засунулъ руку за пазуху, невинно голубѣя цвѣтами и шелкомъ халата, и досталъ европейскій бумажникъ. Теперь, разметавъ мелочь по остальнымъ, прямо на него, Безсонова, надвигался этотъ сокрушительный танкъ.

Человѣкъ пламенно и бездонно глянулъ на него, и вдругъ въ этомъ взглядѣ, прикрывавшемся равнодушіемъ и отвагой, прочелъ Безсоновъ, что смертно боится человѣкъ за эту послѣднюю карту, которую рѣшилъ онъ дать. Минуту назадъ сгоряча онъ ошибся въ разсчетахъ, и еслибъ была сейчасъ его воля, онъ смелъ бы весь банкъ къ себѣ, чтобы не испытывать больше судьбу. Онъ встрѣтился съ нимъ глазами и ждалъ. Четыреста двадцать рублей были въ банкѣ, и теперь послѣднее слово, котораго такъ боялся человѣкъ, было за нимъ, Безсоновымъ. Безсоновъ быстро прикинулъ: у него было пятьсотъ рублей, когда при-

шелъ онъ сюда, сто онъ проигралъ, осталось четыреста. А что если сразу пойти на половину, не скоро придется ему такая вѣрная шестая или даже седьмая карта . . . Двѣсти рублей — однимъ движеніемъ, въ одинъ взмахъ рѣсницъ, — и сейчасъ же розовый провинціальный растратчикъ съ проворной готовностью спросилъ:

— На пополамъ?

Безсоновъ кивнулъ головой и протянулъ къ лотку руки.

— Обезпечьте деньгами, — сказалъ низкимъ басомъ, словно пробили гдѣ часы, желѣзнорукій человѣкъ.

Безсоновъ судорожно разстегнулъ пиджакъ и дрожащими пальцами отсчиталъ двѣсти завѣтныхъ рублей. Человѣкъ далъ карту. Два короля, балаганно ухмыляясь, въ шутовскихъ коронахъ, глянули на Безсонова широкими бородатыми лицами Фальстафовъ. Онъ не справился съ голосомъ и сказалъ хрипло:

— Карту.

— Карты не будетъ, — торжествуя и мрачно отвѣтилъ противникъ. — Восьмерка.

И желѣзная рука проскрипѣла, словно задвигая засовъ за его удачей.

— Банкъ продается! — завопилъ сейчасъ же крупье. — Кто сколько даетъ, месье? . .

— Тридцать . . . Сорокъ . . . шестьдесятъ! — предлагали сидѣвшіе за столомъ.

— Покупаю, — сказалъ вдругъ Безсоновъ совершенно чужимъ и себѣ самому непонятнымъ голосомъ.

Тѣмъ же, но уже замедленнымъ и холодѣющимъ движеніемъ, досталъ онъ послѣдніе двѣсти рублей. Крупье мгновенно устремилъ къ нему деревянный лоточекъ. Тишина выпрямилась и простерлась надъ столомъ. Лица запламенѣли; люди жадно и торопливо пересчитывали бумажки.

— Дайте карточку о ребуръ, — словно изъ глубины вѣковъ сказалъ тотъ же желѣзный, ненавидимый и ужасающій голосъ. Опять заскрипѣла рука. Безсоновъ далъ карты.

— Девять! — спадающей гильотиной сорвался черезъ секунды голосъ.

Безсоновъ поглядѣлъ на человѣка, не увидѣлъ его, лопатка крупье сейчасъ же перекинула къ тому бѣлою птицей двѣсти рублей, и проворная чужая рука отняла равнодушно лоточекъ. Безсоновъ посидѣлъ еще, опустивъ голову, чтобы не подумалъ никто, что это его послѣднія деньги, и минуту спустя поднялся. Онъ вышелъ въ вестибюль и остановился у лѣстницы. Снизу, изъ зеркала, глядѣлъ на него человѣкъ въ новомъ ненужномъ костюмѣ, нестерпимо и жалостно на него похожій. Братъ или другъ. Они шагнули другъ другу навстрѣчу и улыбнулись вдругъ такою улыбкой горечи, что сердце его захолонуло отъ сокрушенія и жалости къ себѣ и къ этому человѣку. И сейчасъ же розовый провинціалъ нагналъ его на ступенькахъ, засунувъ руки въ карманчики бежевого пиджачка и обогнавъ немного, заглянулъ въ лицо и сказалъ съ дѣтскимъ ужасомъ:

— Все проигралъ . . . Совершенно ужасно. Мы съ вами коллеги, какъ вижу . . . извиняюсь.

XXXI

По новому, съ новымъ чувствомъ, точно прозрѣвъ, проснулся онъ послѣ мучительной ночи . . . Можетъ быть, черезъ мѣсяцъ пришлетъ Ягодкинъ еще двадцать рублей, а сейчасъ можно продать свой новый костюмъ, опять начать бѣгать въ столовку, снова повести знакомую прежнюю жизнь, — но вотъ тутъ-то непоправимое: то, отъ чего за мѣсяцы эти такъ онъ отсталъ, ему не догнать. Весной исключатъ его за малоуспѣшность. Много желающихъ найдется на его мѣсто. Вотъ когда тупичекъ, запаянный кругъ. Онъ ничего не сумѣлъ: ни учиться, ни стать настоящимъ поэтомъ, ни даже сберечь такъ случайно доставшіяся огромныя деньги. Въ мечтахъ онъ прошелъ свою юность. О замѣчательныхъ странахъ ему говорили Макаръ Макарычъ и даже Катька гулящая, а вмѣсто странъ и мечты о трудѣ—дымная зала казино, въ которой бездѣльники, растратчики и неудачники пробовали найти свое счастье. Въ туманъ, въ небытіе, точно снилась, ушла Таня, чудесной надеждой засѣяв-

шая его душу, и вмѣсто Тани безстыдно и увѣренно явилась Вѣра Никольская... Такъ правъ же Свербѣевъ тысячу разъ въ своемъ великолѣпномъ практическомъ цинизмѣ, что сейчасъ не время мечтателямъ!.. А если нельзя мечтать и если не можетъ онъ дѣлать жизнь, какъ умѣютъ это другіе, не лучше ли уйти — просто, необычайно просто, какъ сдѣлала это Таня Агурова. И мысль о самоубійствѣ показалась ему необыкновенно желанной и разрѣшительной.

Въ эти дни своихъ горчайшихъ раздумій, когда онъ рѣшалъ для себя свою жизнь, по особому, по новому писались стихи.. Почти не выходилъ никуда онъ всѣ эти дни; такъ же по студенчески со всѣми бѣгалъ въ столовку, слушалъ уже во многомъ непонятныя лекціи, стараясь вернуть себя на дорогу; но тутъ же онъ понималъ, что жить этимъ больше не можетъ. Уединяясь, пользуясь уходомъ товарищей, помногу писалъ онъ стихи. Ему казалось, что нынѣ звучатъ они голосами всѣхъ пережитыхъ имъ чувствъ. Ярыми днями, полными жидкаго февральскаго воска, близились кануны весны. Мятый сѣрый снѣгъ мѣсился подъ санями, и въ переулкахъ слышны уже были крики пѣтуховъ. Скоро забушуетъ февраль талыми сырыми метелицами, которыя поутру капелью и сырью растопитъ рыжее солнце, хорошо обвивая землю золотою куделью. Въ ту пору всегда безмѣрно, дико хочется жить, слушать пѣтушиные весенніе крики и мечтать о странахъ, въ которыхъ никогда, вѣроятно, не придется быть.

Съ тетрадкой своихъ стиховъ, полный новыхъ надеждъ, въ одно изъ праздничныхъ утръ Безсоновъ отправился къ Донцеву.

— Лодій Петровичъ, — сказалъ Безсоновъ и дрогнулъ даже отъ страстнаго этого чувства, — помогите мнѣ стать поэтомъ! Сейчасъ такъ завлась моя жизнь, что, можетъ быть, только это единственно можетъ ее повернуть и направить.

Съ надеждой и жаждой смотрѣлъ онъ теперь на человѣка, который могъ повернуть стрѣлку его пути. Если бы все это такъ разрѣшилось, онъ бы зналъ, къ чему теперь прикрѣпить себя въ жизни и какъ снова найти въ ней мечту и свое оправданіе.

— Что-жъ, это можно, — съ раздумчивой неопредѣленностью отвѣтилъ Донцевъ, — мало ли я помогъ . . .

И Безсоновъ вспомнилъ всѣхъ этихъ деревенскихъ парнишекъ, въ потномъ восторгѣ читавшихъ стихи, оторвавшихся отъ работы, ночевавшихъ на скамейкахъ бульваровъ, быстро линяя въ сельскомъ своемъ задорѣ и заползая хмѣлѣть и грустить надъ судьбою поэта въ дымныя и полныя солодовой изжоги пивныя.

— Нѣтъ, я по-настоящему хочу стать поэтомъ, или совсѣмъ стать, или никакъ не стать!.. Сочиняютъ стихи, навѣрное, нѣсколько тысячъ, а печатаются меньше ста человѣкъ, и вотъ съ тѣми, съ тысячами, я не хочу быть, Лодій Петровичъ.

— Ну, что-жъ, конечно, — отвѣтилъ тотъ очень скучно, — былъ бы талантъ, а остальное приложится...

Въ душевномъ мракѣ спустился Безсоновъ по лѣстницѣ его дома. Такъ вотъ пристань — сдѣлаться этимъ тысяча первымъ питомцемъ, бродить изъ одной въ другую редакціи со свертками возвращенныхъ стиховъ, непризнаннымъ геніемъ ночевать на бульварахъ, а жизнь все такъ же великолѣпно нестись будетъ мимо, сметая въ ненужный мусоръ непризнанныхъ неудачниковъ. Нѣтъ, въ такомъ случаѣ кончитъ онъ и съ Донцевымъ, какъ рѣшилъ онъ для себя — кончить со Свербѣевымъ, уединится отъ всѣхъ, соберетъ себя заново въ уединеніи и по новому начнетъ складывать кирпичи своей жизни...

Въ бурьянѣ этихъ колючихъ надеждъ и новыхъ въ себѣ голосовъ вернулся онъ въ общежитіе. Онъ искалъ тишины, уединенья, обращенья въ себя, внутрь, въ то захоженное за эти мѣсяцы вмѣстилище своей души, гдѣ могли еще по молодому, по-яркому зацвѣсти былыя надежды. Но именно въ это время, въ эти часы его уединенія, въ эту тишину, которую старался возстановить онъ въ себѣ, — съ неистовой силой, съ искаженнымъ лицомъ, уже утративъ былую вкрадчивость и пронзая остріемъ угреватаго носа, какъ пикой, ворвался Свербѣевъ. Видъ его былъ необычно смятенъ, и въ одну лишь минуту онъ смялъ

и его, опрокинувъ и чудовищно и безжалостно растоптавъ его новые замыслы.

XXXII

— Ты чего тутъ нюни распустилъ? — завопилъ онъ, кропя его слюной сквозь передніе рѣдкіе зубы. — Самъ заварилъ дѣло, а потомъ по монастырски, въ келейку, моя хата съ краю . . . Нѣтъ, братъ, здѣсь такое развертывается, что если мы себя не оправдаемъ, то тутъ намъ и крыша . . . заупокойную службу у своихъ угодничковъ заказывай. Идемъ отсюда, здѣсь разговоръ не на мѣстѣ . . . Я тебѣ все разскажу, какъ выйдемъ.

Никогда не былъ въ такомъ волненьи Свербѣевъ, и хотя говорилъ онъ рѣзко и какъ бы игралъ своей этой рѣзкостью, видно было, что находится онъ въ полномъ смятеніи. Пять минутъ спустя вышли они изъ общежитія, пошли поспѣшно по улицѣ и вскорѣ пришли въ ту пустынную въ дневной этотъ часъ пивную, гдѣ впервые многое разсказалъ Свербѣевъ о Танѣ. Они сѣли поодаль у окна, услужающій принесъ двѣ толстыхъ пузатыхъ кружки съ пивомъ, и, не вытерши еще пѣны съ губъ послѣ перваго жаднаго глотка, Свербѣевъ придвинулъ узкое, какъ лезвіе, свое лицо и сталъ говорить:

— Я въ твое душевное дѣло не мѣшаюсь, Кириллъ . . . можетъ быть, ты въ монастырь поступишь, или Пушкинымъ станешь, Руслана и Людмилу напишешь, это дѣло твое семейное. Но въ одномъ дѣльцѣ мы съ тобой не въ семьѣ работали, а общественно, такъ сказать . . . ты ничего не знаешь?

— Нѣтъ, ничего, — съ изумленіемъ и страхомъ смотрѣлъ на него Безсоновъ.

— Ну, такъ вотъ, слушай: вчера ночью взяли Наума Робертовича. Взяли и повезли, — не къ цыганамъ, конечно. И теперь пойдетъ онъ топить всѣхъ и каждаго, чтобы крокодилью свою шкуру спасти . . . понялъ? А разъ начнетъ всѣхъ топить, то и насъ съ тобой въ томъ числѣ, и дѣло не только въ томъ, что позоръ и что изъ института насъ выгонятъ, а вѣдь

показательный процессикъ насчетъ оторвавшихся студентовъ непремѣнно устроятъ, это ужъ будь покоенъ. Два года за такое дѣло намъ обезпечены, ну и твоему этому — Лебедкину назиданіе за довѣріе къ проходимцамъ. Это ты понимаешь, Кириллъ? . .

Легко и зыбко опустѣло внутри, словно вѣтеркомъ вентилятора заработалъ въ ледяной пустотѣ, и съ ужасомъ спросилъ Безсоновъ у этого страшнаго вѣстника, ворвавшагося въ его жизнь, чтобы заново и уже окончательно ее опустошить:

— Что же теперь дѣлать, Свербѣевъ? . .

— А вотъ что теперь дѣлать . . . объ этомъ и нужно поговорить. Для этого и позвалъ я тебя сюда, въ пивную. Вотъ что я придумалъ, Кириллъ, твердо и желѣзно придумалъ . . . и ты слушай меня и не перебивай, пожалуйста, — сказалъ Свербѣевъ черезъ минуту, отпилъ горчайшій глотокъ пива и задумался, скосивъ глаза на кончикъ своего узкаго носа. — Намъ нужно сейчасъ же, до той поры, пока еще не потопилъ насъ Наумъ Робертовичъ, покрыть мануфактурную недостачу. То-есть заявить въ кооперативъ, что вышла ошибка въ фактурѣ и слѣдуетъ дополучить вторую партію . . . понялъ? Надо пріобрѣсти немедленно эту вторую партію и доставить въ кооперативъ. Тогда пусть насъ топитъ Наумъ Робертовичъ: мы, сколько получили по распредѣленію, столько и доставили.

— Но откуда же взять эту вторую партію? — ужасаясь, спросилъ Безсоновъ. — Второй разъ къ Лебедкину итти? . .

— Лебедкинъ здѣсь не при чемъ. Вторую партію нужно купить на рынкѣ . . . и нужно сдѣлать это возможно скорѣе, пока еще Наумъ Робертовичъ на допросѣ не весь обнаружится. Нужно купить мануфактуру на рынкѣ, и нужно для этого не меньше полутора тысячъ . . . У тебя есть деньги?

— Нѣтъ . . . — сказалъ Безсоновъ, мучительно стыдясь открыться передъ нимъ, — денегъ у меня нѣтъ.

— Пристроилъ уже? — и Свербѣевъ презрительно дунулъ носомъ, — эхъ, ты, гусаръ . . . Впрочемъ, и у меня денегъ нѣтъ . . . вышли! И у Куре-

нова нѣтъ, это я тоже знаю. Что же получается, Кириллъ? Подъ судъ, на чистую водицу, на скамеечку въ показательномъ процессѣ? Нѣтъ, врешь! Я такъ не сдамся. Я пока всю обойму не очищу, буду сражаться. И вотъ тутъ подошелъ я къ самому главному.

За окномъ пивной, на которомъ по-кардинальски красно ярился ракъ, дѣловито проходили люди; былъ февральскій, желтый, тающій день. И, глядя въ оцѣпенѣніи и тоскѣ на проходившихъ, безпечныхъ, не виноватыхъ въ этомъ страшномъ дѣлѣ людей, Безсоновъ услышалъ главное:

— Подошелъ я къ самому главному, — сказалъ снова Свербѣевъ, — и не можешь ты не понимать, къ чему я веду. Вѣдь недаромъ всю эту зиму путались мы съ Челищевымъ . . . Вотъ, Кириллъ, единственное спасеніе и разрѣшеніе! . .

Не понимая, поглядѣлъ на него, долго, страдальчески сдвинувъ брови, Безсоновъ.

— Ты бровей не сдвигай! . . Я тебѣ не о высокихъ дѣлахъ говорить собираюсь, а можетъ быть, объ очень темныхъ, но сейчасъ такое у насъ положеніе, что выбирать нечего . . . У Челищева деньги есть, это мы съ тобой знаемъ, и немалыя деньги. Челищевъ Таню обезчестилъ и, можетъ быть, первый виновникъ ея гибели . . . тогда послѣ Тани рѣшили съ тобой мы такъ обернуть это дѣло, чтобы огласка ему пригрозить. Теперь я это все заново обдумалъ и вижу, что время для огласки прошло . . . для огласки нужны доказательства, а какія у насъ съ тобой доказательства? Кто докажетъ, что былъ у Тани романчикъ съ Челищевымъ? А если и былъ, кому до этого дѣло . . . тогда по горячему слѣду можно было еще припугнуть его этимъ дѣломъ, тогда онъ, можетъ быть, и пошелъ бы на все, а сейчасъ онъ остылъ, да на прохладцѣ насъ еще за клевету привлечетъ и правъ останется. Нѣтъ, братъ, здѣсь теперь нужно дѣйствовать грубѣе, — можетъ быть, такъ, какъ вовсе я не хочу, но одно только помни, безъ челищевскихъ денегъ намъ съ тобою не вылѣзти, вмѣстѣ будемъ въ показательномъ на одной скамейкѣ сидѣть, да года на два засыплютъ, это ужъ будь увѣренъ.

— Какъ же быть теперь, Свербѣевъ? — спросилъ Безсоновъ тоскующе и поглядѣлъ на него запавшими сразу, больными глазами.

— Вотъ это то и самое главное: какъ быть? Принудить надо Челищева, чтобы далъ денегъ, а не захочетъ . . .

И вдругъ пересохшими губами Безсоновъ спросилъ шепоткомъ:

— А тогда какъ?

— Отнять, — глядя мимо него, не сразу отвѣтилъ Свербѣевъ.

— Отнять? . . То есть какъ же отнять? — въ нарастающемъ ужасѣ вцѣпился руками въ липкій мраморный столикъ Безсоновъ.

Беспечно отвернувшись къ окну, Свербѣевъ преувеличенно жадно затягивался папироской.

— Какъ отнять? — спросилъ онъ спокойно минуту спустя и поглядѣлъ на него бѣлесыми, уже злыми глазами. — А какъ отнимаютъ обыкновенно? Приходятъ къ человѣку и говорятъ: отдай добромъ, а не отдашь, — отнимемъ!

— Это что же, значитъ, грабежъ? — почти беззвучно спросилъ Безсоновъ.

— А тебѣ не все равно, за что тебя будутъ судить: за мошенничество съ мануфактурой или за грабежъ? . . Могутъ по совокупности, конечно. А можетъ выйти и такъ, что испугается Челищевъ скандала и захочетъ покончить миромъ. Разлюбезное дѣло, милости просимъ! Сами не желаемъ лѣзть въ непріятность. Все-таки Таню такъ легко онъ со счетовъ не скинетъ . . .

— Послушай, Свербѣевъ, имя Тани не можетъ участвовать въ этомъ дѣлѣ, — сказалъ Безсоновъ, уже дрожа, — имя Тани ты оставь . . . не ея именемъ наши съ тобой ужасныя дѣла исправлять.

— Дѣла наши не ужасныя, положимъ, а самыя обыкновенныя, только неважныя, конечно . . . а именемъ Тани не для себя хотимъ мы воспользоваться, а чтобы напомнить Челищеву, что не всѣ дѣлишки проходятъ даромъ. Если хочешь знать, обязанность твоя даже въ этомъ! Впрочемъ, не знаю, можетъ быть, и вралъ ты тогда насчетъ своихъ чувствъ къ Танѣ . . .

— Послушай, Свербѣевъ, — сказалъ онъ погодя, стараясь овладѣть собою совсѣмъ,—а если я тебѣ скажу, какъ человѣкъ человѣку, по самому хорошему, что ничего не могу я больше дѣлать, что усталъ я совсѣмъ и запутался... окончательно запутался, братъ. Отпусти меня, я, можетъ быть, себя еще выправлю, направлю на дорогу, а вѣдь такъ я совсѣмъ лечу, до конца, безъ всякаго удержу... Я стихи хочу писать, — можетъ быть, если со стихами не выйдетъ, въ провинцію уѣду, на заводъ поступлю... у меня есть люди, они мнѣ помогутъ. Но только сейчасъ отпусти!..

Онъ говорилъ съ огромной искренностью, умоляюще смотрѣлъ на Свербѣева, въ которомъ было теперь, можетъ быть, окончательное разрѣшеніе его судьбы. Но Свербѣевъ, глядя холодно и брезгливо, съ непонятною злобой и ужаснувшей его открывшейся безнадежностью, отвѣтилъ:

— Ты, вижу я, гладкій, между рукъ проскользнуть хочешь и въ поэзію удариться... а мануфактурныя денежки гдѣ? Ты сначала денежки выложи, а потомъ въ поэзію ударяйся. Тогда, можетъ быть, я тебя и выпущу... а ты угремъ изъ опасности выскользнуть хочешь? Ну, такъ вотъ, я тебѣ свою линію на этотъ счетъ изложу, а понимай какъ знаешь. Я считаю, что нѣтъ подлости большей или меньшей, одна есть только подлость. Ты вѣдь на то, чтобы другу Лебедкину солгать — пошелъ? Нѣтъ, ты отвѣть, пошелъ? Почему же ты передъ Челищевымъ вдругъ задумался? А, можетъ быть, именно благодаря Челищеву, ты своей подлости насчетъ Лебедкина не обнаружишь! Замажешь щель — и преотлично при этомъ. Это я про духовную сторону дѣла, такъ сказать. А про фактическую — ну, тутъ и говорить я не стану. Безъ челищевскихъ денегъ выхода нѣтъ, а черезъ недѣлю другую Наумъ Робертовичъ топить насъ начнетъ, какъ щенятъ. Ты, можетъ быть, желаешь не противиться этому, а я не желаю!..

— Но какъ же такъ... если бы даже насчетъ Челищева мы и рѣшили? — спросилъ Безсоновъ и вдругъ съ такой ужасающей отчетливостью увидѣлъ, что будетъ съ нимъ, когда обнаружится дѣло съ ма-

нуфактурой. Про него, Кирилла Безсонова, узнаетъ Лебедкинъ, что онъ его предалъ и подло обманулъ и солгалъ. Принять весь этотъ позоръ до конца — въ то время какъ сыто и торжествующе будетъ продолжать свою великолѣпную жизнь Челищевъ, готовясь сейчасъ же послѣ весенней экзаменной сессіи укатить за границу. Гдѣ-то на Ваганьковскомъ кладбищѣ, неотомщенная, къ веснѣ уже проросшая первой травою забвенія, останется дѣтская могилка Тани Агуровой, а онъ, Безсоновъ, отказывается въ эту минуту отъ малаго возмездія Челищеву... — Правъ, правъ Свербѣевъ, который говоритъ, что гладенькимъ хочетъ онъ выскользнуть, не запачкавши ручекъ, когда позади такія огромныя подлости — его подлость передъ Лебедкинымъ и подлость Челищева передъ Таней... Преступленіе? — а развѣ не преступленіе все, что онъ дѣлалъ съ собой эту зиму, развѣ не преступленіе такъ оторваться, такъ себя потерять, такъ захмѣлѣть отъ лживыхъ, городскихъ, приснившихся обольщеній?! Загораясь, словно хмѣлѣя отъ всей этой мути, подступившей къ вискамъ, обратилъ онъ къ Свербѣеву глаза, туманящіеся отъ восторженнаго ощущенія всей его неслыханной низости.

— А если бы даже такъ, Свербѣевъ . . . — Онъ допилъ пузатую кружку до конца и слегка задохнулся, — если бы даже такъ, въ самомъ дѣлѣ . . . Почему мы должны принять на себя все осужденье, а Челищевъ безнаказанно укатитъ въ Парижъ?

— О чемъ же я говорю? — почти въ голосъ отвѣтилъ Свербѣевъ. — Не убивать же Челищева зову я тебя, а только какъ можно умнѣе воспользоваться нашимъ правомъ. А знаешь, какъ умнѣе всего, Кириллъ? . . — И Свербѣевъ жадно приблизился ближе, насколько могъ. — Нужно раздобыть планъ квартиры Челищева, — сказалъ онъ совсѣмъ незнакомымъ, присвистывающимъ шепоткомъ. — А послѣ я тебѣ разъясню . . . послѣ все само собой разъяснится. По плану все опредѣлимъ, какъ и съ какого конца начать дѣйствовать. А планъ раздобудешь ты . . . отправишься на квартиру къ Челищеву и будешь просить, чтобъ несданный зачетъ позволилъ тебѣ онъ сдать въ весеннюю сессію. Понялъ, Ки-

риллъ? . . Не преступленіе, а спасеніе самихъ себя, это ты помни. А преступленіе, это когда люди гибнутъ, а не тогда, когда они ищутъ способовъ спастись.

XXXIII

Страшный уходъ изъ жизни Тани Агуровой глубоко потрясъ Челищева въ той внутренней его успокоенности, какую старался онъ въ себѣ углубить послѣ послѣдней ихъ встрѣчи. Какъ это случилось? Какъ могъ онъ, настоящій, глубокій, большой человѣкъ, такъ поверхностно пройти мимо, такъ пропустить растущую трагедію этого существа? Пусть это былъ только душевный изломъ, одна истерія, но вѣдь горькая доля его вины есть во всемъ этомъ. Очень долго, рядъ дней ощущалъ онъ приниженность, раскаяніе, ужасъ. Но какъ каждый здоровый, увѣренный въ себѣ, удачливый человѣкъ — быстро, впрочемъ, выработалъ онъ въ себѣ противоядіе: въ концѣ концовъ, повиненъ не онъ во всѣхъ запутанныхъ сплетеніяхъ женской судьбы; стремился не онъ къ этой дѣвушкѣ, а сама она искала его — и, наконецъ, она сама спокойно приняла тогда, на скамейкѣ бульвара, свое рѣшеніе. А разъ это такъ, могъ ли онъ предвидѣть дальнѣйшее, невозможную и искренне потрясшую его безсмысленностью и распадомъ катастрофу?..

Такъ, выработавъ въ себѣ разумныя и неотразимыя противоядія, увѣривъ себя до конца, что не онъ виновенъ въ этой трагедіи, Челищевъ съ удвоенной силой отдался жизни. Прежде всего, послѣ всѣхъ потрясеній, съ чувствомъ восторга и благодарности ощутилъ онъ незыблемую прочность, твердыню своего дома. Все было на мѣстѣ въ немъ, налажено прочно, обстоятельно и удобно. И надъ всѣмъ этимъ привычно и прекрасно царила женщина, настоящая спутница жизни. Въ зрѣлой и великолѣпной красѣ, прекрасно сознающая роль, какую играетъ мужъ въ обществѣ, съ достоинствомъ и гордостью нося его имя, увѣренно вела она совмѣстный корабль ихъ жизни. И сейчасъ подъ эту защиту прильнулъ онъ

съ горячностью послѣ всѣхъ отреченій. Точно заново послѣ разрыва, радостно и полно ощущали они другъ друга теперь. Пріятно и не скучно было оставаться дома по вечерамъ, работать до одиннадцати вечера въ своемъ кабинетѣ и выходить къ чаю, тепло и благодарно наблюдать, какъ прекрасными и лѣнивыми движеніями жена разливаетъ чай, какъ чуточку грузно, опять таки пріятной и волнующей грузностью, осѣдаетъ она надъ столомъ, какъ улыбается ровной и неторопливой улыбкой, — и далѣе, въ спальнѣ, въ бѣломъ чепцѣ, какъ зрѣлая славянская Фрина, читаетъ въ постели книгу, грызетъ яблоко, а надо всѣмъ розоватый, уютный, благословляющій свѣтъ настольной фарфоровой лампы. Въ эти вечера, словно заново найдя другъ друга на землѣ, подолгу строили они планы, говоря о Европѣ, чуть туманясь зовущими и волнующими обѣщаніями жизни и пепельнымъ обликомъ далекаго Парижа.

Еще съ осени сталъ откладывать Челищевъ деньги на эту поѣздку. Въ банкѣ или у случайныхъ знакомыхъ покупалъ онъ, какъ только случались свободныя деньги, знакомыя длинныя зеленоватыя бумажки. Эти деньги хранилъ онъ сначала въ столѣ, а затѣмъ отдалъ женѣ, и она сохраняла ихъ въ какомъ-то своемъ потаенномъ хранилищѣ. Къ моменту поѣздки хотѣлъ онъ округлить эту сумму до двухъ тысячъ долларовъ. И самое главное, что всѣ эти деньги — были трудовыя, добытыя большимъ трудомъ изобрѣтателя, профессора, лектора . . . Ни одной случайной копейки, за все расплачивался онъ полноцѣнно своимъ опытомъ, практикой, знаніемъ. Страшная гибель Тани отрезвила его, вернула цѣликомъ къ работѣ, и онъ работалъ теперь съ удвоеннымъ усердіемъ и страстью. Трудъ, трудъ, только трудъ, — трудомъ пробился онъ въ жизни, трудомъ созидалъ ее. И больше всего ненавидѣлъ Челищевъ случайныхъ людей, бездѣльниковъ, лѣнтяевъ-студентовъ; къ нимъ онъ былъ безпощаденъ. Въ одинъ изъ дней снова къ нему явился Безсоновъ. Давно уже безотчетно не взлюбилъ Челищевъ этого золотоволосаго, лѣнящагося, какъ съ самаго начала онъ увѣрилъ себя, паренька.

Его раздражалъ этотъ колеблющійся, неувѣренный, самъ не знающій, что ему нужно — студентъ. Трижды тотъ приходилъ къ нему въ его отсутствіе, и онъ узналъ его по описанію прислуги.

— Вы, кажется, обязались сдать зачетъ въ январскую сессію? — спросилъ онъ его очень холодно. — сколько мнѣ помнится, зачета вы не сдавали.

— Я не успѣлъ, — отвѣтилъ Безсоновъ, сразу теряя нить и ощущая лишь прежнее душное смущеніе передъ этимъ человѣкомъ.

— Въ такомъ случаѣ, что вамъ угодно теперь?— спросилъ Челищевъ уже раздражительно.

— Я прошу позволить мнѣ сдать зачетъ въ весеннюю сессію . . .

— А, можетъ быть, осенью? Скажите, пожалуйста, товарищъ Безсоновъ, какія причины мѣшаютъ вамъ заниматься, какъ прочимъ студентамъ?

Безсоновъ молчалъ, почти по мальчишески опустивъ глаза передъ этимъ опустошающимъ его человѣкомъ. Временами онъ видѣлъ легкій размывъ сѣдѣющихъ его волосъ, выбритый упорный подбородокъ и почему-то особенно ненавистный, превосходно повязанный галстукъ въ сѣроватыхъ цвѣтахъ. А Челищевъ говорилъ между тѣмъ, раздражаясь все больше:

— Вы приходите ко мнѣ десятки разъ на домъ, хотя вамъ хорошо извѣстно, что принимаю я въ институтѣ... наконецъ, вы совсѣмъ не хотите работать и сами не знаете, что вамъ угодно. Простите, товарищъ, но мнѣ некогда вести безсмысленные разговоры. Желаете сдать зачетъ весною, — пожалуйста, я не препятствую. Но избавьте меня въ дальнѣйшемъ отъ этихъ ненужныхъ бесѣдъ. И, главное, поймите, что нужно работать, нужно работать!

Съ унизительнымъ чувствомъ ушелъ отсюда Безсоновъ. Онъ вышелъ изъ дома, подавленный всѣмъ этимъ разговоромъ съ Челищевымъ, и вдругъ даже содрогнулся отъ той великолѣпной и все позволяющей ярости, которую этотъ человѣкъ пробудилъ въ немъ вновь. Онъ перешелъ на другую сторону улицы, поглядѣлъ на освѣщенныя, желто затянутыя окна и сжалъ кулаки. Погодите же, профессоръ Челищевъ, если такъ — то все позволено, правъ Свербѣевъ; если

такъ — то онъ, Безсоновъ, найдетъ въ себѣ силы, о которыхъ никогда онъ прежде не зналъ... Съ туманящимися отъ возбужденья глазами, съ ненавистью и ярой жаждой отмщенья, онъ шелъ и шелъ.

XXXIV

Въ квартирѣ Челищева было пять комнатъ; нѣкогда жилъ широко онъ въ нихъ, — теперь двѣ крайнихъ, ближе къ кухнѣ, занимали старушка, тетка жены, и ученица консерваторіи, дочь одной изъ пріятельницъ: такъ уплотнились Челищевы сами, чтобы не пустить постороннихъ. За три четыре раза, что приходилъ онъ сюда, Безсоновъ точно составилъ планъ квартиры. Во всемъ этомъ маленькомъ домѣ особнякѣ было всего двѣ квартиры: наверху жилъ Челищевъ, а внизу, уплотненный сапожникомъ Феськинымъ, бывшій владѣлецъ дома Урусовъ. При домѣ съ внутренной стороны былъ маленькій садикъ и дворъ съ кирпичнымъ каретнымъ сараемъ, который взяло подъ достройку и передѣлало подъ жилье пріѣхавшее съ юга семейство.

На двери квартиры Челищева висѣла табличка; одинъ звонокъ былъ Челищевымъ, два — Костянской, старушкѣ и три — Безвѣковой, консерваторкѣ. Сейчасъ же изъ передней налѣво была дверь въ знакомый кабинетъ Челищева; подальше — столовая, которую видѣлъ мелкомъ Безсоновъ, проходя коридоромъ изъ кухни, ибо какъ бы случайно пришелъ онъ однажды съ чернаго хода. За столовой шла спаленка, тоже выходившая дверью въ коридоръ, и далѣе по коридору были двѣ комнаты — старушки и консерваторки — и кухня, возлѣ которой жила та вышколенная и непріятная прислуга, враждебно и настороженно пускавшая его въ квартиру. За эти недѣли совмѣстно съ Свербѣевымъ узналъ онъ еще много подробностей челищевской жизни. Напримѣръ, по субботамъ съ вечера на цѣлыя сутки, до воскресенья ночью, отпускалась прислуга, и въ этотъ вечерь обыкновенно Челищевы не уходили. Консерваторка играла въ кинематографѣ на Плющихѣ, отправлялась туда

къ шести вечера, къ первому сеансу, и возвращалась не раньше часу. Старуха же тетка была глуха, богомольна, забиралась къ себѣ съ ранняго вечера, и въ жизни дома роли не играла.

Многое изъ этихъ подробностей узналъ Свербѣевъ у сапожника Феськина, съ которымъ счелъ нужнымъ свести дружбу. Этотъ сапожникъ Феськинъ былъ холостой, мелко курчавый совершенно по-негритянски парень, любитель загулять, большой обожатель женскаго пола, у котораго, кстати сказать, онъ люто не пользовался вниманіемъ. Онъ заводилъ себѣ прекрасные сапоги, отличную гармонію трехрядку, бывалъ очень фасонистъ и щедръ на угощенія, но было что-то отталкивающее въ мелкой его овечьей курчавости, во свей его жилистой нескладной фигурѣ, въ необычайномъ самолюбіи отвергаемаго человѣка, отчего дѣвицы опасались и не любили его. Отвергаемый, начиналъ онъ скандалить, напивался, срамилъ женщинъ и выносилъ хмѣльное свое беспокойство на улицу. Въ домѣ его боялись и не любили, а бывшій владѣлецъ Урусовъ съ момента, когда вселили ему въ квартиру Феськина, считалъ свою жизнь оконченной.

Феськину въ первый разъ принесъ Свербѣевъ для починки штиблеты; принесъ затѣмъ онъ ему набойки къ охотничьимъ сапогамъ, надъ охотничьими сапогами разговорились объ охотѣ и о томъ, кто съ какой прицѣлкой стрѣляетъ изъ ружья. Тутъ, говоря объ оружіи, Феськинъ похвасталъ, что можетъ слету разбить сырое яйцо, а научился стрѣлковому этому дѣлу онъ у зеленыхъ, съ которыми два года пропадалъ на Украинѣ въ лѣсахъ. Тогда разсказалъ ему Свербѣевъ о томъ, какъ ихъ дивизія выбивала изъ лѣсу зеленыхъ, и такое свели они въ этотъ разъ преинтересное знакомство, что рѣшили разговоръ продолжить на волѣ... Такъ уговорились они о новой встрѣчѣ—въ столовкѣ у грузина на Бронной. Удивительно весело и пріятельски провели они этотъ вечеръ ихъ встрѣчи!.. Феськинъ пришелъ въ новомъ романовскомъ полушубкѣ, ядренно и остро пахнувшемъ овчиной, распахнулъ его на груди пушистымъ голубоватымъ мѣхомъ, сѣлъ напротивъ Свербѣева и,

какъ бывалый гость, подмигнулъ хозяину, приглашая къ столу. Хозяинъ, сиренево-бритый грузинъ, въ мерлушковой шапкѣ и съ перепоясанной ремешкомъ дѣвической таліей, достойно подошелъ къ ихъ столу.

— Желаю я угостить друга-пріятеля, — сказалъ Феськинъ, полный избытка удовольствія, что нашелъ, наконецъ, собесѣдника по душѣ.— Знакомься, Серго, этотъ мнѣ въ родѣ земляка человѣчекъ... я съ имъ бился, можетъ быть, — я въ зеленыхъ ходилъ, а онъ въ красныхъ, есть намъ поразсказать что другъ другу. Такъ вотъ, братишка, сочини ты намъ для начала перцовочки что ли и соляночку на сковородкѣ . . .

— Шашлыкъ есть хорошій, молодому барашку, — посовѣтовалъ кавказецъ, домовито предлагая лучшее любезнымъ гостямъ.

— Ну, что-жъ, можно и шашлыку . . . только гляди, чтобы луку нарѣзали намъ колечками, ну, да ты, братишка, самъ лучше понимаешь про это дѣло!

И Феськинъ отъ всѣхъ этихъ приготовленій совсѣмъ пришелъ въ душевное высокое состояніе.

— Ахъ, товарищъ, товарищъ, — сказалъ онъ и покрутилъ головой, — выходитъ намъ теперь съ вами жизнь довоенная . . . вижу я по вашимъ штиблеткамъ, что не стали бы такихъ вы носить, если бы не положеніе, — и я, можетъ, не сталъ бы подметки ставить да дратву сучить, ежели бъ не жалкое мое состояніе. А за что боролись, спрошу васъ, неужели за всю эту рухлядь проливали кровь? . . богатые опять наверху сидятъ, а низкій классъ, какъ былъ, такъ и остался.

— Богатые всегда наверху сидятъ, — отвѣтилъ Свербѣевъ не менѣе горько, — вотъ и вы тоже, Феськинъ, въ нижнемъ этажѣ, а надъ вами профессоръ Челищевъ. И лучше живетъ, чѣмъ вы, смѣю надѣяться!

— Челищевъ? — И Феськинъ высоко поднялъ многозначительную бровь. — Челищевъ такъ живетъ, какъ никто не откажется, первый человѣкъ. Онъ тебѣ на штиблеты не станетъ пятую латку класть, а выкинетъ на помойку. Орелъ человѣкъ! Попробовали было насчетъ квартирки его притѣснить, широко живетъ, молъ, лучше всѣхъ, — такъ онъ до Кремля дошелъ, всюду у него своя рука имѣется.

— Ничего, весною за границу уѣдетъ ... недаромъ деньги копитъ, тысячи четыре уже навалилъ, и все не успокоится, — сказалъ Свербѣевъ какъ бы мелькомъ, но Феськинъ выжидающе и внимательно поглядѣлъ на него.

— А вы откуда же все это про Челищева знаете? — спросилъ онъ не съ слишкомъ большимъ довѣріемъ.

— Не зналъ бы — не говорилъ ... самъ видѣлъ, какъ въ банкѣ онъ деньги мѣнялъ, — отвѣтилъ Свербѣевъ небрежно и сейчасъ же свернулъ съ этого разговора на другое, сталъ разсказывать, какъ выкуривали зеленыхъ подъ Чистополемъ, но мысль, посѣянная имъ вначалѣ, глубоко запала, видимо, подъ узкую черепную крышку Феськина.

Они выпили перцовки, закусили ее селедочкой, хорошо разогрѣлись, и тогда съ азіатскимъ шикомъ поваръ въ грязнѣйшемъ бѣломъ облаченіи и колпакѣ, съ неистовымъ видомъ растлителя, прямо на двухъ лучинахъ принесъ имъ шашлыкъ. Онъ сдвинулъ куски шашлыка на тарелки, обложилъ ихъ цыганскими кольцами лука, и близко, лицомъ къ лицу, повели дальше преинтереснѣйшій разговоръ Свербѣевъ и Феськинъ.

— Боролись мы съ вами въ родѣ какъ на разныхъ фронтахъ, — сказалъ Феськинъ, прожевывая на коренныхъ куски совсѣмъ немолодого барана, — а выходитъ, что сидимъ съ вами за однимъ столомъ и нечего было намъ попервоначалу дѣлить. Вы какъ есть голый человѣкъ, и я голый человѣкъ, а теперь прошло время, когда на бѣдняка надѣялись да заступались, теперь середнячокъ погоду дѣлаетъ, а середнячокъ — знаемъ мы, что середнякъ, что кулакъ—одна шатія. Куда же намъ теперь съ вами податься? Нѣтъ у насъ защитника никого, окромя самихъ себя, не такъ ли я говорю, любезный товарищъ? На Маркса надѣйся, а самъ не плошай.

Говоря, такъ, натиралъ между тѣмъ себѣ глотку перцовкой Феськинъ, какъ теркой.

— Вотъ, кстати сказать, затѣяли мы съ вами разговоръ о Челищевѣ ... позвольте, извиняюсь. Челищевъ тысячи копитъ, сами вы видѣли, а мы между прочимъ на положеніи обиженнаго сословія. Рѣзали, рѣзали буржуевъ, а буржуи на захребетькѣ нашемъ

преотлично катаются, по довоенной нормѣ, такъ сказать. А кто виноватъ? Мы же и виноваты... мы, попустители, и виноваты! Взять бы, къ примѣру, этого Челищева за загривокъ, тряхнуть его такъ, чтобы вся ученость съ него слетѣла... Постой, научный работникъ, ты соль земли, за тобой изъ Кремля на машинѣ пріѣзжаютъ, а я низкій классъ, сапожникъ Феськинъ. У тебя тысячи, а я двадцать шесть часовъ въ сутки работаю, пальцы на дратвѣ стачалъ, это какъ называется? Твое тебѣ, а мое тоже тебѣ? Нѣтъ, постой, гражданинъ научный работникъ! Ты кровь проливалъ, на фронтѣ дрался, контузію имѣешь? А, вы тылу отсиживался, книжками отгородился... ну-ка, пойди, тачай сапоги, а мнѣ твои тысячи подавай... Вѣрно я говорю, дорогой товарищъ студентъ? Тебѣ весело жить, а мнѣ скучно... скучаю я, нѣтъ мнѣ веселья въ жизни, кончилось. Маленько повеселились, надѣялись, а теперь снова въ подвалъ пожалуйте, къ сапожкамъ ихней женѣ, гражданина научнаго работника, каблучки французскіе новые пригонять...

— А что же, — очень значительно посмотрѣвъ на свѣтъ коричневатую рюмку, сказалъ Свербѣевъ.— Профессора потрясти, ничего, кромѣ справедливости, не вытрясешь, это вы правы, Феськинъ. Денежки наши, народныя, мы надъ ними ночи корпимъ, а ихъ за границу увозятъ.

Что-то прошло между ними въ этотъ рѣшительный мигъ, какъ-то по-особому налились на узкомъ лбу Феськина синія жилы, и глянулъ онъ на Свербѣева такъ зорко, точно хотѣлъ прощупать его до самаго дна. Усмѣхнувшись, заправилъ Свербѣевъ кусокъ шашлыка лукомъ и перцемъ и принялся жевать, услаждая предвкушеньемъ желудокъ.

— Одному лицу примѣрку не выдержать, — сказалъ вдругъ очень загадочно Феськинъ. — Я вотъ скучаю, и вы скучаете тоже, и можетъ у насъ съ вами выйти одинъ интересъ, такъ ли я понимаю?

— Совершенно точно, — отвѣтилъ тотчасъ Свербѣевъ не менѣе загадочнымъ оборотомъ, — одну веревочку вить, канатъ для причала совьешь — не замѣтишь.

Очень Свербѣевъ понравился Феськину, даже не позволилъ Феськинъ ему заплатить и обидѣлся, какъ это къ его угощенію такъ онъ относится. Затѣмъ уговорились они, что принесетъ Свербѣевъ для починочки всякую обувь, какая найдется, и грузинъ безкорыстнымъ и радушнымъ жестомъ хозяина и хлѣбосола принялъ отъ Феськина деньги. Прекрасно согрѣла перцовка желудокъ, тяжелѣвшій сытостью отъ шашлыка. И Бронная, веселая улица, на которой живетъ много славнаго народа, кавказцевъ кустарей со скромною вывѣской — „Сандали Вартана лучши", — лихо замигала Бронная навстрѣчу зелеными пьяными лунами фонарей.

— Я прежде, чѣмъ къ вамъ съ моей починкой придти, Феськинъ, навелъ о васъ справки, — сказалъ Свербѣевъ значительно, — и выяснилъ, что подходящій вы человѣкъ.

— Можете положиться! Феськинъ — Могила, такъ меня и на фронтѣ звали, какъ по причинѣ характера моего безжалостнаго, нѣтъ во мнѣ жалости никакой и никогда не было, — такъ и по причинѣ гробового молчанія, ежели когда понадобится...

Не очень долго приглядывался Свербѣевъ къ сапожнику. По многимъ неоспоримымъ даннымъ казался онъ для этого дѣла вполнѣ подходящимъ, да и раздумывать некогда было: пришли уже свѣдѣнія, что Наумъ Робертовичъ на допросахъ началъ топить... — Впослѣдствіи черезъ Феськина, оказавшагося самой живой и настойчивой душой этого дѣла, Свербѣевъ узналъ многія подробности жизни Челищева, часы, когда ложился онъ спать, и дни, когда Урусовъ, въ квартирѣ котораго значился Феськинъ отвѣтственнымъ съемщикомъ, — когда Урусовъ съ женой уѣзжаетъ въ недѣлю разъ на дачу къ замужней дочери, въ Чухлинку. Старики уѣзжали въ гости обыкновенно въ субботу съ утра. Такимъ образомъ, этотъ день — суббота — окончательно опредѣлился.

Незамѣнимымъ пособникомъ въ этомъ дѣлѣ явился Феськинъ. Замѣчательные помыслы зрѣли въ узкой преступной его головѣ, и въ дальнѣйшія встрѣчи съ Свербѣевымъ безоговорочно поняли

другъ друга они. Съ чего же было нужно начать, и что кому и какъ надлежало дѣлать? — этотъ окончательный сговоръ между собой оставилъ Свербѣевъ на самый конецъ, одно только рѣшилъ онъ для себя окончательно: пока еще не всѣхъ потопилъ Наумъ Робертовичъ, — а сначала, конечно, раскрываются его дѣловыя крупныя связи, а не мелкія случайныя сдѣлки, — до этой поры, то есть въ теченіе двухъ ближайшихъ недѣль, со всѣмъ этимъ дѣломъ должно быть покончено. За эту недѣлю Свербѣевъ похудѣлъ и словно подсохъ на снѣдающемъ его пламени. Сыростью таянья пахнулъ ранній мартъ, и на Москвѣ-рѣкѣ невесело и сыро начался ледоходъ. Въ эти тревожные послѣдніе дни забрелъ сюда, къ храму Спасителя, Кириллъ Безсоновъ. Страшное безпокойство и раскаянье, что запутанъ онъ цѣликомъ въ этомъ непонятномъ и опасномъ дѣлѣ, — смѣнили уже недавнія его чувства къ Челищеву. Не ему, Безсонову, его судить, и именно при мысли объ этомъ человѣкѣ чувствовалъ онъ, какъ страшно опустѣла, обезкровилась и оторвалась отъ материка его жизнь. Безпорядочной льдиной плыла она въ этихъ вѣшнихъ водахъ, какъ плыли сейчасъ по Москвѣ-рѣкѣ льдины, сталкиваясь у быковъ Каменнаго моста, сѣрѣя, и тая, безнадежно уносясь въ сизѣющія водныя дали. Сѣрое небо низко обвисало надъ разческой кремлевской стѣны, цѣпляясь о ея зубья отдѣльными бѣлесыми прядьми, за которыми блѣдно, какъ старческій глазъ, и мимолетомъ синѣло еще холодное, не налившееся полуденной синевою, небо. Угрюмо и широко лежало Замоскворѣчье въ этомъ предвесеннемъ туманѣ. Безсоновъ сошелъ по широкимъ гранитнымъ ступенямъ и подошелъ къ чугунной рѣшеткѣ набережной. Большимъ кораблемъ плыла эта набережная, если долго смотрѣть на воду внизъ. Полные вѣтры, еще недавно обѣщавшіе предчувствіе весны, сейчасъ хододно дули въ лицо пронзительной сыростью. Глядя на льдины, Безсоновъ вспомнилъ дальнюю пору мальчишества, когда такъ же слѣдилъ онъ за ледоходомъ однажды, а въ этотъ часъ наверху, въ простуженномъ домѣ, мачеха измѣняла съ кожевенникомъ отцу... Въ какихъ неисхоженныхъ просторахъ лежала тогда впереди

мальчишеская жизнь, и какъ скоро онъ все забылъ, всему измѣнилъ и прошелъ всѣ пути, чтобы выйти на зловѣщую, не обѣщающую добра дорогу!..

Съ глазами, полными слезъ отъ вѣтра или отъ этой тоски, долго смотрѣлъ онъ вслѣдъ льдинамъ. Бѣлыми лебедями и снѣжными островами съ кустами и стволами деревьевъ онѣ проплывали мимо, въ нечеловѣческія и счастливыя дали.

XXXV

Съ марта началась въ институтѣ подготовка къ весеннимъ экзаменамъ. Десятки натруженныхъ лбовъ, русыхъ, свѣтлыхъ и черныхъ головъ склонялись надъ книгами, надъ чертежными столами, надъ тетрадями съ записью лекцій. Здѣсь, въ этихъ залахъ, полныхъ студенческой лютой зубрежки, шороха листуемыхъ книгъ, курсовъ лекцій, дочитываемыхъ къ веснѣ, — особенно оторваннымъ, особенно одинокимъ и обреченнымъ ощущалъ Безсоновъ себя. Деканатъ уже обсуждалъ вопросъ объ его исключеніи за малоуспѣшность, и теперь, повидимому, все въ отношеніи его возлагалось на весенніе переходные экзамены, на которыхъ должна окончательно рѣшиться его судьба.

Но эту свою судьбу Безсоновъ зналъ уже до конца. Весной его исключатъ, потому что — если бы даже и захотѣлъ онъ нагнать — все равно, слишкомъ много онъ пропустилъ, слишкомъ оторвался. Но все же непонятная сила — можетъ быть, сила прощанья влекла его въ эту тѣсную чащу товарищей... Запахи книгъ и труда, о которыхъ всегда онъ мечталъ, съ неудержимою силой вдыхалъ онъ въ эти дни разставаній. Были здѣсь крѣпкоскулые, горячей энергіи люди, недавно еще воевавшіе на фронтахъ, недавно работавшіе на заводахъ простыми рабочими, съ огромной серьезностью и вдохновеніемъ принявшіеся за новый увлекательный трудъ познаванья. Въ раннихъ поперечныхъ складкахъ ихъ лбовъ лежала воля преодолѣнія жизни, столь знакомая недавно ему самому. Теперь былъ среди нихъ онъ отступни-

комъ. Теперь за него кто-то третій своей роковою волей рѣшалъ его судьбу. Какъ же все-таки жить въ этой пустынѣ, съ этой утерянною мечтой? Невозвратимые дни, какъ невозвратима единственная, горькая встрѣча съ Таней Агуровой. Но какъ ему жить — за него рѣшалъ теперь это увѣренно и неумолимо Свербѣевъ; нить его судьбы велъ онъ. Съ растущимъ вдохновеніемъ онъ распалялъ въ немъ два чувства: первое — необузданная, крѣпнущая по мѣрѣ того, какъ ощущалъ онъ свой распадъ, ненависть къ Челищеву; и другое — осознаніе тупичка, изъ котораго есть одинъ только выходъ—къ широкой, беспечной жизни. Но для этого нужны деньги, для этого нужно располагать собою, какъ хочешь, а планъ Свербѣева какъ разъ предусматривалъ это, и вотъ именно тутъ съ безнадежностью замыкался безвыходный кругъ.

Впрочемъ, дальше все пошло уже безъ его участія, никто не спрашивалъ его ни о чемъ, а за него рѣшали и располагали имъ, какъ хотѣли. Свербѣевъ, наконецъ, установилъ день, на который намѣтили они ограбленіе Челищева. До сихъ поръ говорили объ этомъ намеками, обходомъ, убѣждая самихъ себя въ несложности и крайней простотѣ этого предпріятія, какъ будто Челищевъ ничего не предприметъ, не станетъ противиться, а покорно и молча предастся имъ. Но за послѣдніе дни все это получило уже короткое наименованіе—„дѣло“, хотя каждый зналъ, что „дѣло“ означаетъ, въ сущности — „ограбленіе“. За февральскими метельными снѣгопадами, за сырымъ таяніемъ марта, за леденящимъ пронзительнымъ половодьемъ, — сразу, дружно, точно на коняхъ, хлынула весна. Ломовые обозы вывозили за городъ маслянистыя глыбы коричневатаго снѣга. У Арбатскихъ воротъ, у Страстнаго продавали мальчишки пыльныя іодныя мимозы и первые подснѣжники, бѣлѣвшія голубиною чистотой. Легчайше и лиловато теплѣлъ Страстной монастырь, сіяя стайкой золотыхъ куполовъ, а за городомъ, за Петровскимъ паркомъ, просторно и зеленовато — подолгу угасала заря растущихъ въ весеннемъ свѣченіи дней.

За два дня наканунѣ, то-есть въ четвергъ 11 марта, — „дѣло“ было назначено на 13-е,—Безсоновъ, Свербѣевъ и Куреповъ встрѣтились въ совершенно нейтральномъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ никто ихъ не могъ бы увидѣть, — именно въ вокзальномъ буфетѣ Бѣлорусско-Балтійской дороги. Много народу сидѣло здѣсь въ этотъ часъ, всѣ были заняты своими дѣлами — билетами, номерами носильщиковъ, провожающими, и никому, конечно, не было и не могло быть дѣла до трехъ совсѣмъ неизвѣстныхъ мужчинъ, помѣстившихся за отдѣльнымъ столомъ — тоже, вѣроятно, встрѣчавшихъ или провожавшихъ кого-нибудь. Попивая пиво и поглядывая по сторонамъ, нѣтъ ли чьихъ либо слишкомъ внимательныхъ и любопытныхъ ушей, Свербѣевъ изложилъ весь планъ предстоящаго дѣла. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, которыя передалъ Феськинъ ему поутру, супруги Урусовы уѣзжаютъ въ субботу на дачу; прислуга Челищевыхъ, въ общемъ глупая и надменная баба, хвастала, что въ субботу пойдетъ танцевать фокстротъ и разные модные танцы на вечеринку при клубѣ пищевиковъ, а всѣмъ извѣстно, что служитъ ея любовникъ въ пекарнѣ. Самое же главное, что въ этомъ клубѣ будетъ играть тапёромъ самая та консерваторка, которая занимаетъ комнату, смежную съ кухней, а это значитъ, что дома ее тоже не будетъ до самой глубокой ночи. Кромѣ всѣхъ этихъ важныхъ свѣдѣній, сообщилъ Феськинъ еще, что супруга Челищева третій день болѣетъ, потому что нѣсколько разъ бѣгали для нея въ аптеку. Всѣ эти свѣдѣнія нужно было точно учесть и принять во вниманіе. Планъ же Свербѣева былъ таковъ: въ субботу, во второмъ часу ночи, они подойдутъ втроемъ къ дому Челищева. Окно сапожника Феськина выходитъ во дворъ и хорошо видно съ улицы. Если у Феськина будетъ красный огонекъ лампадки, значитъ — все благополучно и положеніе не измѣнилось; если лампадка не будетъ горѣть, значитъ, — надо пройти мимо дома до угла переулка и тамъ, возлѣ забора съ афишами, дожидаться Феськина. Въ случаѣ же, если все будетъ благополучно, поступятъ они такъ: Свербѣевъ съ Безсоновымъ пройдутъ съ чернаго хода, откроютъ ключемъ, который передалъ Феськинъ,

кухонную дверь, и перекусятъ кусачками цѣпочку. Внизу, у дверей, на случай тревоги останется Феськинъ, а Куреповъ будетъ вести наблюденіе за парадным ходомъ и сейчасъ же дастъ Феськину знать, если что покажется подозрительнымъ.

За время своихъ посѣщеній Безсоновъ отлично узналъ расположеніе комнатъ. Отъ кухни крайняя комната—комната консерваторки, которой не будетъ дома; слѣдующая — комната тетки, глухой старухи; далѣе спальня, гдѣ спитъ Челищева, а деньги хранятся у нея въ секретарѣ, въ красномъ старинномъ шкафчикѣ. Эти безспорныя свѣдѣнія передалъ тоже Феськинъ, который очень тонко и хитро развѣдалъ все это обходными и не возбуждающими подозрѣній путями у той же чванливой, а въ общемъ глупѣйшей бабы — прислуги Челищевыхъ. Вотъ тутъ начиналось самое опасное и требующее холодной и желѣзной выдержки. Какъ сдѣлать такъ, чтобы не проснулась Челищева? Челищевъ спитъ въ своемъ кабинетѣ на диванѣ, между его кабинетомъ и спальней—столовая съ глухими портьерами на дверяхъ, и онъ не услышитъ. Спитъ же онъ или нѣтъ, будетъ видно съ улицы по свѣту въ его окнѣ. Весь вопросъ въ томъ, чтобы не проснулась Челищева, — тогда можно все сдѣлать въ два счета, открыть шкафчикъ ключемъ, который всегда лежитъ въ ея сумочкѣ возлѣ постели, взять деньги, — и такъ же неслышно, загадочно и неуловимо уйти, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда... Добѣжать по переулку до перваго ночного извозчика, нанять его куда-нибудь къ Каменному мосту, тамъ пересѣсть на другого, и пусть въ огромномъ этомъ многоуличномъ городѣ ищутъ слѣды!.. Для того же, чтобы не проснулась Челищева, раздобылъ Свербѣевъ изъ надежнаго источника склянку эфира, которымъ спящую легко оглушить.

Все по этому плану казалось обдуманнымъ до конца. Обдумано было Свербѣевымъ также и то, какъ заранѣе отвести тѣнь какихъ бы то ни было подозрѣній. Для этого онъ, Свербѣевъ, напримѣръ, явится въ субботу къ себѣ домой около часу ночи и, подъ предлогомъ, что забылъ дома ключъ, позвонитъ, извинится передъ сосѣдями, которые такимъ образомъ

увидятъ, что вернулся онъ въ первомъ часу, — самъ же онъ въ половинѣ второго выберется незамѣтно изъ дома и отправится для встрѣчи со всѣми на скамейкѣ Пречистенскаго бульвара, противъ Сивцева Вражка. Куреповъ вообще, будто бы для поисковъ квартиры на лѣто, выѣдетъ въ субботу съ утра — дня на два въ Подольскъ и вернется съ ночнымъ одиннадцатичасовымъ поѣздомъ, предварительно показавшись въ Подольскѣ всѣмъ, кто могъ бы впослѣдствіи подтвердить фактъ его пребыванія въ этомъ городѣ. Безсонову же, съ которымъ труднѣе всего обстояло дѣло, такъ какъ онъ жилъ въ общежитіи, надлежало въ этотъ вечеръ звать съ собою товарищей по комнатѣ въ кинематографъ, а оттуда на чердакъ гдѣ устраивали въ эту ночь вечеринку кино-студійцы. Никто изъ товарищей передъ экзаменами, вѣроятно, съ нимъ не пойдетъ, а онъ уйдетъ, дѣйствительно, скажемъ, въ кино „Колоссъ". Оттуда, купивъ по дорогѣ вина, онъ отправится на вечеринку, постарается быть очень на виду, а къ часу ночи, когда всѣ перепьются и растеряютъ другъ друга, выберется незамѣтно оттуда и вернется къ той же скамьѣ на бульварѣ. Такъ въ этотъ вечеръ, на случай, если бы это понадобилось, будетъ доказано, что были они всѣ трое въ разныхъ мѣстахъ, а одинъ — даже въ другомъ городѣ.

XXXVI

Пустыненъ былъ въ этотъ часъ туманный глухой бульваръ. Деревья, еще чернѣя стволами, уже невидимо исчезали въ немъ своими безлистыми кронами.

— Это ты, Кириллъ? — спросилъ Свербѣевъ настороженнымъ и незнаемымъ голосомъ. — Садись сюда, рядомъ. Куреповъ сейчасъ подойдетъ.

Безсоновъ сѣлъ рядомъ съ нимъ на скамейку.

— Это хорошо, что ты раньше пришелъ. Надо обсудить еще кое-что... прежде всего, вотъ это. Возьми и спрячь. Обращаться умѣешь, надѣюсь?

И Свербѣевъ досталъ изъ кармана пальто и подалъ ему какой-то черный предметъ.

— Что это? — спросилъ, вздрогнувъ, Безсоновъ.

— А ты какъ думаешь, что?

И Безсоновъ вдругъ ощутилъ въ рукѣ холодную сталь револьвера.

— Ты съ браунингомъ обращаться умѣешь? — спросилъ снова Свербѣевъ.

Минуту, зыбко охваченный дрожью, Безсоновъ молчалъ.

— Скажи мнѣ по совѣсти, Федоръ, — сказалъ онъ, наконецъ, овладѣвъ собою, — зачѣмъ ты мнѣ это далъ? Развѣ ты думаешь...

— Ничего я не думаю... Безъ ружья на медвѣдя не лѣзутъ, вотъ что я думаю. Случайностей здѣсь, братъ, не оберешься... такъ это я — для самозащиты, или, можетъ быть, припрутъ насъ съ тобой такъ, что это только намъ и останется... Понялъ?

И внезапно съ огромной надеждой и благодарностью ощутилъ въ своей рукѣ Безсоновъ это послѣднее, все рѣшающее избавленіе, о которомъ столько онъ думалъ. Съ этимъ ничего не страшно, потому что это можетъ быть разрѣшеніемъ всего и избавленіемъ отъ всего, если понадобится. Онъ положилъ револьверъ въ карманъ и молчалъ, въ дыму и пламени своихъ мыслей.

— Сейчасъ будемъ двигаться, — сказалъ Свербѣевъ безпокойно, и тотчасъ же въ туманѣ возникла фигура торопливаго человѣка. Таинственно, какъ заговорщики, собрались они здѣсь, на скамейкѣ бульвара, въ глухой этотъ часъ. Съ Москвы-рѣки временами широко дулъ вѣтеръ, и мартовская ледяная луна, прорвалась изъ тучъ, скорбно выглядывала изъ тумана и мглы золотой бокъ купола Храма Спасителя.

— Все въ порядкѣ? — спросилъ Куреповъ, запыхавшись. — Двинемся, что ли?

Опять наспѣхъ, передъ тѣмъ какъ отсюда уйти, они повторили порядокъ ихъ дѣйствій. И десять минутъ спустя глухой Сивцевъ Вражекъ, какъ туманная Темза, подхватилъ ихъ въ свое русло. Они шли молча и торопливо мимо низенькихъ спящихъ домовъ. Дорогой въ чистилище показался Безсонову этотъ путь. Наконецъ, свернули они въ переулокъ и вскорѣ подошли къ знакомому дому, вселявшему ужасъ осуж-

денья въ Безсонова. Окна были темны, въ кабинетѣ Челищева свѣта не было. Они раздѣлились: Куреповъ остался возлѣ темнаго парадnаго, Свербѣевъ же и Безсоновъ быстро зашли во дворъ; низкая дверь съ привѣшеннымъ камнемъ съ визгомъ открылась, и здѣсь въ угольной темнотѣ сидѣлъ на нижней ступенькѣ и ждалъ ихъ Феськинъ. На секунду чиркнула оранжевой полосой спичка, освѣтила лицо, зловѣще блеснувшее мертвенной бѣлизною бѣлковъ, и погасла.

— Новостей никакихъ? — быстрымъ и жаркимъ шопотомъ спросилъ у него Свербѣевъ.

— Спать легли въ первомъ часу... должно уже угомозились, — отвѣтилъ Феськинъ.

Снова повторили они другъ другу все, что предпринять на случай тревоги. Парадное стерегъ Куреповъ; они медленно, за ступенькой ступеньку, поднялись по лѣстницѣ и стали слушать у двери. Все было тихо. Тысячезвонно, пудами этого звона, звенѣла тишина. Она вливалась въ уши, мѣшая слушать, заполняла, заливала собой, какъ растопленная смола. Такъ билось сердце — никогда не зналъ Безсоновъ, что можетъ такъ трепетать, живою пойманною птицей, этотъ страшный и горячій комокъ человѣческаго естества. Феськинъ нащупалъ скважину замка и повернулъ плоскій, давно подобранный ключикъ; изъ щели открывшейся двери, сдерживаемой только цѣпочкой, пахнуло кухоннымъ тепломъ; торопливо стучали часики, повидимому, на стѣнѣ. Феськинъ просунулъ руку съ кусачками, — коротkій звукъ перекусываемаго звена всколыхнулъ тишину. Замеревъ, не дыша, они ждали. Ничто не отозвалось изнутри, попрежнему дѣловито стучали часики на стѣнѣ, точно стараясь самихъ себя обогнать. Тогда Свербѣевъ потянулъ дверь къ себѣ, и слѣдомъ за нимъ вошелъ Безсоновъ въ жаркую кухню. Феськинъ остался на лѣстницѣ сторожить.

— Ступай впередъ, — сказалъ Свербѣевъ въ самое ухо, и мѣдный свѣтъ ручного фонарика метнулся по полу и указалъ ему дверь. Сейчасъ же потухъ этотъ свѣтъ. Безсоновъ двинулся къ двери и взялся за ручку. Все было тихо въ этомъ бездонномъ коридорѣ; въ уборной успокоительно журчала

вода. Вновь мѣдный отблескъ плеснулся на полу и освѣтилъ коридоръ. Шагъ за шагомъ подвигались они по нему теперь; справа осталась комната консерваторки, потомъ — глухой тетки. Консерваторка вернется не раньше трехъ, тетка спитъ, прикрывъ вдобавокъ свою глухоту краемъ одѣяла . . . Такъ подошли они, наконецъ, къ спальнѣ Челищевой. Вотъ здѣсь ожидало послѣднее испытаніе. Если только не проснется она въ это мгновеніе, въ слѣдующій уже мигъ оглушитъ ее ватная маска, которую смачивалъ Свербѣевъ теперь у дверей эфиромъ. Тогда, въ тишинѣ, въ пять минутъ они все покончатъ, добудутъ деньги и уйдутъ неслышно и незамѣтно, не оставивъ слѣда . . . Только короткія эти и роковыя пять или десять минутъ.

Дверь въ спальню была завѣшена еще и портьерой. Коверъ отъ самыхъ дверей мягко впитывалъ ихъ шаги. На одинъ только мигъ свѣтъ фонарика ополоснулъ эту комнату и потухъ. Въ комнатѣ пахло духами, лекарствомъ и тепломъ спящей женщины. Смутной розоватой горой на мигъ прояснилась женщина въ глубинѣ. Чередуя тьму съ короткими вспышками свѣта, Свербѣевъ двинулся къ ней. Секунду спустя теплое мѣрное дыханіе коснулось его руки. Быстро поднесъ онъ пропитанную вату къ лицу женщины. Ни однимъ звукомъ или движеніемъ не отозвалась она. Въ колокольный звонъ перешло для Безсонова звучаніе тишины въ эти минуты. Стоя посреди комнаты, не смѣя двинуться, не существуя, онъ ждалъ . . . Что дѣлалъ тамъ, въ темнотѣ, Свербѣевъ? . . Отъ корней волосъ побѣжали плоскія струйки пота. Вдругъ побѣдоносно и холодно, наполнивъ его смертнымъ ужасомъ, дрогнулъ и свѣтящимся кругомъ проплылъ по потолку свѣтъ. Подойдя, жарко сказалъ Свербѣевъ въ самое ухо:

— Готово . . . Гдѣ секретеръ?

„Что готово? . . Неужели онъ убилъ эту женщину?“ Заливаясь потомъ, сковывавшимъ холоднымъ обручемъ его лобъ, Безсоновъ двинулся за Свербѣевымъ слѣдомъ, боясь уже отстать отъ него, отдавая себя всецѣло этому человѣку . . . Нѣтъ, женщина слабо стонала, задыхаясь отъ видѣній подъ

маской. Такою же неподвижной горой лежала она въ огромной постели краснаго дерева. Фарфоръ, бездѣлушки, лампа подъ шелковымъ желтымъ платкомъ, красный секретеръ — жилище женщины. Ключъ отъ секретера всегда въ сумочкѣ на столикѣ рядомъ съ постелью.

— Держи фонарикъ, — сказалъ Свербѣевъ неистово.

Въ одно мгновеніе вывернулъ онъ бисерную сумочку: пудреница, золотой карандашъ для губъ, платочекъ, ключъ. Почти въ одинъ шагъ былъ онъ у секретера. Тяжелая толстая крышка откинулась беззвучно, повиснувъ на мѣдныхъ дужкахъ. Быстро выдвигалъ ящики Свербѣевъ, перерывая всѣ эти шкатулки, кожаныя коробочки, деревянные футляры изъ-подъ драгоцѣнныхъ вещей, перчатки, кружева, мелочи, — все тщательно уложенное, въ женскомъ порядкѣ . . . Въ боковомъ верхнемъ ящикѣ подъ бумагами, подъ сложенными хрусткими лотерейными билетами, онъ нашелъ завернутую въ шелковый платокъ пачку, — отъ волненья и нетерпѣнья онъ не могъ развязать тугаго узла, ломая объ него ногти. Наконецъ развязалъ онъ этотъ шелковый узелъ — деньги, деньги — зеленыя, искомыя деньги, нѣсколько пачекъ, и подъ ними — червонцы, которые Челищевъ еще не успѣлъ обмѣнять . . . Въ секунды распихалъ по карманамъ это богатство Свербѣевъ, — и, вѣроятно, секунды ихъ отдѣляли отъ завершенія этого дѣла, если бы неожиданно, страшно, невѣроятно, въ послѣдній этотъ мигъ все не сложилось иначе. Можетъ быть, впопыхахъ, сгоряча они чѣмъ либо стукнули, извлекая предметы изъ ящиковъ, или, можетъ быть, какъ разъ въ эти минуты необъяснимая тревога предчувствія разбудила Челищева. Влекомый этимъ страшнымъ и роковымъ зовомъ, онъ подошелъ, вѣроятно, къ дверямъ своего кабинета и прислушался къ тишинѣ. Услыхалъ ли онъ подозрительный звукъ, или можетъ быть лезвіе свѣта блеснуло изъ спальни, или послышался ему стонъ жены, — но именно въ ту минуту, когда считали они все это дѣло покончennымъ, появился онъ позади, въ дверяхъ коридора . . . Въ длинной бѣлой сорочкѣ, со спутанными, уже совер-

шенно сѣдыми волосами, появившись страшнымъ видѣніемъ, испустилъ въ дверяхъ какъ бы ликующій крикъ Челищевъ . . . Въ тотъ же мигъ потухъ карманный фонарикъ Свербѣева. Не помня себя отъ ужаса, въ одно дуновенье схватился Безсоновъ за револьверъ въ карманѣ. Заколебавшись на секунды въ пролетѣ дверей, съ тѣмъ же воплемъ ринулся Челищевъ по коридору назадъ къ своему кабинету, — и вотъ тутъ случилось самое страшное и непоправимое, чего никакъ не могъ объяснить себѣ до конца впослѣдствіи Безсоновъ . . . Вмѣсто того, чтобы ринуться за Свербѣевымъ вслѣдъ по тому же коридору, черезъ какія-то доли минуты скатиться по лѣстницѣ и безслѣдно изчезнуть въ туманѣ, онъ побѣжалъ именно въ ту же сторону, что и Челищевъ. Онъ нагналъ его у самыхъ дверей кабинета и въ какой то невѣроятной, незнаемой доселѣ безчеловѣчной жестокости, потрясшей его восторгомъ уничтоженія, выстрѣлилъ разъ и другой въ этотъ ненавистный затылокъ. Челищевъ сорвался ничкомъ, словне его снесло въ кабинетъ, гдѣ мирно и дѣловито горѣла на столикѣ возлѣ дивана зеленая лампа. Не оборачиваясь, ринулся Безсоновъ назадъ, пробѣжалъ по коридору, спустился по лѣстницѣ и выбѣжалъ во дворъ. Ни Свербѣева, ни Феськина не было.

Съ ликующимъ ужасомъ, ожидая, что здѣсь же у самыхъ воротъ его схватятъ, пошелъ онъ навстрѣчу этому своему обреченію, — но никто не встрѣтилъ его, переулокъ былъ пустъ въ мартовскомъ непроглядномъ туманѣ. Безсоновъ прошелъ по переулку, не понимая, въ какую сторону онъ идетъ, ночная сырь принялась остужать лицо. И дальше шелъ онъ и шелъ незнакомымъ слѣпымъ переулкомъ. Наконецъ, переулокъ кончился, и онъ увидѣлъ бульваръ съ грандіозными въ этомъ космическомъ туманѣ деревьями. Онъ перешелъ мостовую, толкнулъ скрипучій тамбуръ, поднялся по ступенькамъ бульвара и пошелъ по аллейкѣ. На первой же скамейкѣ онъ сѣлъ. И сейчасъ же, съ нимъ рядомъ въ этомъ туманѣ, неизвѣстно откуда, словно свалившись съ небесъ, оказался Свербѣевъ.

— Что ты надѣлалъ? — спросилъ онъ, почти задыхаясь, оплеснувъ его ненавистью и злобой.

— Убилъ Челищева, — отвѣтилъ Безсоновъ просто и горько, и слезы сокрушенья и ужаса потокомъ залили его лицо.

— Дуракъ ... тля ... на мокрое дѣло съ бандитами путайся, а я не въ отвѣтѣ! Самъ натворилъ, самъ и отвѣчай. Болванъ, болванъ ... зачѣмъ только далъ я тебѣ револьверъ!.. — И Свербѣевъ, взявшись за голову, застоналъ. — О, не вяжись съ дураками, не путайся съ кретинами, — скрежеталъ онъ еще минуту, но вскорѣ же собралъ себя и тряхнулъ Безсонова за плечи. — Чего ты разсѣлся ... натворилъ — такъ бѣги. Можетъ, никто и не слышалъ еще!.. За мной сейчасъ же иди, безъ оглядки.

Крѣпко стиснувъ за руку, онъ потащилъ его за собой по бульвару; пять минутъ спустя, прикрытые спасительнымъ этимъ туманомъ, выбрались они на Пречистенку. Здѣсь Свербѣевъ нанялъ ночного извозчика къ Мясницкимъ воротамъ, и въ широкихъ саняхъ повлекло ихъ дальше сквозь ночной спящій городъ, сквозь туманы и маргъ, въ другой конецъ, словно въ небытіе ... Черезъ полчаса у Мясницкихъ воротъ, возлѣ желтой луны часовъ телеграфа, они пересѣли на другого извозчика на Тверскую Ямскую, — и такъ, съ извозчика на извозчика, изъ одного конца въ другой, ѣздили они до разсвѣта, и на разсвѣтѣ привезъ ихъ извозчикъ въ извозчичью чайную. Здѣсь за крайнимъ столомъ заказали они хлѣба и чаю, и съ наслажденіемъ и жадностью пили изъ двухъ огромныхъ расписныхъ чайниковъ чай и ѣли ситный, а кругомъ сидѣли квадратные большіе извозчики въ синихъ кафтанахъ поверхъ полушубковъ, склоняя надъ блюдцами съ чаемъ прямые приборы, — такіе же извозчики, какъ и тогда въ дѣтствѣ, когда бѣгалъ въ столовую маленькій Кирилка Безсоновъ ѣсть на пятнадцать копеекъ свой сиротскій обѣдъ...

Съ горечью и отчаяніемъ смотрѣлъ Безсоновъ теперь на этихъ синихъ извозчиковъ, когда то мирныхъ спутниковъ его дѣтства, мирно они допивали чай, возвращаясь къ труду, въ стылое безконечное утро, — а онъ уже никуда не вернется и возвращаться

ему теперь некуда, потому что съ сегодняшней ночи пустынно и непоправимо оборвалась его жизнь. Онъ посмотрѣлъ сквозь этотъ туманъ на Свербѣева и зарыдалъ, закрывъ руками лицо. Старичекъ извозчикъ, проходя на волю, потыкалъ его ласково въ плечо и сказалъ:—„Э-эхъ, слабый, а зачѣмъ пьешь . . . много она народу слезъ стоитъ, проклятая“, — и пошелъ во дворъ отвязывать торбу шершавой своей и покорной кобыленки.

XXXVII

Какъ бы по слову Свербѣева, непонятно и странно — не только никто не замѣтилъ ихъ, когда вовсе безъ памяти они выбѣгали ночью изъ дома Челищева, — но загадочной и необъяснимою тайной съ другого же дня обросло для всѣхъ это страшное дѣло. Никто ничего не зналъ, необычайно ловко канули всѣ слѣды; оправившись отъ потрясенія, не могла и Челищева указать никого, на кого бы имѣла она подозрѣнія. На другой день съ утра Свербѣевъ и Куреповъ сдѣлали все, чтобы замести хотя бы малѣйшій слѣдъ. Свербѣевъ съ утра пришелъ въ институтъ, былъ на практическихъ занятіяхъ, слушалъ лекціи, бѣгалъ обѣдать въ столовку, стоялъ въ общей очереди за обѣдомъ и вмѣстѣ же со всѣми студентами ужасался чудовищному преступленію, трагическому и безсмысленному убійству Челищева...

Какъ умѣлъ этотъ человѣкъ такъ желѣзно себя собрать, въ то время какъ онъ, Безсоновъ, осозналъ въ это утро свою жизнь не только оконченной, но и пришедшей къ тому предѣлу, когда со страстной надеждой и страстнымъ отчаяніемъ жаждешь возмездія! Послѣ того, что произошло вчера ночью, жить больше нельзя. Никогда онъ ничего не забудетъ, никогда не ослабитъ время памяти этой ночи. Нужно пойти— просто и ясно сказать: „Я — преступникъ“. Лишь послѣ этого для себя самаго онъ получитъ право на дальнѣйшую жизнь.

Какъ это произошло? Какъ, случилось съ нимъ, что, катясь съ одной на другую ступеньку, докатился

онъ до послѣдняго преступленія, до убійства человѣка?.. Преступникъ ли онъ, или только запутавшійся, самъ запутавшій себя больше всѣхъ—отступникъ? Зналъ ли онъ, соглашаясь на это дѣло, отправляясь ночью на квартиру къ Челищеву, что идетъ на убійство? Но если бы онъ шелъ на убійство, онъ прежде всего подумалъ бы объ оружіи, а оружіе далъ ему Свербѣевъ противъ его воли и замысловъ, насильно всучивъ хорошенькую смертоносную эту игрушку . . . Такъ, въ терзаньяхъ онъ прожилъ этотъ новый день своей жизни. Врасплохъ, въ самую немыслимую мѣшанину рѣшеній и мыслей засталъ его подъ вечеръ Свербѣевъ. Въ коридорѣ, послѣ занятій, сказалъ онъ ему какъ бы мелькомъ:

— Выходи наружу и жди меня на углу возлѣ часовъ... разговоръ крайне важный.

И, какъ всегда, ненавидя, сопротивляясь всѣмъ существомъ, Безсоновъ не могъ противорѣчить этому ненавистному голосу. Они встрѣтились у часовъ, и Свербѣевъ увлекъ его на скамеечку, на маленькій маслянисто-подтаявшій скверикъ, пустынный въ этотъ часъ угасанія дня.

— Ты что, вижу я, носъ на сучокъ повѣсилъ, Кириллъ? — сказалъ дѣловито Свербѣевъ. — Дѣло сдѣлано, братъ, и сейчасъ тоской ничего не исправишь . . . Главное, имѣю я свѣдѣнія, что никакихъ слѣдовъ, ничегошеньки, въ чистоту. Только сплавить валюту, чтобы никакихъ уликъ . . . съ этимъ дѣломъ мы съ Куреповымъ справимся! А вотъ тебѣ, Кириллъ, рѣшили мы на выдѣлъ отдать прямо червонцами, червонцевъ ровно на четвертую долю было, кромѣ какъ по двѣсти цѣлковыхъ для Феськина съ каждаго, какъ мы съ нимъ условились... Выходитъ тебѣ получить двѣ тысячи восемьсотъ . . . вотъ здѣсь вся пачка въ газету завернута. Спрячь ее понадежнѣй . . . понялъ? — И Свербѣевъ совсѣмъ налѣзъ на него. — Я для тебя же. Кирюшка, стараюсь . . . ты это долженъ цѣнить! Я тебя за вчерашній поступокъ могъ бы нагишемъ выдать, никто тебя на эту мерзость не уполномачивалъ. . . и ничѣмъ бы ты оклеветать насъ не смогъ безъ свидѣтелей, а мы двое — свидѣтели противъ тебя, что былъ ты золъ за зачетъ на Челищева, не разъ въ

его квартиру захаживая, было еще на душѣ у тебя дѣльце касательно Тани, и вотъ все это если подвести подъ черту, — выходишь Челищеву ты наизлѣйшимъ врагомъ . . . а отсюда и всѣ выводы. Но не такой Свербѣевъ, чтобы товарища въ бѣдѣ бросать . . . нѣтъ, Кириллъ, я тебя не покину! Сейчасъ нужно такъ замести слѣды, чтобы и перышка не осталось. Куреповъ съ утра уже нынче вернулся въ Подольскъ, словно и не выѣзжалъ оттуда. Я на квартиру поутру вернулся, выбралъ время, когда ушла сосѣдка за молокомъ, а самъ ключикомъ въ дверь, прошмыгнулъ и спать завалился . . . а помнитъ сосѣдъ, что забылъ я съ вечера ключъ и самъ онъ пустилъ меня ночевать!.. Остаешься ты, значитъ, — ну, а ты на чердакѣ былъ, есть свидѣтели, и значитъ и ты въ случаѣ чего обѣленъ. Вотъ видишь, какой оборотъ всему на всякій случай обдумалъ Свербѣевъ. Первымъ же дѣломъ долженъ ты меня насчетъ себя успокоить, очень не нравится мнѣ эта твоя хандра! . .

— Послушай, Свербѣевъ, — сказалъ ему глухо Безсоновъ минуту спустя, — я такъ жить не могу... съ этимъ я жить не стану, и лучше всего тоже уйти мнѣ къ чорту, чѣмъ сидѣть на берегу и дожидаться, пока я самъ на своихъ глазахъ пущу пузыри.

— Что же ты дѣлать надумалъ, — Свербѣевъ спросилъ выжидательно.

— Пойти и во всемъ открыться . . . — просто сказать, Свербѣевъ, принять осужденіе, казнь, тюрьму, что хочешь, но съ этимъ жить я не стану.

— Нѣтъ, ужъ лучше пусти себѣ пулю въ лобъ,— съ необыкновенной жестокостью отвѣтилъ Свербѣевъ, — думаешь, тоже начнешь топить, какъ Наумъ Робертовичъ? Такъ ты-то утонешь, мы отъ тебя откажемся, наше-то alibi мы установимъ . . . знаешь ты, что означаетъ alibi? И ступай ко дну и чортъ съ тобой! А мы жить останемся, превосходно, замѣчательно жить! Хочешь — на твою могилку весной маргаритокъ посадимъ? „И умру я весною, похоронютъ меня“, — пропѣлъ Свербѣевъ вполголоса. — Нѣтъ, Кириллъ, я правила жизни усвоилъ! Ни на что не обращай вниманія, не разстраивай себя понапрасну, никто не оцѣнитъ, и никому твои огорченія не нужны, а глав-

ное, на все наплюй, живи въ свое удовольствіе, чтобы знать, что незадаромъ тебя вши грызли, незадаромъ ты подъ разстрѣломъ стоялъ . . . чтобы все было позволено, Кириллъ, рѣшительно все, и чтобы взять въ расходъ человѣка, который на твоей дорожкѣ стоитъ, и дѣло это для себя не преступленіемъ считать, а нормальной борьбой за жизнь! . .

— А что же мнѣ теперь дѣлать, если я такъ жить не смогу? — спросилъ Безсоновъ у него не совсѣмъ искренно, — если съ этимъ на душѣ я больше не человѣкъ . . . Это хорошо, ты сможетъ жить, такъ ужъ ты устроенъ, Свербѣевъ . . . а я пропаду съ этимъ, главное для себя пропаду, и уже пропадаю, — почти съ сіяющимъ ужасомъ сказалъ Безсоновъ.

— А если пропадешь, — тогда тебѣ пятачокъ цѣна въ базарный день — и не жалко, пропадай, пожалуйста! Не во время только пропадать ты затѣялъ, когда жизнь къ тебѣ въ самыя руки лѣзетъ, просится . . . а если ты о вчерашнемъ — то это какъ гражданская война, братъ, сегодня — ты, завтра — я. Конечно, складнѣе бы безъ этого, ну а разъ такъ случилось — обратно не повернешь . . .

Все это проворно говорилъ Свербѣевъ и все же вертѣлся въ безпокойствѣ отъ этого настроенія и совсѣмъ несвоевременныхъ мыслей Безсонова. Прежде всего это было опасно, это было новое и неожиданное препятствіе на пути. Все это быстро прикинулъ онъ и рѣшилъ не отпускать его отъ себя въ этотъ вечеръ, чтобы не ушелъ тотъ снова въ свое тревожное одиночество, и еще нѣсколько дней не отпуститъ его отъ себя онъ, пока не обработаетъ такъ, какъ нужно для ихъ безопасности. Въ раздраженіи отъ этой новой обузы, свалившейся на него, повелъ онъ его за собой. Чтобы развлечься, зашли они въ кинематографъ на Тверской, сѣли на хорошія мѣста и успокоительно принялись смотрѣть замѣчательную американскую картину, въ которой участвовалъ старый знакомецъ съ пронзительными глазами, запомнившійся Безсонову такъ хорошо въ часы его одинокихъ блужданій, Гарри Пиль. Почти не видя этого Гарри Пиля, слушалъ Безсоновъ себя, страшную музыку своей смятенной, опустошенной, ни на что уже не надѣющейся души. Что же,

если Свербѣевъ, дѣйствительно, хочетъ жить — онъ правъ, право на жизнь — за нимъ. Но если сходится жизнь такъ, какъ сошлась для него, не лучше ли досмотрѣть эту ленту, выйти отсюда и не вернуться ни домой, ни къ Свербѣеву, никуда? . . И сейчасъ же весело опять въ самое ухо запѣлъ безпризорный мальчишка, который поетъ на круговой остановкѣ трамвая у Арбатскихъ воротъ, озорнымъ и совсѣмъ не печальнымъ голосомъ:

На могилу беззавѣтну
Да никто не придетъ,
Только ранней весною
Соловей пропоетъ! . .

А если правъ Свербѣевъ: ни надъ чѣмъ не останавливаться на этомъ пути, ни надъ чѣмъ не задумываться въ этой продолжающейся гражданской войнѣ. О, тогда можно жить превосходно, небывало! Тогда въ карманѣ, въ газетной бумагѣ, чудовищная для него сумма, которую онъ уже не растратитъ, не проиграетъ въ одну ночь, слишкомъ дорогой цѣной она досталась ему, — тогда онъ возьметъ непокорную жизнь и сломитъ ее для себя на такіе дни ликованій, которые до сихъ поръ лишь снились... Отъ своихъ видѣній оторвался Безсоновъ. Чувственный острый свербѣевскій носъ маячилъ подлѣ него; Свербѣевъ дремалъ во время представленія, можетъ быть, какъ и онъ, отдавшись своимъ безудержнымъ мыслямъ. Въ десятомъ часу они вышли изъ кинематографа, и до самой полночи, превозмогая усталость, не отпускалъ его отъ себя Свербѣевъ и даже проводилъ до самаго общежитія. Въ 12 часовъ запирались двери; изнемогая добрелъ до своей кельи Безсоновъ, пробрался мимо спящихъ товарищей и сейчасъ же окунулся отъ усталости и пережитаго въ трясину несуществованія...

Какія-то тайныя тревоги и думы не зря безпокоили Свербѣева въ этотъ вечеръ, не зря въ тысячный разъ перебиралъ онъ въ умѣ, не могли ли оставить они наводящихъ слѣдовъ, все ли было заметено ими въ чистую, ибо, какъ всегда, въ самомъ сложномъ и обдуманномъ дѣлѣ забываютъ какую нибудь

маленькую деталь, которая является первой и руководящей вѣхой... Въ первомъ часу добрался онъ до своего переулка, но, вѣдомый необъяснимымъ предчувствіемъ и осторожностью, вышелъ онъ къ своему дому не прямо изъ переулка, а прошелъ мимо него стороною сначала, согнувшись и пряча носъ въ воротникъ. На противоположной сторонѣ тротуара въ тѣни стоялъ человѣкъ и смотрѣлъ наверхъ. Окно его, Свербѣева, комнаты выходило именно въ этотъ переулокъ. Свербѣевъ прошелъ мимо дома, свернулъ въ боковой переулокъ и тамъ остановился съ бьющимся сердцемъ. Что это былъ за одинокій человѣкъ въ переулкѣ, что онъ высматривалъ наверху? Съ четверть часа переждалъ за угломъ здѣсь Свербѣевъ. Тысячелѣтіями тянулись эти минуты. Наконецъ, онъ поднялъ воротникъ и шаркающей стариковской походкой вышелъ снова въ свой переулокъ и пошелъ неспѣша, какъ старикъ. Сердце его припадало. Однимъ глазомъ зорко смотрѣлъ онъ изъ-за воротника на противоположную сторону. Такъ же неподвижно, загадочно и угрожающе стоялъ человѣкъ въ тѣни и смотрѣлъ наверхъ. Въ безотчетномъ ужасѣ, не смогъ Свербѣевъ принудить себя вернуться къ этому страшному мѣсту. Торопливо ушелъ онъ отсюда, не зная куда, не зная, гдѣ въ эту безпріютную ночь найдетъ для себя ночлегъ и ощущая всѣмъ своимъ безошибочнымъ инстинктомъ, что не зря стоитъ человѣкъ въ темнотѣ напротивъ его дома.

Такъ, какъ предчувствовалъ онъ, перебирая подробности въ памяти, именно такъ все и случилось. И первый узелъ, изъ котораго потянулись всѣ дальнѣйшія, еще неясныя нити — былъ Феськинъ, сапожникъ Феськинъ, о которомъ много думалъ, но до конца не додумалъ Свербѣевъ.

XXXVIII

На первомъ допросѣ послѣ убійства Челищева — Феськинъ, въ числѣ прочихъ квартирантовъ по дому, далъ такія совершенно обдуманныя показанія, которыя увѣрили Свербѣева окончательно, что Феськинъ не только надеженъ вполнѣ, но и можетъ самъ по-

служить отличной защитой. Феськинъ показалъ, что въ этотъ вечеръ работалъ онъ нѣсколько дольше обыкновеннаго, обязавшись къ утру поставить подметки къ сапогамъ управдомомъ. Ничего подозрительнаго онъ не слышалъ, а кончивъ работу около половины перваго ночи вышелъ во дворъ за нуждой, и, какъ обыкновенно, подышать свѣжимъ воздухомъ. Стоя во дворѣ, обратилъ онъ, между прочимъ, вниманіе на то, что въ квартирѣ Челищевыхъ горѣлъ еще свѣтъ; затѣмъ онъ вернулся къ себѣ и легъ спать, а въ третьемъ часу ночи, примѣрно, его разбудили крики и стукъ на лѣстницѣ. Онъ соскочилъ съ кровати, выбѣжалъ на лѣстницу въ одномъ бѣльѣ, думая, что въ домѣ пожаръ. Но крикъ подняла консерваторка, вернувшаяся съ вечеринки въ третьемъ часу и первая обнаружившая преступленіе. Далѣе, узнавъ, что въ домѣ случился грабежъ, — а объ убійствѣ Челищева онъ не зналъ еще ничего, — Феськинъ, наскоро одѣвшись, побѣжалъ въ сосѣднее отдѣленіе за милиціей и вернулся съ поддежурнымъ Петровымъ и милиціонеромъ, имени котораго не знаетъ. Въ домѣ уже былъ полный переполохъ, въ квартирѣ Челищевыхъ находился управдомъ и нѣсколько человѣкъ квартирантовъ. Поддежурный вмѣстѣ съ нимъ, съ Феськинымъ и милиціонеромъ вытѣснили изъ квартиры толпу, и вмѣстѣ же перенесли они съ полу на диванъ лежавшаго въ лужѣ крови самого Челищева. Затѣмъ поддежурный вызвалъ скорую помощь, и уже черезъ пятнадцать минутъ Челищева и жену, находившуюся въ полномъ забытіи, увезли на прибывшемъ автомобилѣ въ институтъ неотложной помощи. Вся эта исторія, хотя видѣлъ на войнѣ онъ и худшее, произвела на него Феськина такое впечатлѣніе, что цѣлыхъ два дня затѣмъ ходилъ онъ въ родѣ какъ чумной или помѣшанный.

Вотъ съ этого то момента обдуманную свою осторожность утратилъ Свербѣевъ. Чего-то не додумалъ онъ здѣсь, а повѣрилъ Феськину до конца, довѣрился его находчивой выдумкѣ и далъ ему преждевременно денегъ, триста рублей, въ счетъ будущихъ благъ. Эти триста рублей оглушили Феськина съ неслыханной силой. Можетъ быть, если бы далъ Свербѣевъ увлечься

первой горячкѣ, все это и не имѣло бы подобныхъ послѣдствій, но именно въ самую душевную горячку далъ онъ Феськину денегъ. Много честолюбивыхъ, взволнованныхъ и сокрушительныхъ мечтаній забушевали съ этого мига въ Феськинѣ, огромно простерлась передъ нимъ удивительная жизнь, полная новыхъ надеждъ и свершеній, и въ первый же вечеръ, переодѣвшись во все совершенно новое, повѣсивъ за плечо свою трехрядку, въ новыхъ хромовыхъ сапогахъ, которые приготовилъ онъ для заказчика, а теперь, рѣшилъ оставить себѣ, — отправился Феськинъ скромно и сдержанно отпразновать виликую свою удачу. Первымъ дѣломъ зашелъ онъ въ пивную на углу Малой Бронной, гдѣ всегда забубенно пѣли цыгане и народные баяны-пѣвцы. Онъ сѣлъ въ уголкѣ, положилъ свою трехрядку подъ локоть и заказалъ пару пива. Не цыгане пѣли въ этотъ вечеръ въ пивной, а самъ знаменитый баянъ Селиверстовъ, за которымъ давно гонялись лучшія пивныя Москвы, ибо два только голоса такихъ было по всей Москвѣ — отъ Зарядья и до Марьиной рощи — баяна Селиверстова да дьякона Холмогорова... Множество любителей гудѣло шмелемъ въ этой пивной, — были здѣсь и патріархи, пришедшіе изъ Лефортова послушать баяна, и самая сыплая молодежь, которая только начинала входить во вкусъ жизни. Молодой человѣкъ, очень вихлявый, распахнувъ стрекозиныя крылышки визитки, выпорхнулъ на эстраду и прошелся по ней, потирая ручки.

— Сейчасъ, граждане, — сказалъ онъ, полный великолѣпной любви и сочувствія ко всѣмъ этимъ дорогимъ посѣтителямъ, — сейчасъ предстанетъ передъ вами лучшій номеръ нашей программы, баянъ русской народной пѣсни Селиверстовъ ...

Трескотня аплодисментовъ не дала ему закончить. Тщетно воздѣвалъ молодой человѣкъ цыплячью ручку, пытаясь водворить тишину. Такъ хорошо было сидѣть въ этомъ гомонѣ, что даже улыбнулся отъ счастья за свою судьбу Феськинъ!.. Наконецъ, приливъ аплодисментовъ откатился назадъ. И на сценѣ появился баянъ.

Дрогнулъ залъ отъ этой ожидаемой встрѣчи. Въ синемъ, лазореваго цвѣта, казакинѣ, въ плисовыхъ

штанахъ спадавшихъ складками на юфтевые мягкіе сапоги, весь въ птичьемъ глазѣ оспы, подъявъ къ потному потолку выбѣленные слѣпотою глаза, вышелъ баянъ Селиверстовъ на эстраду. Отрокъ, въ казакинѣ же, перешитомъ изъ пѣвческаго кафтанья, со смиреннымъ и иконописнымъ проборомъ русыхъ волосъ, велъ его за собой къ высокому дубовому стулу, стоявшему посреди эстрады. Вперивъ свои бѣльма въ пространства, которыя ощущалъ онъ тамъ, надъ крышей этой дымной пивной, взялся баянъ костлявыми пальцами за баски и теноровые клапаны и единымъ пѣвучимъ дыхомъ растянулъ эту живую трехрядку въ своихъ рукахъ. Скучающей птицей застонала она въ этомъ мигъ, а уже низкою присказкой на пѣвучую боль отозвались баски. Зналъ баянъ подходъ къ человѣческому мохнатому сердцу и зналъ, какой пронзительной украдкой можно заползти въ него, въ самую дремучую глубь.

— Пѣсня военная про казачьяго сына, — сказалъ баянъ, обращаясь къ надкрышному этому пространству, — и разомъ низкимъ гусельнымъ плясомъ, словно тронулись въ путь казачьи сотни съ бубенчиками и бунчуками, запрыгали низкіе голоса трехрядки. Давъ отплясать съ версту этимъ первымъ казацкимъ сотнямъ, началъ баянъ свою пѣсню:

Все ти поля изукрашены —
И кусточками и лѣсочками.
Возлѣ эты поля стоитъ ракитовъ кустъ,
На кустѣ-то сидитъ соловеюшко,
Подъ кустомъ то лежитъ молодой солдатъ,
Молодой солдатъ, полковой сержантъ!..

Тутъ зашлись переборомъ такія густыя ноты, такъ засосала самую душу трехрядка, что крякнули даже самые крѣпкіе, подперевшіе голову кулаками. А баянъ все пѣлъ и пѣлъ, низкая его актава рокотала надъ всѣми этими склоненными головами, и такой былъ силы этотъ неслыханный голосъ, что звякали временами, обезпокоенно отзываясь, пустые стаканы. Подперевъ скуластую щеку кулакомъ, слушалъ Фескинъ баянову эту пѣсню, и тоже такъ хорошо загрустилъ онъ отъ голосовой этой мощи, что спросилъ еще пару пива, твердо рѣшивъ послушать до конца

этихъ пѣсенъ и затѣмъ уйти отсюда со своею трехрядкой, зайти къ Серго, что ли, тутъ же на Бронной, и самому хорошо попѣть, поскучать, постонать своею гармоникой ... А баянъ все пѣлъ и пѣлъ, покрывая голосомъ это гульбище, и такое развелъ подъ конецъ нестерпимое, что завыли, заревѣли въ отвѣтъ лохматые голоса, словно разбудилъ своей пѣсней онъ спящаго звѣря. Пѣлъ теперь онъ новую пѣсню про казака Мороза, про пору Хмѣльницкаго:

Ой, Морозе, та Морозенку, ты найславный коваче,
Ой за тобою, Морозенку, та вся Украина плаче,
Ой, Морозенько, та коваченько, у неволю попався ...

Тутъ даже покрутилъ головою Феськинъ, такъ было все это нестерпимо грустно и хорошо и сталъ опорожнять кружку, оглядывая людей, которыхъ такъ же, какъ и его, пронялъ окончательно своимъ голосомъ баянъ Селиверстовъ. Допивъ обѣ бутылки, послушалъ онъ еще одну пѣсню, а когда повелъ отрокъ-поводырь баяна на роздыхъ, расплатился за все и вышелъ изъ этой пивной, шатаемый хмѣлемъ и дивными пѣснями. Онъ прошелъ по переулку, растянулъ было во всю длину свою замѣчательную трехрядку, но милиціонеръ, стоявшій посреди переулка, сказалъ съ обидной пренебрежительностью:

— Играть не полагается, гражданинъ.

Гармоника пикнула еще дважды, и отъ этого несвоевременнаго окрика, помѣшавшаго ему излить свою душу, какъ онъ хотѣлъ, заскучалъ Феськинъ еще больше и зашелъ въ пристанище къ Серго, гдѣ никто не могъ бы ему помѣшать вести себя такъ, какъ ему это хочется... У Серго было пустынно, на прилавкѣ на блюдахъ лежала позеленѣлая телячья нога, желтыя печеныя яйца и колбаса съ разсохшимся отъ времени фаршемъ. Положивъ руку на грудь, привѣтствовалъ его Серго съ азіатскимъ радушіемъ и достоинствомъ.

— Мѣшаетъ мнѣ мильтонъ на улицѣ пѣть ... а кому отъ этого безпокойно, скажи пожалуйста? Не можетъ человѣкъ себя оказать... а, можетъ быть, душа у него разрывается. Развѣ это порядокъ, скажи, пожалуйста?

Говоря все это, Феськинъ сѣлъ за столикъ въ глубинѣ, и вдругъ отъ обиды что помѣшали ему пѣть, когда только что запросилась душа, отъ того, что теперь ему никто не указъ, разъ есть у него деньги, и денегъ у него, можетъ, столько, что мильтону три мѣсяца на посту на морозѣ трястись, а онъ въ одну ночь можетъ всѣ эти деньги прожить, какъ вздумаетъ, и никто у него не спроситъ отчета, — отъ всего этого захотѣлось ему показать себя такъ, чтобы поняли люди кругомъ, какое нужно оказывать уваженіе Феськину.

— А ну ка, Серго чѣмъ ты можешь угостить настоящаго гостя? — спросилъ онъ не спѣша, затаивъ дыханіе отъ удовольствія. — Желаю я пѣть и играть, а ты мнѣ ставь самое лучшее, потому что разбередилъ сегодня мнѣ душу баянъ Селиверстовъ...

Съ тѣмъ же достоинствомъ, стараясь не выдать безпокойнаго ожиданія, Серго сказалъ ему со льстивою вкрадчивостью:

— Хорошо гулять хочешь — лучше чѣмъ у Серго нигдѣ не погуляешь... Хочешь велю позвать сазандари, будутъ грузинскія наши пѣсни... виномъ угостишь, до утра будутъ пѣть, пока не надоѣстъ. Вино какое хочешь? Хочешь кахетинское, напареули, а можно пресвѣтлой, пшеничная водка есть, какъ слеза...

— Гони мнѣ этихъ твоихъ... пусть поютъ пѣсни, — сказалъ Феськинъ, — и вина давай лучшаго... шашлыку давай, только чтобы однимъ духомъ все это, Серго!

— Въ одинъ минутъ будетъ, — сказалъ хозяинъ и исчезъ въ глубинѣ.

Тамъ сейчасъ же начались шопотъ и голоса, изъ заднихъ дверей высунулъ голову поваръ въ грязномъ колпакѣ, и хозяинъ величественно минуту спустя сталъ для начала нарѣзать на прилавкѣ холодную буженину. Феськинъ растянулъ гармонику и, скучая, принялся пѣть. Пѣлъ онъ знакомую, очень грустную пѣсню:

Дѣвушка да милая
И да скажи, лапушка, жисть да жисть, радость моя,
Отчего же плай да плачетъ въ лицѣ кровь,
Въ лицѣ кровь?

Совсѣмъ сокрушенно продолжалъ онъ сейчасъ же дальше:

Она плаетъ, плаетъ — лице разгоряетъ,
Прежестокая съ ми-ай да съ миленькимъ любовь...

Такъ онъ сидѣлъ и пѣлъ, а Серго между тѣмъ дѣлалъ все для того, чтобы разогнать грусть своего посѣтителя, много разъ выглядывали разныя черномазыя лица съ вылупленными бѣлками, — и, наконецъ, великолѣпное увеселеніе началось. Запыхавшись, появились вызванные откуда-то музыканты и стали устраиваться позади, въ глубинѣ каменной ниши. Минуту спустя гортанно дрогнулъ бубенъ и и заблѣяла по овечьи пищалка; пронзительнымъ и унылымъ рѣчитативомъ запѣли музыканты, сопровождая и словно стараясь обогнать свою странную музыку. Музыка эта и пѣніе, а главное, что люди старались для него одного, очень понравилась Феськину; онъ выслушалъ эту пѣсню, сказалъ хозяину: — „Дай имъ всѣмъ, Серго, водки и шашлыкъ", — но одинъ изъ музыкантовъ съ бубномъ въ рукѣ подошелъ къ нему и сказалъ умильно, приложивъ руку къ груди и ко лбу: — „Будь нашимъ тамодой, хозяинъ... будемъ пѣть тебѣ пѣсни, хозяинъ!" — разстроивъ этимъ окончательно Феськина.

Дальшее пошло такое, что не удержалъ до конца въ своей памяти онъ: всѣмъ принесли шашлыку и вина, всѣ пили и ѣли шашлыкъ, пресвѣтлая была, дѣйствительно, хороша, а сверхъ всего этого безостановочно играли музыканты, гнусили и били въ бубенъ и неистовыми голосами пѣли пронзительныя пѣсни, и ужъ не одинъ хозяинъ сидѣлъ за столомъ рядомъ съ Феськинымъ, а и другіе, совсѣмъ незнакомые, но необычайно дружелюбные люди, тоже тянувшіеся къ нему рюмками и стаканами и называвшіе его совсѣмъ непонятнымъ, но страшно почетнымъ, повидимому, именемъ — тамодой. Тогда Феськинъ,

пришедши совсѣмъ въ отличное настроеніе и рѣшивъ показать, что значитъ, когда гуляетъ душа его, Феськина, — обвелъ хмѣльными глазами весь этотъ кругъ и сказалъ хозяину неспѣша и вполголоса, какъ знаемый здѣсь и завзятый гость:

— А ну ка, Серго, еще три бутылочки, и яблочковъ что ли!

Но Серго не сдвинулся съ мѣста и тоже негромко отвѣтилъ ему:

— Много наѣли, хозяинъ... сначала деньги за это надо платить.

Вотъ тутъ-то и сорвался Феськинъ, горячешно ударила ему въ голову кровь, каруселью завертѣлся весь кругъ этихъ черныхъ головъ — не видя и не помня, полезъ онъ за голенище новаго сапога и вытащилъ тряпицу, гдѣ лежали сложенныя триста рублей.

— А это видѣлъ? — сказалъ онъ сдавленнымъ отъ обиды голосомъ и едва не задѣлъ этимъ свертком по горбатому носу Серго. — Феськину не вѣрить? Разъ Феськинъ требуетъ, значитъ есть ему чѣмъ платить, а можетъ и купить всего тебя съ твоимъ шашлыкомъ, грузинскій чортъ, — сказалъ онъ въ полнѣйшемъ бѣшенствѣ, но сейчасъ же снова заныла зурна, завопили позади музыканты и такою крутелью пошло это сборище, а совершенно незнакомый сине-выбритый человѣкъ полѣзъ къ Феськину чокаться, торопливо говоря:

— Позвольте съ вами чокнуться, гражданинъ...

И нависшая туча пронеслась безгрозно, уронивъ только въ Феськина необычайныя зарницы. Дальше все пошло колесомъ, самъ Серго, забывъ свое достоинство, танцовалъ лезгинку съ пивной бутылкой на головѣ, вопили и сипѣли зурначи, и сине выбритый человѣкъ съ черной щетинкой усовъ, очутившись почему-то рядомъ съ Феськинымъ, безостановочно говорилъ: — „Необыкновенное пиршество! Жизнью пользуйся, живучій, мертвый въ гробѣ мирно спи, такъ ли я говорю?“ — на что Феськинъ ликующе отвѣчалъ: — „Правильно, братъ!“ — проваливаясь все глубже въ блаженный и давно не находившій на него въ такой степени туманъ. Почему-то этого сине-

лицаго молодого человѣка единственно запомнилъ онъ здѣсь, — особенно же помнилъ онъ, какъ старательно подсаживалъ тотъ его на извозчика, ибо зачѣмъ-то ѣхать отсюда собрались къ Петровскимъ воротамъ въ „Низокъ“ . . . Но дальше Феськинъ ничего не запомнилъ, были ли они въ этомъ „низкѣ“ или нѣтъ, и не могъ ничего показать объ этомъ на допросѣ, на который повезли его прямо съ похмѣлья въ девятомъ часу утра, предварительно обыскавъ его логово.

Въ первый разъ ѣхалъ Феськинъ въ это утро на автомобилѣ, съ быстротою и дѣловитостью сверлившемъ утренній городъ. Какъ все это случилось съ нимъ и такъ стремительно обнаружилось? Но на допросѣ увидѣлъ онъ человѣка, хотя и безусаго, но очень похожаго на вчерашняго сѣнелицаго человѣка, словно былъ онъ тому родной братъ, и, давая свои показанія, все смотрѣлъ съ волненіемъ и ужасомъ на этого загадочного и безстрастнаго человѣка. Сначала попробовалъ Феськинъ запереться во всемъ, но его приперли большими деньгами, остатки которыхъ у него обнаружили, а главное совершенно его ошеломившимъ извѣстіемъ, что всѣ участники убійства Челищева вчера арестованы, и только онъ задержанъ послѣднимъ . . . Съ похмѣлья или отъ того, что смущалъ его молодой человѣкъ загадочнымъ сходствомъ со вчарашнимъ знакомцемъ, поддался Феськинъ на эту заманку и признался во всемъ, разсказавъ въ подробностяхъ, какъ было все по порядку.

Одного только, самаго главнаго, не могъ онъ сообщить: именъ сообщниковъ, потому что самъ, въ дѣйствительности, не зналъ ихъ; впрочемъ, все это было извѣстно и безъ него, разъ они арестованы. И Феськинъ сталъ обвинять студентовъ, вовлекшихъ его, безъ его желанія и воли, въ это мокрое дѣло. Отсюда пошла первая нить о студентахъ. Кто были эти студенты, мало ли ихъ тысячъ въ Москвѣ? — здѣсь пришлось агентамъ поразмыслить немало и, вѣроятно, долго еще тыкались бы они въ глухую стѣнку, если бы не помогло одно обстоятельство. На парѣ штиблетъ, оставленныхъ Феськину для починки однимъ изъ студентовъ, чернильнымъ каранда-

шомъ были помѣчены иниціалы Ф. С. Это послужило первымъ ключомъ. По спискамъ студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній Москвы были выписаны студенты, иниціалы которыхъ совпадали съ этими лиловыми буквами. Были среди нихъ: Феоктистъ Стремоуховъ, Федоръ Смольцовъ, Фаддей Солодовниковъ, Федоръ Свербѣевъ, Фрицъ Смаунасъ, Фанни Спокойная — и еще съ десятокъ другихъ совпадавшихъ. Изъ этого новаго списка началось просѣиванье: такъ, Фрицъ Смаунасъ уже мѣсяцъ лежалъ въ терапевтической клиникѣ послѣ операціи апендицита; Федоръ Смольцовъ находился въ Архангельскѣ; Феоктистъ Стремоуховъ — былъ членъ партіи, внѣ всякихъ подозрѣній, конечно, остальные же всѣ были взяты подъ обработку, какъ испытуемый матеріалъ. Особенное вниманіе обратили на двухъ: на Федора Свербѣева и на Файвеля Страйха, бывшихъ студентами того же института, въ которомъ преподавалъ покойный Челищевъ. Здѣсь нить такъ нежданно и оглушительно доползла до послѣдняго узелка въ этомъ дѣлѣ, — и въ тотъ вечеръ, когда вернувшись домой, Свербѣевъ увидѣлъ въ тѣни противоположнаго дома загадочнаго и неподвижнаго человѣка, не зря обуялъ его ужасъ . . .

Дѣло было проиграно и именно въ ту минуту, когда казалось оно ему выигранным, и не только было проиграно, какъ уяснилъ онъ себѣ послѣ безсонной ночи, узнавъ объ арестѣ Феськина, но и сего дня же къ вечеру, если не раньше, ожидало ихъ всѣхъ то же самое. Не заходя въ институтъ, не возвращаясь домой, вызвалъ онъ записочкой черезъ посыльнаго Безсонова въ отдѣльную комнату отдаленнаго трактира на 1-й Мѣщанской, нынѣ Гражданской, невдалекѣ отъ огромныхъ тумбъ Крестовской заставы. Не понимая, съ тоской поѣхалъ Безсоновъ черезъ весь городъ для этой новой и безполезной встрѣчи. Зачѣмъ еще могъ онъ понадобиться Свербѣеву послѣ всего, что случилось съ нимъ? — но, увидѣвъ его лицо и глаза, которые привыкъ онъ видѣть безцвѣтными и которые горѣли теперь столь необычайно въ сумракѣ этого призаставнаго трактира, понялъ онъ, что случилось нѣчто ужасное.

— Все открыто, — сказалъ Свербѣевъ немедля, не давая ему опомниться. — Феськинъ арестованъ вчера утромъ, а насъ съ тобой арестуютъ сегодня, подъ вечеръ. Я тебя, жалѣючи, вызвалъ сюда, Кириллъ. Желаешь пропадать — оставайся. Желаешь спастись — бѣги.

— Куда? — беззвучно и безнадежно спросилъ Безсоновъ, — куда бѣжать, разъ ты говоришь, что все проиграно . . .

— Нѣтъ, врешь, я еще не сдаюсь, — отвѣтилъ Свербѣевъ заносчиво. — Не для того я на всю эту гору взбирался, чтобы скатиться внизъ! Я жить хочу, а не къ стѣнкѣ становиться. Стѣнка, Кириллъ, а десять лѣтъ со строгой — на замѣну, ужъ будь покоенъ! Такъ вотъ, разговоръ короткій: желаешь гибнуть — оставайся; желаешь спастись — бѣги . . . Вотъ мой планъ, я его разработалъ въ точности. Сегодня мы съ тобой бѣжимъ изъ Москвы . . . бѣжимъ на Кавказъ, Кириллъ! . . Разными путями бѣжимъ, о путяхъ мы еще особо поговоримъ . . . нужно намъ до Батума только добраться. Я въ Батумѣ жилъ, есть у меня тамъ свои люди . . . въ два счета на турецкой фелюгѣ въ Турцію переберемся. Деньги у насъ на первое время есть . . . три тысячи долларовъ на полтора года хватитъ, а тамъ новую жизнь начнемъ, Кириллъ, совершенно по-новому, а вѣдь не тутъ же зря, за понюшку, къ стѣнкѣ становиться . .

Странное дѣло: чѣмъ больше говорилъ въ этой открывшейся перед нимъ безнадежности Свербѣевъ о несбыточныхъ планахъ спасенія, чѣмъ тѣснѣй и удушливѣй становился сомкнувшійся теперь до конца кругъ возмездія, — тѣмъ огромнѣй, мучительнѣй хотѣлось жить . . . Жить, жить, только жить! Еще недавно, еще часы назадъ, можетъ быть, съ безнадежнымъ равнодушіемъ прислушался бы Безсоновъ къ своей судьбѣ. Такъ просто и желанно казалось ему прервать безполезную нить своей жизни. Съ надеждой и благодарностью ощущалъ онъ холодокъ револьвера въ карманѣ. Теперь же, когда воочію бездна разверзлась предъ нимъ, въ смятеніи и ужасѣ отпрянулъ онъ отъ пахнувшаго холода этой разселины. Какъ—такъ просто скатиться внизъ, ничего не

узнавъ, сдаться теперь, когда онъ уже знаетъ запахъ отстоеннаго вина жизни, встать теперь къ стѣнкѣ, кончить жить, когда онъ только что начинаетъ жить? И въ этотъ мигъ всѣ его недавнія мысли о самоубійствѣ показались ему невнятнымъ затемнѣніемъ его души. Нѣтъ, жить, жить, только жить... Пусть бѣгство, пусть Батумъ, пусть немыслимая Турція ... пусть все это только фантасмагорія, и все это кончится завтра же на пути ихъ побѣга, — но сегодня бѣжать, сегодня жить!..

Съ жадностью и восторгомъ онъ слушалъ Свербѣева. За одинъ только часъ выработали они планъ ихъ бѣгства. Сегодня же скрыться изъ Москвы, разными поѣздами и въ разныхъ направленіяхъ скрыться съ тѣмъ, чтобы черезъ десять дней встрѣтиться снова въ Батумѣ, гдѣ есть у Свербѣева надежные люди. Такъ составился въ этотъ часъ невѣроятный планъ ихъ побѣга и спасенія, и всѣмъ существомъ, единымъ дыханіемъ, безоговорочно, жадно хватаясь за малѣйшую надежду спасенія, Безсоновъ принялъ его до конца. Въ туманѣ, мифахъ и единомъ неодолимомъ устремленіи провелъ онъ этотъ свой самый загадочный, прощальный и вспоенный неутоляемой жаждою жизни—день.

XXXIX

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край...
Тютчевъ.

Сотнями верстъ, еще снѣговымъ просторомъ отмѣрялись полотняная, заметенная нетающимъ мартомъ Русь. На площадкѣ, вплотную къ окну вагона, Безсоновъ смотрѣлъ на еще заваленныя перинами снѣга деревни, на незнаемые города, возникавшіе въ россійскомъ своемъ обличіи, съ куполами церквей, съ улицей вверхъ на гору, съ провинціальными извозчиками на вокзалахъ, увозившими пріѣхавшихъ тоже съ россійскимъ щемящимъ нестерпимою грустью звономъ колокольцевъ. Всюду, вездѣ, въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ, еще по берложьи сутулящейся подъ

снѣгомъ, жили люди. Всякій дѣлалъ свою жизнь по своему, и, навѣрное, въ самой глухой деревнѣ люди жили счастливѣй, чѣмъ онъ, Безсоновъ. Огромной, безмѣрной раскидывалась Русь, для которой былъ онъ сейчасъ отпавшимъ, безнадежно потерянным въ своихъ паденіяхъ, въ своемъ преступленіи... Именно сейчасъ, когда съ неизбѣжностью возникъ передъ нимъ конецъ его жизни, ощутилъ онъ эту ни съ чѣмъ несравнимую, страстную, безудержную жажду вернуться къ ней. Въ тотъ же день, когда позвалъ Свербѣевъ его за собой къ послѣдней надеждѣ, послѣдовалъ онъ за нимъ безъ раздумій, гонимый одной этой жаждой спасенья... Спастись, спастись, во что бы то ни стало спастись, а тамъ уже сама собой образуется жизнь, только бы жить! Будутъ деньги — будетъ удача, чудесно можно жить, не вспоминая ни о чемъ, безъ раскаянья. А если такъ, то не все ли равно — Константинополь или еще какой незнаемый городъ, главное — не ощущать своего осужденья, не дрожать за каждый возникающій день...

А поля, города, деревни, стылыя еще подъ мостами рѣки, ждущія весенняго половодья,—проходили и проходили. Поѣздъ на Тифлисъ уходилъ только въ среду, а бѣжать изъ Москвы было нужно еще въ понедѣльникъ; въ разныхъ поѣздахъ, съ разныхъ вокзаловъ уѣхали они со Свербѣевымъ изъ Москвы. Безсоновъ сѣлъ въ поѣздъ подъ вечеръ. Онъ прорѣзалъ ножомъ правый карманъ и прямо за подкладку пиджака опустилъ свертокъ съ деньгами. Множество дѣловыхъ людей ѣхало въ жесткомъ вагонѣ этого дальняго поѣзда. На родину, подъ Симбирскъ, возвращались съ промысла плотники, два брата, высокіе сѣроглазые спокойные мужики; нѣсколько землемѣровъ и техниковъ ѣхали на строящуюся электростанцію. Врачъ отправлялся на рудники, въ рудниковую больницу — служить. Двѣ веселыхъ, сразу ставшихъ всѣмъ пріятнымъ, дѣвушки возвращались изъ Москвы, изъ дивнаго огромнаго города, въ которомъ были онѣ въ отпуску впервые...

Всѣмъ было о чемъ разсказать другъ другу, у каждаго было свое дѣло, которое онъ дѣлалъ, и каждый въ этомъ вагонѣ твердо зналъ, куда и зачѣмъ

несетъ его судьба по пути. Только одинъ онъ, Безсоновъ, въ немѣрянномъ одиночествѣ, въ безпристанищѣ ничего не зналъ о своей жизни, кромѣ того, что неотмщенное его преступленіе лежитъ въ ней и что мечтанія, съ которыми ѣхалъ онъ въ недостижимый городъ Москву, — мечтанія эти теперь смѣнились для него такою познанной во всемъ ничтожествѣ и распадѣ жизнью, что страшно даже со стороны заглянуть въ преступный ея и послѣдній мракъ...

До полуночи въ этомъ своемъ одиночествѣ слушалъ онъ путевую пѣсню колесъ, забываясь и вновь возникая, и блаженный и все заглушающій сонъ живительно и глубоко принялъ его въ себя.

Утромъ, на маленькой станціи, хорошо пропахшей морозомъ и березовымъ запахомъ дровъ, безъ пальто, съ поднятымъ воротникомъ пиджака, выбѣжалъ Безсоновъ за кипяткомъ. Съ чайникомъ въ рукѣ торопливо побѣжалъ онъ черезъ всю станцію, сталъ въ очередь не отшедшихъ еще отъ сна пассажировъ и тоже пустилъ изъ широкаго мѣднаго крана шелковую струю кипятка. Взбудораженный этимъ бѣгомъ, запыхавшись, возвращался онъ по деревянной платформѣ въ конецъ поѣзда, къ своему вагону. Предвесенне, несмотря на туманъ, разгорался день за этой маленькой станціей. Далеко, на горѣ, спускаясь внизъ ржавой дорогой, стоялъ безвѣстный городокъ, еще запутавшись въ облакахъ крестомъ собора и калачей. У широкихъ своихъ саней съ расписными задками стояли утренніе извозчики, тщетно поджидавшіе ѣздоковъ. Хмуро пожимаясь со сна въ мѣховомъ пальто, хохлился бородатый, съ лѣсными медвѣжьими глазками, начальникъ въ малиновомъ картузѣ. А оттуда, съ полей, пахло полной весной, близкимъ таяніемъ снѣговъ и россійскою грустью весны.

Съ чайникомъ въ рукѣ сталъ Безсоновъ возлѣ своего вагона, вдыхая снѣжную тишину, вывертывавшую въ немъ теперь бредъ пережитой ночи. Такъ захотѣлось заново, по-молодому жить, когда приноситъ весеннее таяніе новыя обѣщанія, и въ первыхъ синеватыхъ подснѣжникахъ — чудесная сила неувядающей жизни. По-новому, словно отряхнувъ въ эту ночь все свое страшное прошлое, смотрѣлъ Безсоновъ на эту

малую станцію; скромно и въ тишинѣ, вмѣстѣ съ провинціальнымъ городкомъ на горѣ, дожидалась она весны. Онъ поискалъ названіе милаго и минутнаго этого привала на пути, и вдругъ въ стѣсненности стремительно дрогнуло его сердце. Откуда онъ зналъ короткое это ея названіе „Разлужье"? Когда еще былъ на этой онъ станціи? . . И вдругъ чудесное озареніе освѣтило весь его этотъ путь. Вѣдь этимъ путемъ два года тому назадъ ѣхалъ онъ изъ родного города въ Москву. Тогда случилось крушеніе на главномъ пути, и этимъ окольнымъ путемъ пустили почтовый поѣздъ. Изъ окна вагона, впервые вступая въ жизнь, смотрѣлъ тогда Кириллъ Безсоновъ на станціи, запоминая названья на первомъ своемъ пути . . . Тѣмъ же путемъ, можетъ быть, послѣднимъ своимъ путемъ, возвращается теперь онъ въ изгнаніе. Но если этотъ путь — тотъ же путь, — на часъ, на мигъ, на минуту прощанія сможетъ заѣхать онъ въ родной городъ, увидѣть знакомыя съ дѣтства мѣста и могилы людей, научившихъ его первымъ мечтаніямъ о человѣческихъ странахъ, гдѣ невѣроятно счастливъ каждый живущій... Какая радость и боль, и грусть! — Съ бьющимся сердцемъ, съ сіяющими въ этой тревогѣ и боли глазами, смотрѣлъ Безсоновъ въ окно на тѣ же снѣговые просторы, приближавшіе его часъ за часомъ къ самому любимому на землѣ. Такъ, самъ не зная, какъ все это случилось, вернулся Безсоновъ на этомъ послѣднемъ своемъ пути — въ городъ, гдѣ родился и выросъ.

На слѣдующее утро, въ девятомъ часу, прервалъ Безсоновъ на одинъ только день, до слѣдующаго поѣзда на югъ, свое послѣднее путешествіе. Сѣроватымъ перроннымъ сумракомъ встрѣтила родина въ этотъ утренній часъ. Знакомый, только побѣленный вокзалъ, та же пальма съ войлочнымъ стволомъ на длинномъ столѣ буфета и вокзальная площадь, на которой тѣмъ же рядкомъ стояли извозчики, и только одна была новость — желтый первый автобусъ, ожидающій пассажировъ. Такъ вотъ какъ, съ какими знаніями жизни, вернулся онъ, Безсоновъ, въ этотъ городъ! . . Вмѣстѣ съ другими сѣлъ онъ въ автобусъ и автобусъ той же дорогой въ гору, которую одолѣ-

вали извозчики на своихъ дымящихся клячахъ, ревя и чадя, сталъ подниматься въ городъ. Справа, между домами, сползавшими внизъ, открылся просторъ рѣки, еще скованной льдомъ, уже потемнѣвшимъ въ предчувствіи близкаго таянія. Столько разъ въ дѣтствѣ исхоженная крѣпкими, неустающими ногами гора!

Какъ придетъ онъ къ Ягодкину, какъ произойдетъ ихъ встрѣча, въ которой впервые придется ему лгать до конца? Праздничный городъ дремалъ провинціальнымъ сномъ. На базарной площади стояли телѣги оглоблями вверхъ, и знакомая уличка съ каменной аркой въ концѣ, въ которой торговалъ книгами Макаръ Макарычъ, возникла за этимъ базаромъ. На Соборной площади, теперь площади Революціи, Кириллъ Безсоновъ вышелъ изъ автобуса. Съ стѣсненнымъ сердцемъ пошелъ онъ широкой улицей, патлатой отъ деревьевъ садовъ. За бѣлымъ купеческимъ домомъ, въ зеркальныхъ окнахъ котораго теперь бѣлѣли сиротскія лица дѣтей, за купеческимъ тучнымъ садомъ — въ деревянномъ домишкѣ жилъ мастеръ Ягодкинъ. Долго стоялъ у калитки Безсоновъ, превозмогая себя и не рѣшаясь войти. Наконецъ, онъ вошелъ въ этотъ домъ. Разстеливъ на столѣ газету, съ очками на слабѣющихъ глазахъ, сидѣлъ Ягодкинъ въ праздничномъ роздыхѣ. Самоваръ откипѣлъ и потухъ, и вѣковуха-бобылка, прибиравшая старость Ягодкина, сметала пепелъ куринымъ перомъ.

— Яковъ Ивановичъ, — сказалъ Кириллъ Безсоновъ въ дверяхъ и не смогъ зайти. Припасть бы сразу къ стариковскимъ колѣнямъ, во всемъ признаться, во всемъ покаяться, спрятать лицо въ узловатыхъ рукахъ, знающихъ сорокалѣтній трудъ, — но Ягодкинъ глядѣлъ на него поверхъ очковъ сіяющими радостными глазами, и съ такой же стариковской радостью пошелъ онъ навстрѣчу ему.

— Кирюшка, — сказалъ онъ и обнялъ его за плечи, — Кирюшка пріѣхалъ! . . — Не выпуская его плечи изъ рукъ, повелъ онъ его къ столу и посадилъ передъ собой. — Другъ мой, Кирюшка, пріѣхалъ, — сказалъ онъ такъ, что слезы едва не хлынули изъ натруженныхъ этой встрѣчей глазъ Безсонова. — Какъ

же ты такъ, безъ письма, безъ предупрежденія грянулъ?

Одолѣвъ, наконецъ, первое волненіе и горечь, Безсоновъ отвѣтилъ:

— Я вѣдь на однпъ только день къ вамъ, по пути . . . на практику ѣду.

А Ягодкинъ все качалъ и качалъ головой, по-стариковски умиляясь ему.

— Ну, молодецъ, одолѣваешь, значитъ . . . скоро къ намъ строить вернешься, у насъ, говорятъ, новую вѣтку на Свирь будутъ тянуть и мостъ черезъ Лапань строить. Ну, какъ же ты тамъ, обошелся, привыкъ, одолѣлъ? . .

И Безсоновъ разсказалъ ему все, чего не было въ его жизни. Онъ говорилъ о своей жизни въ Москвѣ, о трудѣ, о практикѣ, на которую ѣхалъ теперь на югъ, — обо всемъ, чѣмъ въ мечтаньяхъ была полна его жизнь и чего не случалось въ ней. Легкой дымкой бѣлыхъ волосъ покачивалась голова Ягодкина, слушавшаго эту дивную повѣсть

— Ну, вотъ, и въ люди выходишь, наконецъ, — сказалъ онъ любовью, — насъ заступишь, сызмальства въ тебя повѣрилъ, Кирюшка. Сорокъ третій годъ на заводѣ тружусь, а заводъ широко раздвинулся, два новыхъ цеха къ веснѣ пускаютъ, поселокъ для рабочихъ отстроили. Большое дѣло изъ малаго вышло. Въ герои труда меня прочатъ, — сказалъ онъ еще, конфузясь, — и весь Ягодкинъ, со всей своей жизнью, своимъ трудомъ, десятилѣтіями и мудростью прожитыхъ лѣтъ — возникъ передъ Безсоновымъ. Здѣсь былъ трудъ, была человѣческая честь, была правда жизни, о которой мечталъ онъ всегда . . . а съ чѣмъ, съ какой совѣстью, съ какой правдой вернулся теперь онъ сюда? Все, что можно было прожечь, прожегъ онъ за этотъ годъ, со свистомъ пустивъ свою жизнь по вѣтру. Нищимъ стоитъ теперь онъ передъ Ягодкинымъ, благословляющимъ его ложный расцвѣтъ.

Свербѣевъ, Вѣра Никольская, Куреповъ, Наумъ Робертовичъ, какіе-то поэты въ бобриковыхъ курткахъ, Донцевъ въ своей тюбетейкѣ, оторвавшій не одного изъ этихъ простодушныхъ немудрыхъ ребятъ отъ труда и работы, мечты о славѣ, которую сочиняли

въ домѣ у поэтовъ и за длиннымъ столомъ черноусой Варвары Николаевны Доливо, — точно въ бѣсовскомъ хороводѣ кружилось и неслось все это въ прошломъ, и посреди всего этого былъ онъ, взметенный осеннимъ листомъ въ такія пространства, откуда нѣтъ возвращенія . . .

— Постой ка, Кирюшка, — сказалъ Ягодкинъ вдругъ, — а вотъ кто радъ тебѣ будетъ, это Варя . . . Не разъ она тебя вспоминала.

— Какая Варя? — Безсоновъ спросилъ и не понялъ и горячо залился внезапно.

— А Вареньку помнишь . . . племянницу Арины Ивановны? Здѣсь она, въ городъ вернулась.

И Ягодкинъ разсказалъ ему все о Варѣ, о томъ, какъ пріѣхала она въ этотъ городъ и какъ по своему, по-упорному, по молодому хочетъ жить. Чего-то о ней не договаривалъ Ягодкинъ, но видно было, что пріятно ему говорить о ней и что не зря весь этотъ разговоръ онъ затѣялъ. Этотъ день далѣе, какъ бы въ туманѣ и въ сновидѣніяхъ, запомнилъ Безсоновъ, какъ послѣдній свой день, проведенный на милой знакомой землѣ. Зачѣмъ, для какого страшнаго укора и напоминанія случилась это встрѣча съ существомъ, благословившимъ мечтой первое и одинокое его цвѣтеніе? . . Какъ появилась Варенька вновь въ этомъ городѣ, какъ попалъ самъ онъ сюда, какъ скрестились напослѣдокъ ихъ разошедшіеся навсегда пути? Въ этой строгой и милой и замкнутой дѣвушкѣ, плѣнительно обвѣявшей его скупой и знакомой улыбкой, узналъ онъ, словно въ отдаленномъ напоминаніи, прежнюю Вареньку. Это была она, та же самая, съ которой въ яблочномъ гусеничномъ садку оплакивали они князя Серебрянаго и съ которой обручились первой сиротской мечтой одиночества.

— Узнаете, Кириллъ? — спросила Варенька застѣнчиво и негромко. — Вотъ не ждала васъ такъ скоро увидѣть здѣсь . . .

Онъ не смѣлъ задержать въ своей рукѣ эту руку и не могъ оторваться отъ видѣнія, возникшаго передъ нимъ.

— Вы, Варенька? .. — сказалъ онъ, наконецъ, и не выпустилъ все же этой руки. — Вѣдь вотъ какъ мы встрѣтились ... а я о васъ все время думалъ и ни разу не забылъ и въ другихъ васъ искалъ можетъ быть ...

Въ этотъ мигъ онъ вспомнилъ о Танѣ, о ея зловѣщей и ужасной судьбѣ, объ этой дѣвушкѣ, въ которой была такая же тишина, что и въ Варенькѣ, полюбившаяся ему немыслимой мечтой о совмѣстной долѣ. Теперь встрѣтился съ Варенькой онъ на стеклянной старинной галлерейкѣ, гдѣ сушилось обыкновенно зимою бѣлье, и вмѣстѣ сошли они внизъ отсюда по старой скрипучей лѣстницѣ.

— А я сюда пріѣхала жизнь свою строить, пока не поздно, — сказала Варенька такъ бы мелькомъ. — Я отъ Арины Ивановны еще давно, больше пяти лѣтъ назадъ, ушла ... сама стала жить въ Казани, служила и училась понемногу, какъ бобылка, — сказала она еще и засмѣялась, но вышло это невесело. — А вы какъ выросли, Кириллъ, и не узнаешь.

И чуть туманно, тѣми же сѣрыми и словно тронутыми пепломъ глазами, поглядѣла она на него. Они вышли со двора дома Ягодкина и пошли по знакомой улицѣ внизъ, подъ гору. Дальній вѣтеръ безпокойно шумѣлъ въ голыхъ деревьяхъ садовъ. Издалека, изъза города, пахло мартомъ, снѣговою пустыней.

— Ну, а вы какъ, Кириллъ? О себѣ разскажите, — сказала Варенька снова. Бѣдная ея шубенка съ дешевымъ мѣхомъ воротника и потертыхъ обшлаговъ была зачинена; какимъ-то опрятнымъ дѣвичествомъ, которое совсѣмъ не нужно тамъ, въ далекихъ, шумныхъ, порочныхъ городахъ, было спокойно, до верху полно это существо.

— Моя жизнь, что жъ ... — сказалъ Безсоновъ и самъ содрогнулся отъ ужаса за нее, — не ладно пошла моя жизнь, Варенька ... Впрочемъ, объ этомъ и говорить то не стоитъ!

— А я думала, вы совсѣмъ довольны ... уѣхали въ большой городъ учиться, вѣдь это страшно много, Кириллъ, — сказала Варенька и поглядѣла на него уже испытующе.

Онъ ничего не отвѣтилъ, и молча стали спускаться они по улицѣ внизъ, къ рѣкѣ. Чувствовалась уже стылая ея широта, скованный водный просторъ. За домами, сползавшими книзу, открылись прирѣчные склады и пристани. Снѣгъ еще бѣло лежалъ здѣсь.

— А вы надолго сюда, въ нашъ городъ? — спросила Варенька мелкомъ, словно на ходу.

— Я? .. До завтра ... я вѣдь на пути только заѣхалъ, отъ поѣзда къ поѣзду. Надо на практику ѣхать.

И мгновенно возникло передъ нимъ это страшное, его ожидавшее впереди, Свербѣевъ съ невѣроятными планами спасенія, — и, можетъ быть, тамъ въ Москвѣ, уже ищутъ, отыскиваютъ слѣды, шлютъ телеграммы, чтобы задержали ихъ на пути ... А рядомъ съ нимъ, съ преступникомъ, съ убійцей, съ растлителемъ себя самого, — безвинно и вѣря ему во всемъ, идетъ дѣвушка, которую вновь онъ нашелъ, чтобъ утратить. Такъ растерялъ онъ на своемъ короткомъ пути лучшихъ спутниковъ, и теперь для него остался только Свербѣевъ, запутавшій, толкнувшій на страшное дѣло и вмѣстѣ съ нимъ нынѣ пытающійся спастись ...

Они дошли до пароходной конторы и сѣли на деревянныхъ перильцахъ. Разстегнувъ у ворота шубку, подставивъ холодѣющее лицо предвесеннему вѣтру, смотрѣла Варенька мимо, на протаявшую сѣрою плѣсенью ледяную рѣку. Маленькій ея ротъ, какъ тогда, какъ въ дѣтствѣ, былъ пріоткрытъ, и отъ боли и счастья, что видитъ ее снова такой съ собой рядомъ, долго не могъ Безсоновъ сказать ничего. Осиливъ себя, онъ спросилъ:

— А вы какъ жили всѣ эти годы, Варенька ... вспоминали когда обо мнѣ?

Онъ спросилъ это и ужаснулся себѣ, какъ можетъ онъ въ своемъ паденіи и низости спрашивать объ этомъ ее, но просто и ясно посмотрѣла она на него.

— Я о васъ много думала, Кириллъ, — сказала она какъ бы просвѣтленно, — я очень трудно жила одна, когда ушла от Арины Ивановны ... а ушла

я изъ-за Валеріана, — такъ поступить, какъ онъ хотѣлъ, я не могла, а жить вмѣстѣ иначе было немыслимо. Вѣдь какъ же могла бы я такъ поступить, если я его не любила? — спросила она еще съ какой-то терзающей наивностью.

Тогда, охваченный смятеніемъ и тоской и необыкновеннымъ счастьемъ, Кириллъ Бевсоновъ безудержно и страстно спросилъ у нея:

— Ну, а другого кого . . . кого-нибудь любили эти годы вы, Варенька?

Чуть удивленно и грустно снова поглядѣла она на него и покачала головой не спѣша.

— Нѣтъ, я никого не любила, Кириллъ, — сказала она, вздохнувъ.

Тогда протянулъ онъ руку и положилъ ее на мѣховой обшлажекъ вытертой шубки.

— А то, Варенька, помните? — произнесъ онъ зашедшимся голосомъ, — можетъ быть очень по глупому, по ребячески было все это. . . но было вѣдь, Варенька! . .

— Я ничего не забыла, — сказала вдругъ она твердо, — и, можетъ быть, сюда вернулась, потому что ничего не забыла . . . Конечно, Кириллъ, что мы тогда могли понимать, но вотъ почему-то никогда не могла забыть я этого.

Она не отняла своей руки, его рука спустилась съ мѣхового обшлажка на ея пальцы, и пальцы отвѣтили чуть, или это только показалось ему, на несмѣлое пожатіе. Тогда быстро онъ сдвинулся къ ней по перильцамъ, жадно и ненасытно теперь смотрѣлъ онъ въ эти единственные глаза, схожихъ съ которыми искалъ онъ на многихъ лицахъ, и однажды нашелъ у несчастливой маленькой дѣвочки Тани . . . Съ нѣжностью подняла она на него теплящіеся прекраснымъ пламенемъ глаза. Долго и грустно, и проникающе, и съ невозможной радостью встрѣчи смотрѣли они теперь другъ на друга. Словно теплый вѣтеръ задулъ въ этой хладной его пустынѣ, куда былъ онъ закинутъ въ своемъ осужденіи и одинсчествѣ.

— Нѣтъ, такъ нельзя, — сказала она вдругъ очень просто и погладила пальцы его руки. — Нужно еще провѣрить, какіе мы стали другъ для друга . . . а можетъ быть, не то уже, не прежнее будетъ у насъ. И почему вы сказали, что не ладно пошла ваша жизнь?

— Если бы знали, вы Варенька, какъ я запутался . . . Можетъ быть, наканунѣ гибели случилась эта наша встрѣча, чтобы легче было мнѣ погибать, — сказалъ онъ съ неистовой и самого его испугавшей искренностью. — Только не спрашивайте меня ни о чемъ, — добавилъ онъ вдругъ съ испугомъ, — не нужно ни о чемъ говорить . . . здѣсь ночь, Варенька, страшная ночь, а у васъ — свѣтъ, день, тепло . . . у васъ душа ясная, чистая и простая.

Она ни о чемъ не спрашивала и слушала его молча.

— А развѣ не можетъ быть такъ, что у васъ настанетъ день, Кириллъ? — сказала она, наконецъ. — Не знаю я вашей бѣды, но не вѣрю я, чтобы не было у человѣка исхода.

— Исходъ есть, — отвѣтилъ онъ быстро, — погибнуть, умереть — вотъ исходъ. Только мужества, рѣшимости нехватаетъ. Главное, хочется жить, подло, Варенька, хочется, хоть и знаешь, что никогда не будетъ прежнею жизнь! Есть люди — какъ пѣна отъ сошедшихся двухъ теченій, с у в о й, имъ ничего не суждено построить, а только разрушать въ жизни и самимъ гибнуть вслѣдъ . . . такъ вотъ я тоже — сувой, пѣна, Варенька. И ни жалѣть, ни спасать меня нечего. Все это вотъ тутъ же, на пристани, забудьте и Ягодкину ничего не говорите объ этомъ, слышите, Варенька?!

— Слышу, — сказала она покорно, — я ничего не скажу. А можетъ быть, Кириллъ, моя вамъ помощь когда нибудь будетъ нужна, такъ знайте, что я о васъ никогда не забывала и за этимъ, можетъ быть, въ этотъ городъ вернулась — и, главное, Кириллъ, главное — довѣрьтесь, повѣрьте мнѣ . . .

Умоляюще и мучительно положила она ему руки на плечи и глазами, полными свѣта, тепла и любви, взлелѣянной въ своемъ одиночествѣ, смотрѣла на него.

Не отрываясь, часы, минуты, годы глядѣли они другъ другу въ глаза. Тою же слабой рукой сняла она съ него кепку и провела по знакомымъ золотымъ волосамъ. Потомъ она снова надѣла ее на него и спрятала лицо въ воротникъ.

— Поздно, Варенька... — сказалъ Безсоновъ, безжалостно выламывая пальцы своихъ рукъ и не чувствуя боли, — если бы раньше, немного только раньше... Я даже не знаю, не могу представить себѣ, какъ сложится моя жизнь въ дальнѣйшемъ!..

— Какъ бы она не сложилась, — сказала Варенька поспѣшно, — что бы ни было, Кириллъ... помните только одно, что всегда буду ждать васъ и никогда не измѣню въ себѣ это чувство, да и не могу измѣнить, разъ до сегодняшняго дня сберегла сквозь всѣ эти годы.

Растерянный, не зная, что отвѣтить, не зная, какъ поступить теперь, унести ли на рукахъ найденное вновь это сокровище, или бѣжать самому отсюда, пока еще не узнала она о немъ ничего, пока еще хранила въ себѣ его такимъ, какимъ оставила годы назадъ, стоялъ онъ передъ ней на этой зимней заколоченной пристани. И прошедшіе годы, и его въ нихъ судьба пробушевали въ немъ снова за эти минуты.

— Я хочу, чтобы все, что я вамъ сегодня сказала, — проговорила Варенька ясно, — вы совсѣмъ, совсѣмъ запомнили бы, Кириллъ. И я вамъ ни въ чемъ не солгала и ничего не прибавила больше того, что есть...

Она протянула ему руку, чтобы проститься. Навсегда, вѣроятно, прощался онъ съ этимъ существомъ, безмѣрной нѣжностью и любовью всколыхнувшимъ заново его душу. Сейчасъ же за площадью уходила глухая уличка, гдѣ былъ гусеничный ихъ садокъ... Держа въ рукѣ ея руку, онъ поглядѣлъ въ сторону этой улички, и Варенька поняла его. Безъ слова пошла она вмѣстѣ съ нимъ черезъ площадь, и сѣрый скосившійся домъ, въ которомъ пронеслось его дѣтство, въ которомъ вскормила его для жизни лѣвой длинной грудью Анна Ивановна, сиростью и уже разрушеніемъ возникъ впереди.

Безсоновъ и Варенька долго стояли напротивъ этого знакомаго дома; оскудѣніемъ и дряхлостью какъ бы благославлялъ онъ ихъ на новую жизнь, которой не могло для него, Безсонова, быть и которой не могло быть для Вареньки съ нимъ . . . О, если бы было возможно все искупить, все исправить, начать свою жизнь сызнова по второму кругу — для труда и любви, которой былъ теперь онъ лишенъ навсегда! Въ послѣдній разъ съ поворота оглянулись они на домъ ихъ надеждъ и юности, и базарная площадь встрѣтила снова снѣговымъ вѣтеркомъ и несомыми вдоль пучками перекати-поля. Здѣсь, на пустынной площади, простились они, для него — навсегда, для нея же — до новой встрѣчи. . .

Ягодкинъ долго приглядывался къ нему и сказалъ, наконецъ:

— Или не сговорились, Кирюша? Я вѣдь запросто, не умѣю иначе . . . давно Вареньку для тебя я придумалъ.

— Нѣтъ, сговорились, — отвѣтилъ Безсоновъ просто и не стыдясь говорить объ этомъ, — все теперь ясно, Яковъ Ивановичъ, и ничего не страшно . . .

— А страшно что человѣку? Какой человѣку страхъ, разъ онъ самъ свою жизнь ведетъ . . . я вѣдь не объ этомъ, Кириллъ. Жалко, ты на мало пріѣхалъ, словно отъ птичьей стаи отбился, на пути на крышу сѣлъ . . .

— А, можетъ быть, дѣйствительно я отъ стаи отбился, — сказалъ Безсоновъ внезапно, — страшно отбился отъ стаи, Яковъ Ивановичъ!

Уже обезпокоенно Ягодкинъ поглядѣлъ на него.

— Вот, ты о чемъ,—сказалъ онъ словно безпечно, — у насъ по осени журавль отъ стаи отбился, съ вороной знакомство завелъ, вмѣстѣ зимовали. Перезимовалъ ничего.

— Нѣтъ, это я къ слову, — и Безсоновъ успокоительно минуту спустя положилъ свою руку на сухое колѣно Ягодкина.

Этотъ вечеръ далѣе, почти до самой полночи, до скораго поѣзда, провели они вмѣстѣ. Въ одиннадцатомъ часу на той же Соборной площади, гдѣ про-

стился онъ съ Варенькой навсегда, вмѣстѣ съ Ягодкинымъ сѣли они въ автобусъ.

На перронѣ холодно и нерадостно дулъ вѣтеръ, обѣщая снѣгъ. Они скоро озябли. Издалека, содрогая землю, прогудѣлъ черезъ мостъ скорый поѣздъ, побѣдоносно ослѣпляя и сокрушая. Нѣсколько только минутъ стоялъ онъ на станціи этого города, невѣдомаго пассажирамъ. Въ поѣздѣ были уже подняты полки, пассажиры готовились къ путевому сну.

— Ну, прощай, Кирюша, — сказалъ Ягодкинъ и обнялъ его сухой рукой за шею, — а насчетъ если стаи, пріѣзжай со мной, съ ворономъ, зимовать . . . а можетъ, и голубка для тебя найдется, какой и въ чужомъ краю не сыщешь. Все понялъ?

И Ягодкинъ сунулъ ему въ руку, прощаясь, бумажку.

— Это что? — спросилъ, было, Безсоновъ, но, махнувъ рукой, сталъ его подсаживать Ягодкинъ.

Онъ развернулъ лоскутокъ газеты, двѣ лиловыхъ старенькихъ пятирублевки — посильный даръ токаря — лежали въ ней. Тогда, не умѣя себя сдержать, впервые за всѣ эти дни Безсоновъ зарыдалъ, прислонившись къ стѣнѣ. Прошелъ кондукторъ, освѣтилъ его лицо фонаремъ и сердито сказалъ:

— На площадкѣ не полагается стоять, гражданинъ.

XL

Провалявшись четверо сутокъ отъ злѣйшей морской болѣзни, злой, постарѣвшій приплылъ Свербѣевъ изъ Одессы въ Батумъ. Всю ночь до утра зыбко качало его еще и въ постели въ гостиницѣ, но раннимъ утромъ уже, преодолѣвъ свою тошную слабость, онъ принялся дѣйствовать. Прежде всего, съ первымъ утреннимъ поѣздомъ отправился онъ на розыски турка Ферата, у котораго жилъ въ свою пору. Въ маленькомъ домѣ въ горахъ скрывался Свербѣевъ когда-то, а тамъ, поверхъ дома, въ глушайшей тишинѣ горъ, проходили ночами контрабандисты, въ арбахъ и въ переметныхъ сумкахъ на осликахъ пере-

возя запретные товары изъ Турціи. Кишѣло это побережье тайными дѣлами, тугогрудыя фелюги изъ Смирны, съ анатолійскаго берега привозили лимоны, отплывали обратно ночью, загруженныя пустой тарой или боченками, подъ которыми преблагополучно уплывалъ человѣкъ, нуждавшійся въ чужеземномъ пристанищѣ. Очень много изъ всего, что дѣлалось на этомъ побережьи, зналъ Фератъ, возясь надъ чайной своей плантаціей и воздѣлывая мандариновый садъ; много нитей сходилось въ бѣломъ турецкомъ домикѣ съ красною кровлей, съ широкимъ балкономъ, подпертымъ подпорками, на которомъ грустили по вечерамъ обѣ жены Ферата — Зульфи и Рукіэ ... На этого-то Ферата и возложилъ Свербѣевъ послѣднюю свою надежду. Если сейчасъ невозможно бѣжать, во всякомъ случаѣ дастъ возможность Фератъ укрыться на первое время, пока улягутся розыски.

Съ утреннимъ поѣздомъ, глядя съ тоской на ненавистное море, хмуро бившееся тяжелой дымной волной, уѣхалъ въ это утро по знакомой дорогѣ Свербѣевъ. Сплошные дожди шли въ эту пору надъ Батумомъ, горныя дороги были размыты, скучно и надоѣдливо билось море самыхъ безнадежныхъ пепельныхъ и свинцовыхъ тоновъ. Если бы сложилось такъ, что нужно укрыться ему одному, все было бы проще, но тутъ возникла тоска и страхъ за Безсонова, который могъ въ своей слабости все провалить, — и не жалость, конечно, а только опасность заставляла одинаково думать и о его спасеніи. Поѣздъ, наконецъ, пришелъ къ Зеленому Мысу, постоялъ и ушелъ, поглотившись сейчасъ же тоннелемъ. Все было мокро, осклизло, шелъ дождь, прибивая къ землѣ вонючій дымъ паровоза. Мокрые глянцевитые листья въ Ботаническомъ саду безнадежно блестѣли жестянымъ блескомъ. Невесело сталъ подниматься въ горы Свербѣевъ. Безъ палки, съѣзжая на скользкихъ дорожкахъ, хватаясь за вѣтки, мгновенно пропоровшія его руки шипами, проклиная эти горы и себя самого, спутавшагося съ такимъ ничтожнымъ и опаснымъ человѣкомъ, какимъ былъ Безсоновъ, одолѣвалъ онъ крутизну . . .

Наконецъ, за колючимъ кустарникомъ, насажен-

номъ непроходимой шпалерой, забѣлѣлъ турецкій домъ. Надъ дырою, висящей надъ склономъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы самъ человѣкъ удобрялъ свои плодовыя деревья, сидѣлъ турченокъ, сразу при видѣ Свербѣева забывшій о блаженной натугѣ и понесшійся прочь съ разстегнутыми штанами. Турчанки, сидѣвшія на балконѣ, сейчасъ же закрылись чадрами до самыхъ глазъ. Фератъ пилилъ въ саду суки яблони. Въ черныхъ штанахъ, подхваченныхъ въ самомъ низу, съ черной тонкой бородкой, изогнутой полумѣсяцемъ, былъ онъ даже благообразенъ; неспѣшность движеній осѣняла его достоинствомъ, несовмѣстимымъ съ темными дѣлами и связью съ контрабандистами. Однако все это было именно такъ, какъ зналъ Свербѣевъ о немъ. Турокъ былъ ему осторожно радъ, не зная, по какимъ путямъ съ той давней поры пошелъ человѣкъ. Здѣсь, подъ яблоней, на дождѣ, Свербѣевъ разсказалъ ему откровенно о своихъ планахъ и о томъ, что за какое-то дѣло ему и товарищу грозитъ стѣнка.

Фератъ все это выслушалъ, освѣдомился, есть ли у него деньги, и сказалъ, что сейчасъ стало очень худо, очень слѣдятъ, очень жмутъ, на всѣхъ дорогахъ стоятъ заставы, фелюги передъ отправленіемъ обыскиваютъ; но недавно приплылъ въ городъ Мамедъ Хелваши, извѣстный своими лихими дѣлами, привезъ онъ грузъ лимоновъ изъ Смирны, дня черезъ два онъ уйдетъ изъ Батума и, можетъ быть, согласится на рискъ переправить двоихъ людей, которымъ грозятъ стѣнкой большевики. И въ полдень, бросивъ дѣла, отправился Фератъ вмѣстѣ съ нимъ въ городъ. Проклято билось море, не предвѣщая въ ближайшую пору штиля, а, слѣдовательно, могло случиться и такъ, что задержится на многіе дни, а можетъ быть и недѣли, Мамедъ Хелваши со своею утлой фелюгой. Въ бѣшенствѣ смотрѣлъ Свербѣевъ изъ окошка вагона, какъ неистово и неумѣло размахивали пальмы своими острыми листьями, какъ гнулись кипарисы — слѣва, и какъ сумрачно — справа — ходило и ходило взадъ и впередъ это ненавидимое море.

Если выйти на батумскую набережную, пройти по ней не спѣша отъ самой таможни до турецкаго

базара, — спокойнымъ заливомъ лежитъ съ одной стороны бухта, въ которой отстаивается бѣлый черноморскій пароходикъ, да съ десятокъ турецкихъ фелюгъ тычутъ мачтами въ небо, не смѣя и выглянуть въ весеннюю эту непогодицу, а съ другой стороны во весь рядъ, чередуясь другъ съ другомъ, тянутся турецкія кофейни, въ которыхъ—полутьма, стукъ костей домино о мраморныя доски столиковъ, и огромные неподвижные турки, сѣдѣя отъ времени, сторожатъ тишину и сумракъ своихъ кофеенъ.

Сюда-то, въ одну изъ кофеенъ, пришли Свербѣевъ съ Фератомъ и сѣли въ глубинѣ. Скосивъ одинъ миндально-коричневый глазъ, не двинувшись съ мѣста, посмотрѣлъ на нихъ хозяинъ, хрипѣвшій коротенькой трубочкой. Проворный мальчишка съ женскимъ задомъ принесъ имъ двѣ чашечки кофе. Фератъ далъ улечься первому впечатлѣнію отъ ихъ прихода и, когда попрежнему застучали кости на столахъ, занятыхъ посѣтителями, хозяинъ неспѣша и какъ бы по своему дѣлу поднялся и прошелъ мимо нихъ. Что-то успѣлъ сказать ему Фератъ, зажавъ въ кулакъ черный полумѣсяцъ своей бороды. Минуту спустя, подмигнувъ Свербѣеву однимъ глазомъ, велѣлъ онъ ему слѣдовать за собой. Незамѣтно они вышли изъ залы, зашли за стойку и скрылись за пестрой портьерой, скрывавшей дверь. Здѣсь была тоже комната, но съ тремя только столиками, за которыми никто не сидѣлъ; тотъ же толстозадый мальчишка принесъ имъ сюда два свѣжихъ чашечки кофе. Они сидѣли и молчали; никто не приходилъ, и Свербѣевъ началъ отъ нетерпѣнья сомнѣваться въ Фератѣ, но тотъ спокойно отпивалъ маленькими глоточками кофе, загадочно опустивъ глаза. Вдругъ дверь сбоку открылась, и вошелъ человѣкъ въ морскомъ плащѣ. Онъ опустилъ капюшонъ, и Свербѣевъ увидѣлъ турка съ очень острыми, почти колючими глазами и выбритымъ, необычайно сильнымъ сизымъ подбородкомъ, надъ которымъ орлинымъ клювомъ свисалъ большой предпріимчивый носъ. Человѣкъ приложилъ руку ко лбу и ко рту; тѣмъ же самымъ отвѣтили Фератъ и Свербѣевъ, и тогда Свербѣевъ узналъ, что прищедшій и есть—Мамедъ Хелваши.

Безконечное число чашекъ, вздымавшихъ сердца уже съ буйнымъ неистовствомъ, выпили они здѣсь втроемъ, въ этой маленькой комнатушкѣ кофейни. Ферать былъ правъ — Хелваши опасался, въ послѣднее время очень слѣдятъ, въ порту передъ выходомъ погрузить нельзя, можетъ быть досмотръ. Курсъ сейчасъ же изъ Батума фелюга Хелваши будетъ держать на Смирну. Въ Смирнѣ есть свои люди, которые не выдадутъ, но въ Смирнѣ тоже досмотръ таможенными властями. Сколько долларовъ можетъ заплатить эффенди? Свербѣевъ сказалъ — „Двѣсти". Хелваши достойно вздохнулъ и отвѣтилъ—„Пятьсотъ". Даже привскочилъ отъ негодованья и ужаса Свербѣевъ. — „И пятьсотъ—это дешево за двоихъ, потому что за двоихъ надо брать тысячу!" — Опять потребовали чернаго кофе и снова принялись торговаться. Спокойно курилъ свою трубку Хелваши, не внимая Свербѣеву. Наконецъ, порѣшили — четыреста. Вытирая пальцами мокрый ротъ, съ жадностью опрокинулъ Свербѣевъ чашечку горькаго кофе. Забирать въ порту людей невозможно, придется Ферату вывести въ море на лодкѣ, тамъ они пересядутъ на фелюгу. Пока въ такой штормъ нечего и думать о выходѣ. Выйдутъ не раньше, чѣмъ черезъ три дня, какъ уляжется непогода. Дальше оживленно сталъ говорить Хелваши съ Фератомъ о какихъ то пяти отрѣзахъ коверкота и о пятнадцати дюжинахъ прессованной пудры „Коти". Нужны были деньги, задатокъ. Свербѣевъ досталъ, отвернувшись, пятьдесятъ долларовъ.

— Мало, — сказалъ Хелваши спокойно.

Свербѣевъ закипѣлъ:

— Какъ мало, а можетъ быть изъ этого дѣла еще ничего и не выйдетъ!

— Тогда задатокъ назадъ. Слово Хелваши тверже денегъ.

Огорченно досталъ Свербѣевъ еще пятьдесятъ долларовъ. Связь условились держать черезъ Ферата. Хелваши надѣлъ свой плащъ съ капюшономъ, таинственно приложилъ руку ко лбу и ко рту — и ушелъ черезъ ту же боковую дверь. Въ кофейнѣ продолжали стучать кости. Свербѣевъ условился съ Фератомъ, что сегодня же переѣдетъ къ нему. Безсонова

поджидалъ онъ на другой день къ утру, должна была быть отъ него условная телеграмма до востребованія. И вмѣстѣ съ Фератомъ вернулся онъ въ его домъ. Годы прошли съ тѣхъ поръ, какъ скрывался онъ здѣсь же, тоскуя о жизни. Теперь снова онъ здѣсь, но уже не тосковать ему нужно о жизни, а жадно ее беречь, спасать отъ разгрома...

Нѣтъ, онъ еще сумѣетъ жить!.. Онъ соберетъ еще воедино свою отточенную волю къ жизни, чтобы небывало прожить теперь эти годы, на которые у него хватитъ денегъ. Въ другой странѣ сумѣютъ оцѣнить его предпріимчивость, его необыкновенную волю, его умѣніе комбинировать жизнь не по тѣмъ обстоятельствамъ, которыя подчиняютъ себѣ человѣка, а по тѣмъ обстоятельствамъ, которыя самъ для себя создаетъ человѣкъ . . . А дождь все шелъ и шелъ, въ турецкомъ домѣ было сыро и скучно, женщины прятали лица отъ посторонняго, керосиновый фитилекъ уныло свѣтилъ, не разгоняя тьмы. Поѣвъ вмѣстѣ съ хозяиномъ какого-то кислаго ѣдова изъ гороха и риса, вышелъ Свербѣевъ одинъ, вдругъ затосковавъ отъ этой высоты, одиночества и чужого уклада, — на широкій балконъ. Плюхалъ и плюхалъ дождь, все было черно, дѣтскій плачъ зловѣще вдругъ прокатился въ горахъ, словно погибалъ человѣкъ. Въ первый мигъ ужаснулся Свербѣевъ этому воплю, потомъ узналъ онъ знакомый плачъ: выли шакалы, томимые голодомъ. Невидимо и угрюмо, гдѣ то страшно внизу, въ безднѣ, отдаленно шумѣло море, терзаемое штормомъ. Впервые холодъ предчувствія, словно осознанье всего содѣяннаго имъ въ этой жизни, проникъ въ него. Въ этомъ своемъ одиночествѣ онъ даже былъ радъ теперь пріѣзду Безсонова. Если будетъ назавтра его телеграмма изъ Тифлиса, черезъ нѣсколько дней Хелваши увезетъ ихъ обоихъ отсюда для новой, сверкающей и безопасной жизни. Дождь шелестѣлъ о крышу, словно невидимо проползали змѣи, которыхъ тамъ много въ этомъ краю.

На другой день въ Батумѣ, уже отойдя отъ ночныхъ видѣній, съ успокоеньемъ и радостью нашелъ онъ тифлисскую телеграмму Безсонова. Дождь утихалъ

надъ Батумомъ, тучи разрывались, какъ рубища нищихъ, блѣдно и жалко среди нихъ, стариковскимъ вытцвѣтшимъ глазомъ, синѣло небо, обѣщая штиль и спасеніе.

XLI

Съ чувствомъ послѣдняго крушенія жизни, а не ожидаемаго спасенія и возвращенія къ ней — ѣхалъ Безсоновъ. Въ какое спасеніе увѣровалъ онъ по словамъ Свербѣева? О чемъ возмечталъ онъ по первому и зловѣщему кругу своей судьбы? Быть поэтомъ, — то сотни такихъ же, какъ онъ, ночуютъ на скамейкахъ бульваровъ, оторвавшись отъ труда, отъ ученья, отъ своей крестьянской крепи; быть актеромъ въ кино — но развѣ не самъ же Куреповъ, который далъ ему эту возможность, говорилъ, что способностей у него на пятакъ, — не въ боярскихъ же поношенныхъ, пахнущихъ коленкоромъ и сыростью костюмахъ влачиться за три рубля по блестящему слѣду другихъ. Въ туманахъ юности осталась мечта о Варенькѣ, которую искалъ онъ потомъ въ Танѣ Агуровой, а нашелъ въ циничесской безлюбви, въ холодномъ полумужскомъ равнодушіи Вѣры Никольской. Какая грусть, какая необыкновенная пустота! Что сулитъ ему теперь Свербѣевъ въ незнаемомъ далекомъ Батумѣ? Бѣжать, скрыться, по-звѣриному искать спасенія съ награбленными чужими деньгами, ради которыхъ — и только ради нихъ, а не для отомщенія Тани — пошелъ онъ на убійство Челищева . . .

Со скрежетомъ и стономъ приникъ онъ къ окну въ пустомъ купе этого вечерняго поѣзда. Трудно плылъ поѣздъ во тьму, одолѣвая подъемъ. — Жить, всѣмъ огромнымъ звѣринымъ дыханіемъ, всей ненасытною волей, всѣмъ инстинктомъ его ожесточенно играющей крови — жить. Но жизнь не тамъ, не у Свербѣева, а здѣсь, гдѣ остались люди его племени, его крови, его совѣсти; правда здѣсь, а не тамъ, куда влачится онъ по толчку, чтобы окончательно и безнадежно погибнуть. Но если правда здѣсь, если жизнь, которую такъ неумѣло, постыдно, преступно онъ началъ на этомъ оставляемомъ имъ берегу, — развѣ не луч-

шее спасеніе — вернуться и покаяться во всемъ до конца?!

Да, я отступникъ, я заблудился, я обольстился постыдными обѣщаніями, я совершилъ преступленіе,— но я еще не до конца сгорѣлъ въ своей низости и въ своемъ отверженіи. Я хочу жить, — по иному, по новому хочетъ жить моя молодость! Пусть черезъ самое жестокое, черезъ самое немилосердное я пройду осужденіе, все же когда нибудь, черезъ годы назначенныхъ мнѣ испытаній, я вернусь къ жизни, я буду жить. Всѣми полными голосами позвала она его напослѣдокъ, освѣтивъ передъ его послѣднимъ исходомъ этотъ единственный путь. — Съ этими словами онъ могъ бы вернуться какъ преступный и заблудившійся сынъ. И Варенька, которая по-молодому, по-новому хочетъ строить свою судьбу, и Ягодкинъ звавшій вмѣстѣ съ нимъ вить трудовую жизнь, и Лебедкинъ со своей найденной правдой — всѣ бы они поняли его до конца и простили бы ему ужасный его грѣхъ и приняли бы обратно въ свой кругъ. Но развѣ ужъ такъ преступенъ, незрячъ Свербѣевъ, чтобы не прозрѣть передъ самымъ концомъ? Быть можетъ, вмѣстѣ съ нимъ захочетъ и онъ этого возвращенія въ жизнь, вмѣстѣ съ нимъ скажетъ и онъ исповѣдальныя слова искупленія. Огромной равниной лежитъ оставленная родина. Просторы для сыновьяго ихъ труда непройденно лежатъ впереди, обѣщая прощеніе и забвеніе. Нетронутое сердце, съ юности искавшее его, теплится застѣнчивымъ пламенемъ, ожидая его прихода. По первому кругу прошелъ онъ, блуждая, чтобы вернуться на этотъ оправданный путь. Жить, жить! — съ этимъ онъ пріѣдетъ къ Свербѣеву, этимъ словами позоветъ онъ его съ собою обратно.

Встрѣтивши въ Батумѣ Свербѣева, онъ поглядѣлъ на него такъ просвѣтленно и ясно, что всецѣло обрадовался Свербѣевъ товарищу, пріѣхавшему раздѣлить его затосковавшее одиночество. Съ первымъ же поѣздомъ, не желая дальше мелькать въ этомъ городѣ, повезъ его Свербѣевъ въ горы къ Ферату. Тамъ могли они быть одни, тамъ могли они обсудить до конца дальнѣйшій свой путь. Послѣ дождей сразу наступило тепло; не такими заброшенными и угрюмыми показа-

лись турецкіе домики въ горахъ; весело теплѣли они бѣлизной своихъ стѣнъ и алыми кровлями, надъ которыми широкими кронами распростирались дикія груши и сливы. Недавно отродившіяся мандариновыя деревья спускались по скату внизъ, а съ другого ската восходили наверхъ колончатыя заросли бамбука. Съ удивленіемъ Безсоновъ смотрѣлъ на этотъ незнаемый, впервые передъ нимъ возникшій міръ. Вмѣстѣ стали они подниматься въ горы, къ дому, затерянному на высотѣ. Лаковымъ блескомъ блестѣли утихшія воды, взбѣгая на берегъ. Уже одно парусное судно, ныряя, уплывало изъ порта въ открытое морѣ, къ Босфору, въ Эгейское море, можетъ быть.

— Дѣла наши развертываются пока превосходно, — сказалъ Свербѣевъ, одолѣвая дорогу,—если этотъ чертъ — турокъ не вретъ и не сдрейфитъ, будемъ мы съ тобой, братъ, черезъ нѣсколько дней далеко отсюда. А сдрейфитъ, мы тутъ съ тобой на нѣсколько мѣсяцевъ сгинемъ, пока уляжется паника, потомъ раздобудемъ новые паспортишки и вернемся куда-нибудь въ Баку, что ли, или въ Ростовъ, новымъ мясцомъ пообрастемъ, пока что. А тамъ жизнь пока жетъ. Главное, деньги, Кириллъ, а деньги у насъ есть... съ умомъ если жить, такъ можно и это устроить, а тамъ мы съ тобой такую жизнь заваримъ, только держись

— А я тебя за другимъ пріѣхалъ звать,—сказалъ Безсоновъ спокойно, выслушавъ всю эту тревожную свербѣевскую рѣчь. — Я о другомъ думалъ, Свербѣевъ... и ты меня пойми и выслушай, прошу тебя!

Остановившись, съ грустью и жалостью поглядѣлъ онъ на товарища, запутавшагося такъ же, какъ онъ, на этомъ пути.

— И вотъ что придумалъ я, Федоръ... — И, не давая себя перебить, идя съ нимъ рядомъ, плечо о плечо, онъ разсказалъ ему все, что пережилъ для себя за эту миновавшую ночь, что рѣшилъ для себя и къ чему пришелъ окончательно, зная, что и онъ, Свербѣевъ, пойметъ его до конца и раздѣлитъ съ нимъ это. Съ искаженнымъ лицомъ, совсѣмъ побѣлѣвшій, какъ всегда въ страшномъ волненіи, слушалъ его Свербѣевъ. Такъ вотъ къ чему пришелъ этотъ опасный

для него сообщникъ, котораго по своему легкомыслію повлекъ онъ за собой. Вотъ почему на вокзалѣ такъ дерзко и ясно онъ поглядѣлъ на него, заранѣе рѣшивъ для себя это свое предательство. Ничего изъ сложныхъ и запутанныхъ мыслей Безсонова не понялъ Свербѣевъ, — безконечную ненависть, злобу и ярость ощущалъ онъ теперь, когда наканунѣ всѣхъ его осуществившихся плановъ, всѣхъ возможностей спасенія, изъ подъ него вышибали доску.

—Ты это давно все придумалъ? — спросилъ онъ мутно, остановившись, чтобы глубже вздохнуть ускользающій воздухъ. — Ловкій человѣчишка . . . а какъ же ты могъ все это рѣшать для себя, не спросивши меня? Тебѣ юродствовать, а мнѣ головой платиться за твое юродство . . . нѣтъ, братъ, шалишь! Жизнью въ тюрмѣ меня не заманишь, показательнымъ процессикомъ совѣсть мою не разбудишь. Я свою совѣсть имѣю, моя совѣсть — это не перегноемъ, не шелухою быть, а человѣкомъ, по человѣчески жить, отлично ѣсть, съ хорошими женщинами въ чистой постели спать, а не за цѣлковый со своей рогожкой . . . А ты меня вотъ чѣмъ вздумалъ пронять, совѣсть заѣла! А ты о совѣсти думалъ, когда Челищева по-собачьи убивалъ? Я тебя не подстрекалъ на убійство, это ты самъ во всю прыть развернулся . . .

— Я знаю, — отвѣтилъ Безсоновъ твердо. — Я и покажу на себя, что въ этомъ я одинъ виноватъ . . . но вѣдь все остальное, все это вѣдь мы вмѣстѣ задумали, Федоръ? А я тебя сейчасъ съ собою зову къ жизни вернуться, все искупить, заново жить начать. Если бы ты зналъ всѣ мои страданья, все мое раскаянье, весь мой ужасъ передъ этой нашею пагубой . . .

Скосивъ бѣлесые глаза на кончикъ своего носа, злобно и пренебрежительно слушалъ его Свербѣевъ, упорно шагая рядомъ. Какія-то новыя мысли возникали въ немъ въ тотъ мигъ, играя углами скулъ. Щеки его втянулись, ротъ запалъ,—онъ былъ страшенъ...

— Что жъ, можетъ быть, и благородно перегноемъ лежать, — сказалъ онъ, наконецъ. — Лежи пожалуйста . . . но вѣдь ты-то и меня съ собой тянешь? Или, можетъ быть, — и онъ стремительно вдругъ наклонился къ Безсонову словно хотѣлъ пропороть его

остріемъ своего длиннаго носа, — или, можетъ быть, ты хочешь одинъ на себя всю вину взять . . . выгородить по своему высокому благородству товарища, спасти его, — это вѣдь тоже тебѣ въ активъ твоего благородства зачтется.

— Я тебя позвалъ за собою, Федоръ . . . — сказалъ Безсоновъ просто, — не хочешь, что же, вернусь одинъ.

— Какъ же, таки прямо пойдешь и заявишь: я, молъ, убилъ Челищева?

— Да,—твердо сказалъ Безсоновъ. — А какъ же иначе?.. иначе не можетъ быть для меня никакой жизни. Бѣгство — это не жизнь и не спасеніе для меня сейчасъ, а окончательная гибель.

Въ дикихъ колючихъ кустарникахъ лежали горныя разселины, обрываясь внизъ зеленѣющей тропической пропастью. Съ трудомъ одолѣвалась узловатая, въ корневищахъ, дорога. Чуть отставая, шелъ позади Свербѣевъ. Какія мысли по-новому бороздили теперь этотъ мокрый, въ стекающихъ полосахъ лобъ? Что же, такъ легко дастъ онъ этому ничтожному мечтателю, золотоволосому парню, столкнуть себя внизъ съ дороги, которую съ такимъ трудомъ и рискомъ онъ для себя проложилъ? Тайныя силы бушевали въ немъ, въ упорно наклоненной его головѣ. И они шли и шли. Извивались, сворачивали горныя эти дорожки, становясь все дичѣе. На склонахъ, далеко внизу, оставались бѣлѣющіе дома турокъ и виллы бившихъ владѣтелей. Безсоновъ сталъ отставать; потъ стекалъ съ его лица. Отдыхая на поворотахъ, поднимался онъ дальше. Все гуще звенѣла кровь въ ушахъ, туманнѣй становился міръ.

— Далеко еще до дома? — спросилъ онъ, наконецъ, изнемогая.

— Сейчасъ за поворотомъ,—отвѣтилъ Свербѣевъ.

Одолѣвъ еще одну тропинку, зашли они въ густой сумракъ кустарника,

— Постой, Кириллъ, — странно сказалъ вдругъ Свербѣевъ,—ты думаешь, я тебя сюда любоваться завелъ? — И бѣлесыми, безцвѣтными, полными новыхъ рѣшеній глазами, поглядѣлъ онъ ему въ глаза. — Въ послѣдній разъ спрашиваю тебя, поѣдешь со мной или

нѣтъ? . . . Ты подумай прежде, чѣмъ отвѣтить, отъ этого многое зависитъ,—почти прошепталъ Свербѣевъ.

Оглядѣвъ еще разъ этотъ міръ, вобравъ во всю глубину горный прохладный воздухъ, отвѣтилъ Безсоновъ:

— Вернусь. Вернусь, Свербѣевъ! — повторилъ онъ снова уже съ ликованіемъ, восторженно глядя на его руку, въ которой таинственно и угрюмо зачернѣлъ зловѣщій предметъ. — Убей меня, Свербѣевъ, изъ этого браунинга, или дай мнѣ вернуться . . . То или другое только . . . одно изъ двухъ осталось сейчасъ для меня! . .

Съ ненавистью переводилъ большимъ пальцемъ Свербѣевъ предохранитель револьвера. Съ ненавистью поглядѣлъ онъ на восторженное, потное и изнемогающее лицо недавняго товарища. Одинъ только мигъ отдѣлялъ его отъ рѣшенья избавиться навсегда отъ этой зловѣщей тѣни, сопутствовавшей ему до сихъ поръ. Но въ то же мгновенье судорога передернула страшное и смертно-бѣлое въ этомъ зеленѣющемъ мірѣ лицо Свербѣева.

— Дуракъ . . . трусъ! — сказалъ онъ съ отвращеніемъ и ненавистью. — Руки марать объ тебя противно . . . если бъ не это, не пожалѣлъ бы я тебя уничтожить, — и ни одинъ человѣкъ, ни одна душа не узнали бы . . . затащилъ бы тебя вотъ въ эти колючки, въ кусты, лежи, удобряй землю, насыщай собою шакаловъ. Противно съ тобою мараться! Ступай куда хочешь, чортъ съ тобой . . . отдай свою часть — и иди, раньше трехъ дней не смѣй объявляться, пока я не смоюсь . . . понялъ?

— Вотъ деньги, возьми ихъ, освободи меня отъ этого страшнаго груза, — сказалъ Безсоновъ, такъ же восторженно глядя ему въ глаза.

Онъ торопливо досталъ свою пачку и отдалъ Свербѣеву.

— Ну, и чортъ съ тобой, и погибай, дуракъ, тля, — отвѣтилъ Свербѣевъ, запрятывая деньги въ карманъ, — Въ тюрьмѣ будешь гнить, вспомяни Свербѣева . . . большую я жизнь себѣ построю, какъ и не снилось!

— Что же, Федоръ, дороги наши разошлись теперь окончательно, — сказалъ Безсоновъ горько, — а кто изъ насъ жизнь построитъ по настоящему, заново — покажетъ время. Одно знаю я только: неправдой, преступленіемъ нельзя жизнь строить . . . Это распадъ и гибель! . .

— И пропадай, сгнивай въ тюрьмѣ, или лучше всего къ стѣнкѣ встань . . . проповѣдникъ. Отъ души тебѣ желаю этого! — крикнулъ Свербѣевъ и, больше не взглянувъ на него, не сказавъ ему на прощанье ни слова, неистово устремился кверху по этой горной дорогѣ. Минуту еще слышалъ Безсоновъ его запаленное дыханіе и шорохъ срывающихся внизъ подъ его ногами комковъ земли. Постоявъ, онъ вытеръ мокрое лицо рукавомъ и двинулся по дорожкѣ обратно.

Миновавъ колючую заросль, вышелъ онъ на открытое мѣсто. Далеко внизу голубой панорамой возникло море. Горы своими разсѣлинами посѣвами, садами и дикою порослью толпились, спускаясь внизъ, а море внизу межъ тѣснинъ было какъ дивный человѣческій глазъ, привѣтствовавшій его, Безсонова, на этомъ нисхожденіи. И необыкновенная ясность, восторгъ отъ этого своего возвращенія въ міръ потрясли и пронзили его. Заново теперь будетъ онъ жить, — можетъ быть, черезъ годы, плечо къ дорогому плечу, взберется онъ на прекрасныя эти высоты, чтобы отсюда оглядѣть зацвѣтающій неугасающій міръ. Цѣну жизни, цѣну человѣческой крови, цѣну труда, цѣну любви узналъ онъ черезъ страшное свое испытаніе. Ликуя, въ печали и горечи, смотрѣлъ онъ отсюда на прекрасную землю, на море, омывавшее ея берега. Легкій горный вѣтеръ осушалъ и утишалъ безумный пламень его лица. А тамъ, въ заголубѣвшемъ дыханіи, показался легкій бѣлѣющій парусъ, — напоминаньемъ о человѣкѣ, плывущемъ всѣми путями, бредущемъ всѣми дорогами, возникшій въ этомъ немеркнущемъ, голубомъ, примиряющемъ и принимающемъ отступника — просторѣ.

КОНЕЦЪ